

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

19 2018
ЧАСТЬ IV

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 19 (205) / 2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ. Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 30.05.2018. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображён *Борис Арташесович Бабалян* (1933) — разработчик вычислительной техники, член-корреспондент АН СССР, один из ведущих российских ученых с мировым именем в области архитектуры, программного обеспечения и автоматизации проектирования высокопроизводительных микропроцессоров и вычислительных комплексов.

Борис Бабалян родился в Баку. После школы поступил в Московский физико-технический институт. Получив диплом, работал в Институте точной механики и вычислительной техники, возглавлял подразделение аппаратного и программного обеспечения. В 1964 году он получил степень кандидата технических наук, семь лет спустя — докторскую степень. В 1984 году был избран членом-корреспондентом АН СССР. Борис Бабалян входит в состав редколлегии многих технических журналов, является автором многих книг и статей по архитектуре компьютеров.

Основные направления деятельности Бориса Арташесовича — развитие и совершенствование IT-индустрии, компьютерных архитектур, разработка инновационных технологий. Он является обладателем одиннадцати патентов США и пяти российских патентов.

В 1974 году за разработку и внедрение комплексного оборудования для САПР, производство и управление комплексной электроникой Борис Бабалян получил Государственную премию. В 1996 году он основал базовую кафедру «Вычислительные технологии» в МФТИ. За разработку и внедрение микропроцессорной вычислительной системы «Эльбрус-2» стал лауреатом Ленинской премии. За разработку и внедрение микропроцессорных вычислительных систем награждён тремя орденами.

С 2004 года Бабалян начал работу на структуру корпорации Intel. Он стал первым европейским ученым, удостоенным титула Intel Fellow («Заслуженный исследователь Intel»). Это звание в Intel присваивается за особые заслуги в развитии технологий и IT-отрасли в целом. Из 80 с лишним тысяч сотрудников корпорации столь почетного титула до сих пор удостоился лишь 41 человек. На данный момент Борис Бабалян является директором по архитектуре подразделения Software and Solutions Group корпорации Intel, а также научным советником научно-исследовательского центра Intel в Москве.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Андрейченко А. К.

Обеспечительный оксюморон: регулирование независимой гарантии нормами о поручительстве261

Ашуров С. О.

Проблемы при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу за совершение преступления в сфере предпринимательской деятельности 263

Баринов А. М.

Институт следственных судей в Российской Федерации: за или против 266

Баркова Е. Н., Бердиева А. А.

О некоторых особенностях компенсации морального вреда..... 269

Баршов В. И.

МЧС России в системе ее национальной безопасности..... 271

Вальтер А. К., Сартания Д. Г.

Историческое развитие права собственности в России 275

Гагулькин С. С., Пестряков А. В., Свиненков С. А.

Проблемы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации277

Горшенин А. А., Дубенский И. В.

Охрана неприкосновенности частной жизни в сети Интернет 279

Данилова М. Н.

Понятие «организованная преступность» в отечественной правовой системе 282

Катренов Д. А.

Определение понятия «услуги» в рамках права Европейского союза 285

Красаев А. Н., Шевченко А. Е.

Противодействие уклонению юридических лиц от административной ответственности 287

Крылов Д. О.

Рассмотрение корпоративных споров в третейском суде..... 289

Крылов Д. О.

Проблема преюдиции решений третейских судов..... 290

Крымшамхалова А. Ш.

Проблемы, возникающие при реализации родительских прав и обязанностей 293

Кукоба М. С.

О потребительском экстремизме в России и способах противодействия ему..... 294

Лосевской М. В.

Дискуссия о нормативных критериях освобождения от наказания в связи с болезнью297

Мартемьянова Т. О.

Некоторые аспекты угрозы убийством в уголовном праве России 299

Нахапетян К. С.

«Налоговые каникулы» для индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации: преимущества и недостатки 301

Оленёва Ю. Н.

Понятие и сущность уголовно-процессуальных функций прокурора в судебном производстве по уголовному делу 303

Омельченко Д. В.

Уголовно-правовая характеристика оскорбления представителя власти: историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты..... 305

Пастухова М. И.

Процессуальные особенности рассмотрения дел о расторжении брака312

Рыбалко К. В., Ишигеев В. С.

Криминологическая характеристика и предупреждение причинения тяжкого вреда здоровью 316

Сачков В. П. Совершенствование способов защиты прокурором прав и законных интересов несовершеннолетних.....	319	Уварова Ю. А. Юридическая ответственность за земельные правонарушения.....	330
Сергеев В. Р. Понятие профессиональной ответственности в системе страхового законодательства Российской Федерации	321	Фомина А. А. Ювенальная юстиция в России: советский период и современность	331
Страх Р. И. Проблемы и перспективы дальнейшего развития института уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации	323	Хубецов Г. С. Особенности стадии возбуждения уголовного дела при производстве дознания в сокращенной форме.....	333
Уварова Ю. А. Проблема правонарушений и ответственности за них в сфере социального обеспечения	327	Цеков М. А. Понятие дознания в уголовном процессе.....	336
Уварова Ю. А. Юридические гарантии защиты персональных данных работника в трудовом законодательстве РФ	328	Чернышев М. Ю. Принципы статуса судей в Российской Федерации и в зарубежных странах	338

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Обеспечительный оксюморон: регулирование независимой гарантии нормами о поручительстве

Андрейченко Александра Константиновна, магистрант
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Независимая гарантия представляет собой новеллу, введенную Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] (далее — ФЗ № 42). Данная новелла являет собой модернизацию банковской гарантии, предшествующего ей способа обеспечения исполнения обязательств. В п. 1 ст. 368 ГК РФ установлена дефиниция независимой гарантии, по которой гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства.

Анализ норм § 6 главы 23 ГК РФ позволяет сделать вывод, что независимая гарантия базируется на нормах о банковской гарантии, однако введенные новеллы оставляют ряд вопросов, в частности, отсутствует представление о применении норм о поручительстве при выдаче независимой гарантии. Так, абзац 2 п. 3 ст. 368 ГК РФ содержит норму, указывающую на применение правил о поручительстве, когда на стороне гаранта при выдаче независимой гарантии выступает некоммерческая организация, физическое лицо, в том числе со статусом индивидуального предпринимателя.

Следует начать с того, что поручительство и независимая гарантия отличные друг от друга способы обеспечения исполнения обязательств. Поручительством является правоотношение, возникающее из договора поручительства, в силу которого поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части (п. 1 ст. 361 ГК РФ).

Для аргументации отличия рассматриваемых способов обеспечения исполнения обязательств, достаточно привести в пример несколько критериев: поручительство носит акцессорный характер (п. 1 ст. 367 ГК РФ), в то время как независимая гарантия не имеет такового (п. 1 ст. 368 ГК РФ); основанием применения поручительства служит неисполнение обязательства, независимая гарантия при-

меняется в других случаях, которые устанавливаются бенефициаром и гарантом без привязки к неисполнению обеспечиваемого обязательства; поручительство возникает из договора поручительства, а независимая гарантия из односторонней сделки — выдачи данной независимой гарантии; по общему правилу, по договору поручительства поручитель и должник по основному обязательству несут солидарную ответственность перед кредитором, а в независимой гарантии принципал, как должник не несет ответственности перед бенефициаром наравне с гарантом; у гаранта отсутствует право на возражения по основному обязательству в отличие от поручителя (ст. 364, ст. 370 ГК РФ); после исполнения обязательств гарантом перед бенефициаром, к гаранту не переходит право кредитора по основному обязательству, в том числе, право залогодержателя, что имеет место быть в поручительстве (ст. 365 ГК РФ); по общему правилу гарант может получить вознаграждение за оказанное обеспечение по соглашению с принципалом лишь в пределах суммы, выданной по гарантии (ст. 379 ГК РФ).

То есть, возникает ситуация, когда два разных способа обеспечения исполнения обязательств будут сочетаться для урегулирования гражданских правоотношений (напомним, что согласно абз. 2 п. 3 ст. 368 ГК РФ в случае выдачи независимой гарантии иными лицами нежели чем кредитная или коммерческая организация, будут применяться правила о договоре поручительства). Сложившаяся ситуация образует явление, именуемое «обеспечительный оксюморон», так как законодатель не указал частности применения вышеназванной коллизии. Представляется, что применение правил о договоре поручительства при выдаче независимой гарантии возможно в нескольких комбинациях.

Во — первых, создается конкуренция норм через подмену понятий: название у односторонней сделки, служащей юридическим фактом для возникновения правоотношений — независимая гарантия, а комплекс прав и обязанностей, который она порождает полностью заимствуются из параграфа 5 главы 23 ГК РФ (поручительство). Выходит,

что гарант остается гарантом, но будет совершать действия так, как поручитель, фактически становясь им. Тоже самое произойдет и с бенефициаром. Получается, гаранту необходимо выдавать независимую гарантию, которая будет называться «договор о поручительстве», что в свою очередь неверно, так как выдача гарантии — сделка односторонняя, а слово «договор» понимает под собой соглашение двух и более лиц. Как итог, происходит подмена понятий, выражающаяся в несовпадении ключевых характеристик независимой гарантии и фактически сложившихся отношений.

В судебной практике встречались казусы, когда происходила аналогичная подмена понятий, а именно не совпадала цель либо сущность сделки: договор купли — продажи содержал в себе элементы договора лизинга (одна и также сторона одновременно являлась лизингодателем и продавцом) [2], название договора подряда не совпадало с содержанием [3]. Спор разрешался следующим образом: стороны имеют право заключить не предусмотренный ГК РФ договор (п.1 ст. 421 ГК РФ), однако при этом необходимо учитывать, что в случае, если название заключенной субъектами хозяйственной деятельности сделки не соответствует ее фактическому содержанию, то сторонам такой сделки и иным лицам следует учитывать юридическую природу сложившихся правоотношений. По итогу, стороны могут заключить смешанный договор (п.3 ст. 421 ГК РФ), права и обязанности по которому будут реализовываться по правилам § 5 и 6 главы 23 ГК РФ настолько, насколько ближе к поручительству или независимой гарантии его отдельная часть. Тем не менее, поручительство и независимая гарантия отличные друг от друга способы обеспечения исполнения обязательств

Во — вторых, правила о договоре поручительства будут применяться в той мере, насколько они не противоречат нормам о независимой гарантии как способу обеспечения исполнения обязательств.

В — третьих, поручительство полностью заменит независимую гарантию, от которой останется только название самих правоотношений. При буквальном толковании нормы абз. 2 п. 3 ст. 368 ГК РФ: «к обязательствам лиц, не указанных в абзаце первом настоящего пункта и **выдавших** независимую гарантию, применяются правила о договоре поручительства», складывается ситуация, что независимая гарантия станет поручительством, когда лицо уже выдаст гарантию (глагол «выдавших» в прошедшем вре-

мени). Соответственно, до момента выдачи независимой гарантии будут действовать нормы § 6 главы 23 ГК РФ, которые «уступят» регулирование правоотношений § 5 главы 23 ГК РФ. Интересным представляется: а) будет ли тогда презюмироваться наличие связи между принципалом и гарантом на стороне должника перед бенефициаром, ведь § 6 главы 23 ГК РФ делает гарантию полностью автономной (отношения по независимой гарантии не связаны между отношениями гаранта и принципала, бенефициара и принципала)? б) сохранит ли возникшее правоотношение отсутствие акцессорного характера? Теоретически, ответ лежит в моменте наступления преемственности норм § 6 и § 5 главы 23 ГК РФ: как только независимая гарантия станет поручительством (момент выдачи гарантии бенефициару), то произойдет смена правового регулирования, следовательно, правоотношения из независимой гарантии станут носить акцессорный характер, и принципал будет отвечать наравне с гарантом.

В — четвертых, если соединить три вышеназванных варианта взаимодействия норм § 5 и 6 главы 23 ГК РФ, складывается впечатление, что законодатель подталкивает на создание непоименованного договора.

Представляется, что среди сказанных рассуждений, ближе к смыслу, который был вложен законодателем в абз. 2 п. 3 ст. 368 ГК РФ, является точка зрения о полной замене независимой гарантии поручительством. Гарант и принципал станут солидарными должниками. Таким образом, самого факта выдачи независимой гарантии недостаточно, необходимо надлежащее оформление между гарантом и бенефициаром. Следовательно, должна усиливаться роль соглашения между принципалом и гарантом: соглашение должно быть похоже на договор о поручительстве, либо он будет заключен после выдачи независимой гарантии. Должно обращать внимание на существо возникающего правоотношения. Не исключено, что соглашение между гарантом и принципалом может стать непоименованным договором.

Примечательно, но на настоящий момент отсутствует судебная практика по рассматриваемому соотношению норм § 5 и 6 главы 23 ГК РФ, хотя имеет место быть «обеспечительный оксюморон». Данная ситуация объясняется тем, что независимая гарантия была недавно легализована в правовом поле, ведь указанному гарантийному обязательству, как и любой другой новелле, необходимо время.

Литература:

1. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 08.03.2015 N 42-ФЗ // Российская газета. 13.03.2015. N 52. (с посл. изм. и доп. от 09.03.2015).
2. Суд частично удовлетворил иски о применении последствий ничтожной сделки купли-продажи, поскольку сторона не может быть одновременно и лизингодателем, и продавцом оборудования, являющегося предметом действующего и исполняющегося договора лизинга с условием перехода к лизингополучателю права собственности на оборудование: постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 13.02.2006 N А19–11342/05–46-Ф02–193/06-С2 // [Электронный ресурс] Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Обобщение практики рассмотрения судами Российской Федерации дел по спорам между гражданами и организациями, привлекающими денежные средства граждан для строительства многоквартирных жилых домов (от 19 сентября 2002 г.): сайт Верховного суда РФ. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrfl.ru/catalog.php?c1=%CE%E1%E7%E0%FB%20%F1%F3%E4%E5%E1%ED%EE%E9%20%EF%F0%E0%EA%F2%E8%EA%E8%20%C2%E5%F0%F5%EE%E2%ED%EE%E3%EE%20%D1%F3%E4%E0%20%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9%20%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8&c2=2002&c3=&id=169> (дата обращения: 16.05.2016).

Проблемы при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу за совершение преступления в сфере предпринимательской деятельности

Ашуров Станислав Олегович, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Автор рассматривает проблемные вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в российском уголовном судопроизводстве. Особое внимание автор уделяет проблемам применения данной меры пресечения за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, заключение под стражу, подозреваемый, обвиняемый, суд, совершенствование законодательства.

Эффективность уголовного судопроизводства должна включать в себя не только успешное установление виновных в совершении преступления лиц, но также правильное соблюдение баланса публичных и частных интересов при этом с обеспечением прав и законных интересов тех его участников, в отношении которых реализуются властно-распорядительные полномочия должностных лиц и государственных органов, ведущих уголовный процесс. В этом значении особые условия применения меры пресечения заключение под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2] и совершенных этими участниками в сфере предпринимательской деятельности согласно ч. 1.1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1], следует признать одним из современных примеров развития уголовно-процессуального законодательства в указанном направлении.

Рассматриваемые особые требования или также обозначаемые как ограничения или запрет по применению заключения под стражу в качестве меры пресечения к подозреваемым и обвиняемым, совершившим ряд вышеперечисленных преступлений в сфере предпринимательской деятельности, были урегулированы в УПК РФ в относительно недавнее время: в 2010 году [3] путем внесения изменений в часть 1.1, введенную в 2009 году в ст. 108 данного кодекса, с расширением, а также сокращением этого перечня преступлений в последовавшие за этим годы (2012–2016 годы). Исследователи отмечают в качестве основной причины введения особых требований избрания заключения под стражу на основании ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ необходимость установления повышенных гарантий защиты прав

предпринимателей, на которых, по их мнению, может быть оказано давление со стороны их конкурентов путем использования сил и возможностей правоохранительных органов [10]. Также называют рассматриваемые изменения законодательства, как меры, направленные в обеспечение безопасности бизнеса в правовом аспекте [14].

Однако стоит учитывать справедливую позицию законодателя на применение меры пресечения заключение под стражу как исключение, когда невозможно применение к подозреваемому и обвиняемому в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, иной, более мягкой, меры пресечения согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ. В связи с этим выглядят обоснованными мнения отдельных авторов об особой природе заключения под стражу как об исключительной мере пресечения [13]. Сказанное подтверждается данными судебной практики, согласно которой в 2016 году было окончено производством 967146 уголовных дел [8], удовлетворено ходатайств о заключении под стражу 121796 [6], что составило примерно 12.59%. Если провести сравнение с количеством лиц по поступившим в суды в 2016 году уголовным делам в 1048339 человек, тот данный показатель составляет примерно 11.69%.

Тем самым регулирование особых условий применения заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, делают эту меру пресечения еще более исключительной, что также подтверждается данными судебными практики, согласно которым в 2016 году поступило 69 ходатайств о заключении под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159.6 УК РФ, являющихся предпринимателями и допустивших эти

действия при осуществлении предпринимательской деятельности, что составляет от общего числа поступивших ходатайств на заключение под стражу в 133882 единиц примерно 0.05%. Из них удовлетворено 34 ходатайства, что составило от количества удовлетворенных судом ходатайств о заключении под стражу примерно 0.02%. Однако почти по половине поступивших ходатайств суды все-таки выдали судебное решение о заключении под стражу, поскольку были подтверждены обстоятельства, перечисленные в п. п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Судебная статистика показывает, что избрание заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых-предпринимателей, совершивших преступления, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, в сфере предпринимательской деятельности, находится на довольно низком уровне. Такой показатель может быть отображением действия ограничения уголовно-процессуальных норм в этой части реализации института мер процессуального принуждения.

В тоже время на его низкий уровень могла повлиять статистика совершения этих преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Согласно данным обзора судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году дела о мошенничестве (ст. 159–159.6 УК РФ) составили 3.9% от общего числа преступлений по уголовным делам, рассмотренным районными и приравненными к ним судами [5, с.8]. При этом стоит учитывать, что в рамках этого показателя отдельно не выделяются преступления в сфере предпринимательской деятельности. Аналогичный показатель по статистике мировых судей составил 2% [5, с.17].

Однако не все уголовные дела поступают в суд. Так по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации всего зарегистрировано по мошенничеству в 2016 году 208926 преступлений [9, с.40]. При этом по данным Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации в 2016 году всеми судами общей юрисдикции окончено 28776 уголовных дел по мошенничеству с остатком на конец отчетного периода в 4622 уголовных дела [8]. Как видим, разрыв между тем, что есть на самом деле и тем, чего смогли добиться правоохранительные органы, весьма внушителен. Безусловно, не представляется возможным полностью исключить негативное влияние на такое положение установленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ ограничений по заключению под стражу предпринимателей, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности по ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, а не только отсутствие состава преступления, истечение срока давности и другие основания для прекращения производства по уголовному делу.

На этом фоне выглядят убедительными мнения исследователей о том, что рассматриваемые ограничения на применение заключения под стражу, установленные в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, не способствуют раскрытию преступле-

ний, совершенных в сфере предпринимательской деятельности и предусмотренных ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ.

Так В. В. Рудич признает преувеличенными утверждения о предъявлении к предпринимателям чрезмерно жестких мер уголовно-процессуального принуждения, если сравнивать с подозреваемыми и обвиняемыми по другим категориям преступлений [12].

В. В. Епишин и М. А. Шадрин обращают внимание на то, что следователи и дознаватели указывают на возможность совершения находящимися не под стражей предпринимателями, являющимися подозреваемыми или обвиняемыми по ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, действий по давлению на свидетелей, воспрепятствованию раскрытию и расследованию приведенных преступлений [11].

Л. М. Фетищева в своей диссертационной работе провела обоснование тезис о том, что в большей степени нуждаются в обеспечении гарантиями прав и свобод следует признать несовершеннолетних и лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, а не бизнесменов-предпринимателей [15, с.16]. Также, по мнению цитируемого ученого, рассматриваемые ограничения не обеспечивают защиту прав и законных интересов потерпевшего по уголовному делу и нарушает конституционный принцип равенства [15, с.19].

Более того Л. М. Фетищевой выявлены случаи в практике следственных органов, когда обвиняемым предъявлялись обвинения в совершении преступлений, не указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ с той целью, чтобы обойти установленные в этой норме ограничения [15, с.19]. Еще проще осуществить это в отношении подозреваемого, когда аргументы могут быть менее убедительными, нежели при предъявлении обвинения.

До 2010 года мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых, занимающихся предпринимательской деятельностью и совершивших преступления, предусмотренные ст. 159, 160 и 165 УК РФ (преступления, предусмотренные ст. 159.1–159.6 были введены в УПК РФ в 2012 году) в сфере предпринимательской деятельности, применялась по общим основаниям, поскольку запреты были введены в 2009–2010 годах. В 2009 году показатель удовлетворенных судами ходатайств о заключении под стражу (187793 единиц [7]) по отношению к количеству оконченных производством уголовных дел судами в 2009 году (1113400 уголовных дел [4]) составил примерно 16%. Тем самым прослеживается некоторое снижение показателей применения заключения под стражу в 2016 году. В связи с этим не представляется возможным полностью исключить влияние на снижение этого показателя действующего запрета на применение меры пресечения в виде заключения под стражу согласно ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Было бы намного проще упразднить ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, поскольку мера пресечения не может рассматриваться в качестве единственного эффективного способа обеспе-

чения раскрытия преступлений, в том числе в сфере предпринимательской деятельности. Тем более что данные судебной практики показывают существенное доминирование над применением заключения под стражу в качестве обеспечительного принудительного средства все другие меры пресечения, признаваемых законом более мягкими. Однако стоит учитывать и те данные судебной практики, которые показывают в некоторой степени снижение уровня использования в этих целях заключения под стражу.

В связи с этим более рациональным следует признать не полное упразднение ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, а ее изменение в сторону приближения к балансу всех затрагиваемых в уголовном судопроизводстве интересов, на которые обратила также внимание в своем диссертационном исследовании Л. М. Фетищева.

Более целесообразным будет направление по некоторому сужению круга составов преступлений, в отношении которых применимо ограничение, предусмотренное ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. Речь идет о том, что в перечне преступлений, предусмотренных ст. 159—159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, присутствуют различные составы преступлений. Например, в ст. 159 части 6 и 7, в ст. 159.1—159.3, 159.5, 159.6, 160 части 3 и 4 относятся к тяжким составам преступлений, причем часть 7 ст. 159 и части 4 в остальных перечисленных статьях УК РФ представляют наибольшую степень опасности, в связи с чем по уголовным

делам об этих преступлениях заключение под стражу в отношении предпринимателей может применяться по общим основаниям.

При этом дополнить ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ новым правилом о преодолении ограничений по усмотрению суда, если следователь или дознаватель представляют в судебное заседание доказательства, на основании которых суд может сделать вывод о невозможности обеспечения нормального хода доказывания по уголовному делу без применения к подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу. Тем самым ограничения по применению меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей не будут упразднены. Однако по каждому уголовному делу вопрос о возможности и целесообразности заключения под стражу такого подозреваемого или обвиняемого будет решаться индивидуально, исходя из содержания преступления, личности подозреваемого или обвиняемого, его участия в возмещении вреда, причиненного его преступными действиями и в способствовании доказывания обстоятельств уголовного дела, а также с учетом мнения и позиции потерпевшего.

Тем самым в статье обоснована и рассмотрена необходимость внесения изменений в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ путем сужения круга преступлений и установления правила по применению заключения под стражу, если иным путем достичь целей доказывания не представляется возможным.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.12.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 1.01.2018 г.) // Российская газета. 2001. № 249. 22 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 года № 63-ФЗ [ред. от 20.12.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 1.01.2018 г.] // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 27.04.2010 г. № 60-ФЗ [ред. от 03.07.2016 г.] «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2010. № 75. 9 апреля.
4. Данные о рассмотрении дел и материалов по первой инстанции судами общей юрисдикции за период с 2007 по 2012 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1627>, дата обращения 3.01.2018 г.
5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 году. М., 2017. 103 с.
6. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>, дата обращения 2.01.2018 г.
7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2009 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=1>, дата обращения 3.01.2018 г.
8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>, дата обращения 2.01.2018 г.
9. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2017. 52 с.
10. Дьяконов А. С. Преступления в сфере предпринимательства — новеллы законодательства и практика их применения / А. С. Дьяконов, В. В. Епишин, М. А. Шадрин // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 [22]. С. 241—247.
11. Епишин В. В. Особенности избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности / В. В. Епишин, М. А. Шадрин // Публичное и частное право. 2015. № II. С. 147—155.

12. Рудич В. В. К вопросу об изъятиях из запрета на заключение под стражу предпринимателей / В. В. Рудич // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 158–161.
13. Сатушева Е. И. Заключение под стражу как исключительная мера пресечения / Е. И. Сатушева // Российское правоведение: трибуна молодого ученого: сб. ст. Томск: изд-во Том. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 189–190.
14. Сидоренко Э. Л. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы юридической идентификации / Э. Л. Сидоренко // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 99–104.
15. Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дисс. ... канд. юрид наук: 12.00.09 / Фетищева Лидия Михайловна. Н. Новгород, 2016. 247 с.

Институт следственных судей в Российской Федерации: за или против

Баринов Артем Михайлович, магистрант
Ульяновский государственный университет

Дискуссия по поводу института следственных судей ведется в российской юридической науке долгое время. При этом до сих пор нет единого мнения о необходимости введения данного института в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Должность следственного судьи, выполняющего полномочия следственного органа, была введена Кодексом уголовного расследования, принятым во Франции в 1808 году. Позже этот институт появился и в уголовно-процессуальном праве других европейских стран.

Длительное время следственный судья во Франции являлся органом предварительного следствия. Закон, укрепляющий защиту презумпции невиновности и права потерпевшего, в 2001 году наряду со следственным судьей ввел должность судьи по свободам и заключению, принимающего решения о заключении под стражу, продлении срока содержания под стражей и рассматривающего ходатайства об освобождении из-под стражи.

С 1930 по 1988 год в Италии тоже существовал институт следственного судьи, выполняющего функции предварительного расследования (аналогичный французской модели). В 1988 году юрисдикционные функции следственных судей были переданы судьям, рассматривающим уголовные дела. Также в Италии действует судья по предварительному расследованию. Он осуществляет функции надзора над органами предварительного следствия и обеспечивает соблюдение прав подследственных [1].

В Германии следственный судья не ведет расследование. С учетом установленных обстоятельств дела он проверяет законность и обоснованность следственных действий, о проведении которых ходатайствует прокуратура (§ 162 Уголовно-процессуального кодекса Германии). Следственные судьи являются судьями местного участкового суда и осуществляют указанные функции в рамках плана распределения обязанностей каждого конкретного суда [2].

В некоторых странах СНГ также был создан институт следственных судей.

Например, в соответствии с частью 3 ст. 54 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан следственный судья — судья суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова закрепляет понятие судьи по уголовному преследованию — это судья, наделенный функциями уголовного преследования, а также судебного контроля процессуальных действий, осуществляемых в ходе уголовного преследования (ст. 6 УПК РМ). В статье 41 данного Кодекса определена компетенция судьи по уголовному преследованию; помимо этого в данной статье предусмотрено, что этот судья принимает решения о временном освобождении задержанного или арестованного лица и их отмене, а также решения о временном лишении лица водительских прав; рассматривает заявления об ускорении уголовного преследования [3].

Необходимость создания института следственных судей в России часто обосновывается тем обстоятельством, что такой институт был введен Уставом уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. В действительности же была введена должность судебного следователя.

Согласно Уставу уголовного судопроизводства судебному следователю предоставлялся широкий круг процессуальных полномочий:

- право самостоятельно возбуждать уголовное преследование (ст. 297);
- право принимать необходимые для расследования меры (ст. 264);
- право поручать полиции производство дознаний и давать ей указания о собирании необходимых справок (ст. 271);

— в случае оказания противодействия следователь мог требовать помощи как от гражданского или военного начальства, так и от полиции (ст. 272).

Кроме того, судебному следователю предоставлялось право производить обыски и выемки, накладывать на не явившихся без уважительных причин денежный штраф, подвергать приводу, избирать в отношении обвиняемых меры пресечения и т. п. Для осуществления ряда процессуальных действий следователь должен был предварительно войти с соответствующим представлением в окружной суд. К таким процессуальным действиям относились: 1) наложение ареста на имущество обвиняемого; 2) осмотр и выемка почтово-телеграфной корреспонденции; 3) объявление розыска обвиняемого через публикацию; 4) освидетельствование психического состояния обвиняемого и разрешение вопроса об умственном развитии несовершеннолетнего; 5) прекращение уголовного дела.

Особый статус судебного следователя заключался в том, что судебные следователи были прикреплены к окружным судам и расследовали уголовные дела под прокурорским надзором [4].

Судебный следователь, в сущности, был наделен полномочиями современного дознавателя и следователя. Таким образом, ссылка на введение Уставом уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. института следственных судей, не свидетельствуют о наличии исторических предпосылок для развития указанного института.

Дискуссия о введении института следственного судьи в уголовное судопроизводство России, в научных кругах, ведется достаточно давно, российская общественность же стала оживленно обсуждать этот вопрос после того, как Президент РФ Владимир Путин утвердил перечень поручений по итогам состоявшегося 14 октября 2014 года заседания президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека. На нем среди прочих поручений глава государства рекомендовал Верховному Суду РФ до 15 марта 2015 года изучить предложения по созданию института следственных судей [5].

Необходимо сказать, что официальные источники до сих пор не содержат заключений и выводов, к которым пришел Верховный Суд РФ в результате выполнения поручения Президента.

Идею введения нового субъекта уголовного судопроизводства — следственного судьи поддерживают многие видные юристы и общественные деятели, например, Смирнов А. В., Зорькин В. Д., Морщакова Т. Г., Барщевский М. Ю., Клишас А. А., Александров А. С., Фидотов М. А., Титов Б. Ю., Ковтун Н. Н. и др. Оппонентами данной идеи выступают Л. В. Головкин, В. А. Томсинов и др. [6]

В частности, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отметил, что институт следственных судей не только повысит эффективность судебного контроля в ходе расследования и объективность судебного разбирательства, но и поможет разорвать «обвинительную связку» между следствием и судом, о которой постоянно

говорят в юридическом сообществе [7], а заодно хотя бы отчасти преодолеть тот «обвинительный уклон» в отечественном правосудии, о котором сказал Президент России в своем Послании Федеральному Собранию еще 12 декабря 2012 года [8].

Профессор Л. В. Головкин напротив, отрицает необходимость введения этого института, потому что подобное нововведение является проявлением «американизации» и может привести к губительным последствиям как для уголовного процесса России, так для общественных отношений в стране в целом. Ни российская доктрина, ни практика, ни власть до сих пор не могут определиться в вопросе об институциональной природе процесса, в котором предполагается функционирование вновь обретаемого судебного следователя [9].

Впервые Концепция, о возможности возрождения института следственных судей в российском уголовном судопроизводстве, была предложена советником Конституционного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором А. В. Смирновым, где были внесены конкретные предложения для принятия нормативных актов, которые могли бы коснуться введения института следственных судей в современной России.

Так, авторы Концепции полагают, что следственный судья на стадии предварительного следствия призван обеспечивать: равенство сторон по собиранию и оценке доказательств; защиту конституционных прав и свобод человека на судебной стадии; выступить независимым «фильтром», предотвращающим поступление в суд незаконных или явно необоснованных обвинений.

Необходимость в этом вызвана теми трудностями, с которыми сталкиваются сейчас участники уголовного судопроизводства при приобщении к материалам уголовного дела собранные ими доказательственные сведения. Несмотря на то, что нормы УПК РФ закрепляют за ними такое право, на практике удовлетворяется лишь часть таких ходатайств, что неудивительно, так как следователь, относящийся к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, не заинтересован в усилении позиции своего процессуального соперника, да и нередко ходатайства, заявленные потерпевшим, рассматриваются следователем как помеха для дальнейшего продвижения уже сформированного и согласованного обвинения.

Сторонники Концепции полагают, что положение может быть исправлено лишь в одном случае если между противоборствующими сторонами будет поставлен нейтральный и независимый арбитр, именуемый следственным судьей. Противники же Концепции выдвигают положение, что в случае введения в уголовный процесс фигуры следственного судьи, надежды на равенство сторон так и останутся пустыми и несбывшимися мечтами, при этом акцентировав внимание на том, что следственный судья будет содействовать стороне обвинения. Однако, согласно Концепции, следственный судья должен быть не судебным следователем, а судьей «над следствием», лично не до-

бывающим доказательств, не формирующим обвинение и не предрешающим вопроса о виновности.

Противники Концепции выдвигают встречное положение, связанное с процессом производства судебных следственных действий. Разве не будет следственный судья связан с их результатами? Сторонники Концепции полагают, что нет, потому что процесс доказывания в ходе производства судебных следственных действий — дело самих сторон, а не следственного судьи, который лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления прав.

Следственный судья не будет иметь возможности отказать сторонам в проведении следственных действий, за исключением случаев, когда истребуемое действие незаконно, либо сведения, о получении которых просит сторона, относятся к другому делу.

Следует отметить, что сторонники Концепции не акцентируют внимания на том, чтобы все свои доказательства участники уголовного судопроизводства стремились получать посредством судебных следственных действий, так как участники уголовного судопроизводства вправе сами избирать процессуальную тактику. Например, следователь вправе получать доказательства, путем проведения всех необходимых следственных действий самостоятельно, но тогда сторона обвинения должна быть готова к тому, что протоколы допросов свидетелей и потерпевших смогут быть оглашены в суде только с согласия стороны защиты, то есть будут являться лишь условно допустимыми, как это и происходит на практике в настоящее время. В тех случаях, когда данные протоколы являются результатом судебных следственных действий, которые после появления в процессе подозреваемого или обвиняемого, проводятся с участием обеих сторон, это является своего рода гарантией от их исключения судом из рассмотрения. Таким образом, судебские следственные действия есть важная, но лишь дополнительная гарантия подлинного равноправия сторон и состязательности процесса, которая особенно востребована по делам о наиболее тяжких преступлениях, в том числе тех, которые входят в компетенцию суда с участием присяжных заседателей и подсудность областных и равных им судов.

Особое значение имеет вопрос о критерии достаточности доказательств для принятия следственным судьей решения о передаче дела в суд (предании суду). Принципиальным является положение о том, что следственный судья при решении вопроса о такой передаче не вправе делать выводов о достоверности доказательств, устанавливающих виновность обвиняемого, что обусловлено исключительной прерогативой суда при вынесении приговора по решению вопроса о доказанности виновности. Однако это не означает, что следственный судья на заключительном этапе предварительного следствия должен быть вовсе устранен от рассмотрения по существу вопроса об обоснованности обвинения, достаточной для передачи дела в суд. Принимая

это решение, он оценивает доказательства в совокупности, в том числе и по существу, однако его итоговый вывод является сугубо предварительным и условным.

Благодаря таким полномочиям, следственный судья может быть полноправным «хозяином процесса» на стадии предварительного следствия, за которым сохраняется последнее слово, поэтому непонятно, какой из него «нотариус», как приписывает ему профессор Головкин Л. В., и как это может быть «чревато разрушением не только правоохранительной, но и правозащитной систем со всеми вытекающими последствиями» [10]?

При этом Морщакова Т. Г. полагает, что, благодаря введению в российский уголовный процесс института следственных судей, процесс должен стать полностью состязательным: судебная функция по рассмотрению и разрешению процессуальных вопросов на предварительном следствии существенно выровняет возможности сторон обвинения и защиты; гарантирует достоверность судебных доказательств, а также незамедлительную передачу дела в суд, соответственно, сократятся и сроки предварительного заключения под стражу; становится реальной возможность так называемого параллельного («адвокатского») расследования, уменьшается бюрократический документооборот в органах следствия, поскольку доказательства признаются допустимыми следственным судьей, высвобождается время для эффективного раскрытия преступлений» [11]?. Все это, как полагают сторонники Концепции, позволит снизить нагрузку на суды как при рассмотрении ими дел по существу в первой инстанции, так и в вышестоящих судах.

Резюмируя сказанное, необходимо сделать следующие выводы: внедрение данного института в российское уголовное судопроизводство, как полагает автор Концепции, решит ряд проблем, которые, в настоящее время, назрели в уголовно-процессуальном законодательстве, а именно: отсутствие гарантий досудебного контроля за законностью и обоснованностью уголовного преследования; несовершенство института оперативного судебного контроля; отсутствие в уголовном процессе юридического равенства сторон.

Необходимо все же акцентировать внимание на том, что процессуальный статус следственного судьи вызывает больше вопросов, чем ответов: если он принимает участие в следственном действии, то каким образом будет указываться в протоколе следственного действия, будет ли это лицо предупреждаться об ответственности, и каким образом будет решаться вопрос о тайне следствия; какие квалификационные требования будут предъявляться к лицу, назначаемому на должность следственного судьи [12]?

В заключение можно сказать, что вопрос о внедрении института следственных судей в систему уголовного процесса России по-прежнему остается открытым. Основной проблемой остается разрозненность мнений в среде ученых и отсутствие конкретики в вопросе реализации данного института.

Литература:

1. Ковтун Н. Н., Бухранова Т. С. Институт судебного следователя и специализированного судьи в контексте опыта стран континентальной системы права // Российский следователь. — 2011. — № 17. — С. 31–37.
2. Бэст Э. Уголовный процесс Германии // Уголовное судопроизводство. — 2014. — № 4. — С. 8–13.
3. Булгакова Ю. С. О создании института следственных судей / Судья. — 2015. — № 12. — С. 48–51.
4. Струкова А. А., Конин В. В. Судебный следователь в российском уголовно-процессуальном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 8. — 1745–1749.
5. Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, 14 октября 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/47174>.
6. Канюк Ю. А. Каким быть институту следственных судей в Российской Федерации // Право: современные тенденции ч. 2, 2017. — С. 107–112.
7. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20121218/2658214guO71.html#ixzz4NX7y5.
8. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>.
9. Головкин Л. В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? URL: <http://www.iuaj.net/node/1740>.
10. Головкин Л. В. Блуждание в трех соснах (размышления о российской судебной реформе) // Альманах «Неволя». — 2015. — Т. 22. — С. 105–109.
11. Морщакова Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс, 2017.
12. Чаплыгина В. Н. Концепция создания института следственных судей в Российской Федерации: основные недостатки и преимущества // Эволюция государства и права: история и современность. — Курск, 2017. — С. 465–469.

О некоторых особенностях компенсации морального вреда

Баркова Елена Николаевна, старший преподаватель;
 Бердиева Асият Амурбиевна, студент
 Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

При принятии Конституции в 1993 году РФ взято направление, связанное с построением правового и социального государства, как это показано в статьях 1, 2 и 7 Основ конституционного строя. Право на жизнь и охрану здоровья относят к численности главных, неотчуждаемых прав и свобод индивида, которые подлежат защите.

Актуальность исследования обусловлена тем, что успешное функционирование правового и социального государства находится в зависимости от качественной составляющей регулирования и практики по применению правовых институтов, призванных полностью реализовывать декларируемое основанием конституционного строя и права.

Становление данных правовых институтов не может произойти одномоментно. Необходимо вмешательство законодателя, которому требуется регулировать прозрачное и единое для всей страны правило по реализации основных прав. Отсутствующее регулирование не позволит всем реализовать конституционные права, а также может создать проблемы правовой определенности. Таким образом, будет подорван конституционный принцип равенства населения перед законом и судом [1]. На данный момент существует немало вопросов относительно реализации

прав граждан на практике, я бы хотела обратить внимание на одну из них, а именно на сложности возмещения компенсации морального вреда.

В особенности остро это проявлено тогда, когда затрагивают правовые институты, где участвует много лиц. Это и институт по возмещению вреда гражданам действиями, которые нарушают его личные неимущественные права либо посягают на принадлежащее человеку нематериальное благо. Число данных потерпевших существенно в любой категории причиненного вреда.

На основании официальных данных ГИБДД, за 8 месяцев 2017 года в РФ при дорожно-транспортных происшествиях погибли около 16 тысяч человек. В Министерстве труда и социальной защиты за 9 месяцев 2016 года отмечен 3731 случай производственного травматизма с тяжелыми последствиями. С точки зрения Следственного комитета в первой половине 2016 года в данный орган РФ поступили 2516 сообщений о преступлениях, которые были связаны с врачебными ошибками и неправильным оказанием медицинской помощи. В 2016 году из 352 человек, которые погибли из-за врачебной ошибки и неправильного оказания медицинской помощи — 142 — дети [4, с.188]. В общем

количестве большинство граждан обратились за компенсацией морального вреда в суд.

При учете степени социального значение, законодатель ответственно относится к защите интересов данной категории населения. Гражданским кодексом РФ и иными нормативными актами регламентируется почти каждый аспект правоотношений потерпевших с причинителями вреда, в том, что связано с возмещением причиненного вреда. Это позволяет каждый год десяткам тысяч населения плодотворно реализовывать такое право.

Но на данном этапе не регулируется институт по возмещению морального вреда. Закрепив в статье 151 ГК РФ право на компенсацию гражданину морального вреда (компенсация физического и нравственного страданий, причинённых действием, нарушающим его личные неимущественные права либо посягающим на принадлежащее человеку нематериальное благо, другие случаи, предусмотренные законодательно) законодатель оставил на усмотрение суда принятие решений о его присуждении, обговаривая, что «суд может» возлагать на причинителя вреда обязанности данной компенсации [2].

Здесь суду предоставляется дискретное полномочие в присуждении компенсации морального вреда, и обозначается, что данную компенсацию осуществляют в денежной форме, законодатель устанавливает только общий ряд принципов с целью определения ее размерности.

Таким образом, суд поставлен перед задачей делать это самостоятельно на основании общего и специального положений ГК РФ и при учете представленного доказательства. Критерии по определению размеров денежной компенсации морального вреда представлены ниже:

- характер причиненных потерпевшему физического и нравственного страданий, который оценивается при учете фактических обстоятельств, когда причинили моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего;
- степень вины причинителя вреда в случае, когда вина — основание по возмещению вреда;
- требование разумности;
- требование справедливости [2].

На примере можно сравнить два дела, когда компенсация морального вреда рассчитывалась на указанных принципах: по решению Никулинского районного суда г. Москвы компенсация морального вреда составила 5 тыс. руб. за вред здоровью, причиненный ДТП, — нетрудоспособность потерпевшего длительное время. По решению Савеловского районного суда г. Москвы размер компенсации по делу о защите чести и достоинства составил 500 тыс. руб. На мой взгляд, критерии для определения размера компен-

сации являются относительными, в связи с чем и решения судей бывают недостаточно обоснованными. Понимание смысла справедливости, разумности субъективны. Однако другого ориентира ни сегодняшнее законодательство, ни официально обобщенная судебная практика не имеет. Таким образом, это ставит и заявителя, и суд перед проблемами в определении размера заявляемых к компенсации и присуждаемых сумм морального вреда.

Особенно это связано с последними двумя критериями — требования разумности и справедливости. Если из обстоятельств конкретного дела судья и стороны могут относительно объективно судить о характере конкретного страдания и степени вины, то разумность и справедливость понимают как стороны, так и конкретный судья по-разному. Такие критерии носят субъективный характер. Критерии с целью общего подхода к определению разумности и справедливости отсутствуют.

Так как принцип независимости судьи предполагает его право на свое мнение в толковании правовой нормы и оценке обстоятельств дела, такая неопределенность в норме открыла возможности для неравномерной практики назначения денежных компенсаций морального вреда, а также для правовой неопределенности.

Также, на основе анализа правоприменительной практики заметим, что при отсутствии соответствующей правовой традиции, суд не утруждает себя подробной мотивацией при назначении тех или иных размеров морального вреда, ограничившись только цитированием критериев ГК РФ, без их корреляции в отношении конкретных дел в части применения требования по разумности и справедливости.

Это подорвало легитимность судебного решения по данным делам, потому что поставило под сомнение обоснованность судебного решения — безусловное требование [3]. В мотивировочной части решения суда должно указываться каждое обстоятельство в деле, установленное в судебном порядке, доказательство, на котором основан вывод суда, и довод, по которому судом отвергаются обстоятельства. В решении по присуждению компенсации морального вреда такого довода не содержится в той части, где суд применяет требование разумности и справедливости.

На основании вышесказанного, отечественное правоприменение, которое имеет в собственной основе традиции позитивизма и объективного подхода, затрагивает существенные проблемы применения принципов не только не находящих какого-либо, даже рамочного, объективного критерия, но даже не поддержанного доктринальным разъяснением правоведа. [5] Таким образом, есть реальная угроза конституционным требованиям правовой определенности и равенству перед законом и судом.

Литература:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ). // Собрание законодательства РФ. — 14.04.2014. — № 15. — ст. 1691.

2. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017). // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2017). // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».
5. Маросина В. В. Компенсация морального вреда по российскому законодательству // Молодой ученый. — 2018. — № 2. — С. 188–190.
6. Табунщиков А. Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве. / Под ред. д-ра юрид. наук С. В. Тычина. 2017. — 124 с.
7. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю., Компенсация морального вреда, 2011.

МЧС России в системе ее национальной безопасности

Баршов Виталий Иванович, сотрудник
Российская криминологическая ассоциация (г. Москва)

В настоящее время Российская Федерация столкнулась с большим количеством внешних угроз ее национальной безопасности. Это связано прежде всего с событиями на Украине, обеспечением безопасности Республики Крым и строящегося моста. Так же большую опасность представляют международные радикальные группировки, с которыми ведут борьбу военно-космические силы России на территории Сирии. Необходимо отметить, что систему национальной безопасности России формируют не только вооруженные силы, но и силы Министерства Чрезвычайных Ситуаций. В настоящей статье автором будут рассмотрены вопросы обеспечения национальной безопасности России силами МЧС.

Ключевые слова: МЧС России, национальная безопасность, международные конфликты, военные угрозы, международная политика.

Окончание противостояния двух сверхдержав — СССР и США в конце XX столетия — не привело к ликвидации источников конфликтности. За резким сломом общественного устройства в странах Центральной и Восточной Европы, развалом Варшавского Договора не последовал роспуск военных структур НАТО, несмотря на то, что источники декларированных Западом «угроз» безопасности странам-членам этой организации со стороны СССР были ликвидированы.

Эскалация конфликтов на межэтнической почве, террористические акты, быстрое распространение инфекционных заболеваний, участвовавшие стихийные бедствия, ухудшение состояния окружающей среды — все это и многое другое стало рассматриваться как невоенные угрозы национальной безопасности Российской Федерации [8].

Создание МЧС в составе исполнительной власти России и наделение этого ведомства большим административным весом были в значительной степени обусловлены необходимостью реагировать на вызванные кризисом государственной системы внутренние угрозы национальной безопасности, которые в постсоветской России получили первостепенное значение. Поэтому, определяя роль МЧС России в обеспечении безопасности страны и в урегулировании различного рода конфликтов, необходимо рассматривать российскую безопасность с двух точек зрения: как безопасность мировой державы и, в зна-

чительной степени, как безопасность развивающегося государства [6].

XXI век внес свои коррективы в систему международных отношений, подведя ее вновь к опасной черте. Объявление США войны «терроризму», после трагических событий в 11 сентября 2001 г., расширение НАТО на Восток, эскалация войны на Ближнем Востоке и как следствие: миграционный кризис в Европе и возросшая угроза террористических атак, участвовавшие попытки некоторых европейских стран поставить под сомнения итоги Второй мировой войны, кризис в отношениях с Украиной, введение экономических санкций, беспрецедентная информационная война против нашей страны, подогреваемая откровенной русофобией, и многое другое — все это изменило направление внутреннего и внешнего векторов современной российской политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

МЧС России для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации руководствуется следующей законодательной основой: «О военном положении» от 30.01.2002 г. [3], Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 г. [4], федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» № 68-ФЗ от 21.12.1994 г. [1], федеральный закон «О противодействии терроризму» № 35 от 06.03.2006 г [2].

Нормативно-правовые акты, регулирующие обеспечение специальных административно-правовых режимов, действуют лишь на время их введения и осуществления, утрачивая свою силу в момент их прекращения или отмены.

В нормативно-правовых актах, устанавливающих порядок введения специальных административно-правовых режимов, применяют ряд терминов и понятий.

Чрезвычайным положением является вводимый согласно Конституции РФ и Федеральному конституционному закону на территории всей Российской Федерации или на ее отдельных территориях особый правовой режим функционирования государственных органов власти и органов местного самоуправления, а также организаций всех форм собственности и организационно-правовых форм, должностных лиц и общественных объединений, которым допускаются отдельные ограничения свобод и прав граждан РФ, лиц без гражданства, иностранных граждан, прав общественных объединений и организаций, а также возлагаются на них дополнительные обязанности [9].

Режим чрезвычайной ситуации представляет собой собирательное понятие, которое включает различные режимы, опосредующие экстремальные ситуации «регионального бедствия», требующие принятия особых мер, которые подобны используемым при введении режима чрезвычайного положения. Устанавливать режим чрезвычайного положения могут федеральные органы власти, органы исполнительной власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления.

Процедура введения и осуществления специального административно-правового режима может быть разделена на следующие этапы.

1. Этап введения специального режима. Заинтересованные субъекты информируются о введении режима.

2. Этап осуществления специального режима.

3. Прекращение или отмена специального административного режима. Заинтересованные субъекты получают информации о прекращении или отмене специального административно-правового режима.

Введение и осуществление специального режима начинается с первого этапа — введения режима. На примере военного и чрезвычайного положения, контртеррористической операции рассмотрим этап введения специального режима.

Введение чрезвычайного положения на всей территории России или в ее отдельных местностях осуществляется указом Президента Российской Федерации с немедленным оповещением об этом Совета Федерации и Государственной Думы.

Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» устанавливается, что введение чрезвычайного положения возможно только в обстоятельствах, которые несут прямую угрозу безопасности и жизни граждан, а также конституционному строю РФ, и устранение которых требует принятия чрезвычайных мер. Такими обстоятельствами являются:

1) попытки насильственного присвоения или захвата власти, изменения конституционного строя Российской Федерации, массовые беспорядки, вооруженный мятеж, террористические акты, региональные, межконфессиональные и межнациональные конфликты, которые сопровождаются насильственными действиями, создают непосредственную угрозу безопасности и жизни граждан, нормальной работе органов местного самоуправления и государственных органов власти;

2) чрезвычайные экологические ситуации, ситуации техногенного и природного характера, эпизоотии и эпидемии, возникающие в результате катастроф, опасных природных явлений, стихийных бедствий, аварий, могущие повлечь или повлекшие человеческие жертвы, ущерб здоровью людей, нанесение ущерба окружающей среде, значительный материальный ущерб, нарушение нормальных условий жизни населения, которые требуют проведения значительных аварийно-спасательных, а также других работ.

Принятый Президентом Российской Федерации указ о введении чрезвычайного положения должен быть незамедлительно передан в Совет Федерации Федерального Собрания для утверждения. Указ Президента РФ о чрезвычайном положении должен содержать в себе:

- 1) обстоятельства, на основании которых принято решение о введении чрезвычайного положения и основание необходимости его введения;
- 2) границы территории действия режима чрезвычайного положения;
- 3) средства и силы для обеспечения режима чрезвычайного положения;
- 4) исчерпывающий перечень чрезвычайных мер и рамки их действия, перечень временных ограничений свобод и прав граждан России, лиц без гражданства и иностранных граждан, прав общественных объединений и организаций;
- 5) должностные лица (государственные органы), которые несут ответственность за меры, применяемые в условиях режима чрезвычайного положения;
- 6) срок действия режима чрезвычайного положения и время вступления в силу указа.

Указ Президента РФ, которым вводится режим чрезвычайного положения, должен быть незамедлительно обнародован по каналам телевидения и радио, а также незамедлительно официально опубликован.

Члены Совета Федерации после обнародования указа обязаны в кратчайшие сроки не дожидаясь специального вызова прибыть на заседание палаты. Утверждение указа Президента РФ о введении режима чрезвычайного положения Советом Федерации Федерального Собрания РФ осуществляется в первоочередном порядке.

Решение вопроса об утверждении Советом Федерации указа Президента РФ о чрезвычайном положении и принятие соответствующего постановления должно быть осуществлено не позднее 72 часов после опубликования указа.

Если указ Президента РФ о чрезвычайном положении не утвержден Советом Федерации, то через 72 часа с момента обнародования от утрачивает силу, о чем население соответствующей территории оповещаются таким же образом, каким осуществлялось оповещение о введении режима чрезвычайного положения.

Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» № 68 от 21.12.1994 г. и постановлением Правительства РФ «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» № 794 от 30.12.2003 г [7]. регламентируется порядок организации работы органов управления, а также сил государственной единой системы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, основные мероприятия, которые проводятся указанными силами и органами как в повседневном режиме, так и в режимах повышенной готовности и в чрезвычайных ситуациях.

В зависимости от характера последствий чрезвычайной ситуации, средств и сил государственной системы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, привлекаемых к ликвидации, классификации чрезвычайной ситуации и характера ее развития, других факторов, которые оказывают влияние на безопасность населения и требуют осуществления дополнительных мероприятий по его защите, а также по защите территории от чрезвычайной ситуации, при введении режимов повышенной готовности или чрезвычайной ситуации могут устанавливаться следующие уровни реагирования [5]:

1) объектовый уровень — устанавливается решением руководства организации в ходе ликвидации чрезвычайной ситуации средствами и силами организации, которая оказалась в зоне действия чрезвычайной ситуации, если эта зона расположена в границах территории этой организации;

2) местный уровень:

- устанавливается решением главы населенного пункта в ходе ликвидации чрезвычайной ситуации средствами и силами организаций и органов местного самоуправления, попавших в зону чрезвычайной ситуации, охватывающей территорию одного населенного пункта;
- устанавливается решением руководства муниципального района в ходе ликвидации чрезвычайной ситуации средствами и силами органов местного самоуправления и организаций, оказавшихся в границах действия чрезвычайной организации, затрагивающей территорию двух или более поселений, либо межселенную территорию, межселенную территорию и территорию поселений, если эта зона располагается в границах одного муниципального района;
- устанавливается решением руководителя городского округа в ходе ликвидации чрезвычайной ситуации средствами и силами органов местного самоуправления и организаций, находящихся в зоне действия

чрезвычайной ситуации, если эта зона расположена в границах соответствующего городского округа;

3) межмуниципальный (региональный) уровень — устанавливается решением высших должностных лиц субъектов Федерации (руководителей высших исполнительных органов субъектов Российской Федерации) в ходе ликвидации чрезвычайной ситуации средствами и силами организаций, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления субъектов Федерации, которые оказались в зоне действия чрезвычайной ситуации, затрагивающей территории более одного муниципального района или территорию городского округа и муниципального района, если зона чрезвычайной ситуации расположена в границах одного субъекта Федерации;

4) федеральный уровень — устанавливается по решению Правительства РФ в ходе ликвидации чрезвычайной ситуации средствами и силами исполнительных органов власти субъектов Федерации, которые оказались в зоне действия чрезвычайной ситуации, затрагивающей территории более одного субъекта Федерации.

Особый уровень реагирования своим решением устанавливает Президент Российской Федерации в ходе ликвидации чрезвычайной ситуации, требующей привлечение согласно законодательству Российской Федерации средств и сил федеральных исполнительных органов власти, включая специально подготовленные силы и средства Вооруженных Сил РФ, других воинских формирований.

Заинтересованные субъекты получают информацию о введении специального режима следующим образом.

При введении военного или чрезвычайного положения федеральный исполнительный орган власти, в чьем ведении находятся вопросы иностранных дел, в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации, которые вытекают из таких международно-правовых актов, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Международный пакт о гражданских и политических правах, уведомляет в трехдневный срок Генерального секретаря ООН, а также Генерального секретаря СЕ (Совет Европы) о введении временных ограничений свобод и прав граждан, что является отступлением от обязательств, взятых Российской Федерацией на себя согласно указанным международным актам, о причинах принятия подобного решения (статья 22 ФКЗ «О военном положении»; статья 37 ФКЗ «О чрезвычайном положении») и объеме этих отступлений.

При введении режима чрезвычайного положения на отдельных территориях Российской Федерации федеральный исполнительный орган власти, в чьем ведении находятся вопросы иностранных дел, должен в течение суток после утверждения соответствующего указа Президента РФ Советом Федерации уведомить сопредельные страны об обстоятельствах, которые послужили причиной введения режима чрезвычайного положения (статья 38 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»).

Второй этап — осуществление специального режима.

Прежде всего, режим чрезвычайного положения предусматривает применение временных ограничений и мер, перечисленных в статьях 11–13 ФКЗ «О чрезвычайном положении».

Президент Российской Федерации имеет право приостанавливать действие правовых актов государственных органов власти субъектов Федерации, правовых актов местного самоуправления, если данные акты противоречат положениям указа Президента России о введении на соответствующей территории режима чрезвычайного положения.

На территориях, находящихся в зоне действия режима чрезвычайного положения, не проводятся референдумы и выборы.

На территориях, на которых распространяется режим чрезвычайного положения могут быть созданы органы особого управления. Особое управление территориями может вводиться указом Президента РФ путем формирования:

- 1) специальных временных органов управления территориями, на которых введен режим чрезвычайного положения;
- 2) федеральных органов управления территориями, на которых действует режим чрезвычайного положения;

Режим чрезвычайного положения обеспечивается средствами и силами органов внутренних дел, федеральных органов безопасности, уголовно-исполнительной системы, внутренних войск, а также средствами и силами органов гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций. В исключительных случаях привлекаются Вооруженные Силы РФ, а также другие органы, войска и воинские формирования.

На межрегиональном уровне (в границах соответствующего федерального округа) задачи и функции по обеспечению координации федеральных исполнительных органов власти, а также организации взаимодействия между государственными органами власти субъектов Федерации

и федеральными исполнительными органами власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями в сфере защиты территории и населения от чрезвычайных ситуаций в установленном порядке осуществляется представителем Президента РФ в соответствующем федеральном округе.

Третий этап — прекращение или отмена специального административно-правового режима.

Чрезвычайное положение отменяется в 30-дневный срок с момента объявления, если оно вводилось по всей территории России, или в 60-дневный срок при его введении на ее отдельных территориях. После окончания этих сроков чрезвычайное положение прекращается. Если за указанное время не удалось достичь целей введения чрезвычайного положения, Президент РФ своим указом вправе продлить срок его действия.

Если обстоятельства, послужившие основанием для введения режима чрезвычайного положения, устранены, Президент РФ частично или полностью чрезвычайное положение отменяет.

Решение, отменяющее чрезвычайное положение, подлежит опубликованию.

Указ Президента Российской Федерации, иные нормативно-правовые акты РФ и субъектов Российской Федерации, которые были приняты с целью обеспечения чрезвычайного положения, относящиеся к временным ограничениям свобод и прав граждан и организаций, утрачивают свою силу вместе с прекращением действия чрезвычайного положения, что не требует специального уведомления.

Согласно статье 33 Закона «О чрезвычайном положении», прекращение действия чрезвычайного положения является основанием для прекращения административного производства за нарушение режима чрезвычайного положения с немедленным освобождением лиц, которые были подвергнуты по этим основаниям административному аресту или задержанию.

Литература:

1. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 N 68-ФЗ (последняя редакция).
2. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ (последняя редакция).
3. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) «О военном положении».
4. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении».
5. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2017 году» / МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2017. 370.
6. Кувшинов А. В. Сотрудничество Министерства по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации и Европейского Союза в области борьбы с катастрофами // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». — 2011. — № 3. — С. 13.
7. Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 N 794 (ред. от 17.05.2017) «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций».
8. Романов А. А. МЧС России готово реагировать на различные ЧС и происшествия в мире в пять раз быстрее стандартов ООН: Интервью «Интерфакс», 1 марта 2018 г.

9. Смирнов Г.Н. Национальное государство в глобальном мире // Геополитический журнал. 2014. № 3. С. 30.

Историческое развитие права собственности в России

Вальтер Алевтина Константиновна, заслуженный юрист России, доцент;
Сартания Джино Гелаевич, магистрант
Астраханский государственный университет

Исследуя развитие института права собственности в России, нельзя обойти стороной исторический аспект этого вопроса.

По мнению большинства ученых, истоки института права собственности необходимо искать в Древнем Риме с установлением там рабовладельческого строя, где главным объектом права собственности были рабы. Изначально собственность именовалась термином «dominium», что значит «господство лица над вещью». В конце периода римской республики собственность обозначалась термином «proprietas», т. е. «собственность». [1, С. 78]

Формализованный порядок установления вещных прав был определен уже Псковской Судной грамотой, откуда он впоследствии проник в московское законодательство XVI–XVII вв. Также необходимо отметить, что институту права собственности уделялось значительное внимание и в первом юридическом источнике права в России — Русской Правде (ст. 13, 14, 18).

Институт права собственности оказывал очень сильное влияние на жизнь государства и общества. Так, к концу XVII в. произошедшие существенные изменения в структуре земельной собственности привели к слиянию разных сословий (помещиков и вотчинников) в одно — дворянское.

Во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. происходило развитие формализованной юриспруденции во всех сферах правовой жизни и это, несомненно, отразилось на институте права собственности. Так, купля-продажа недвижимого имущества заключалась уже только в письменной форме. Развивался институт аренды недвижимости. Со второй половины XVII в. стала проявляться тенденция к юридическому обособлению имущества супругов.

Среди объектов права собственности в XVIII в. выделяется недвижимое имущество. Правовые акты, касающиеся этих объектов, были призваны уравнивать правовой режим поместий и вотчин. К таковым можно отнести «Новоуказные статьи о поместьях» от 10 марта 1676 г., «Новоуказные статьи о вотчинах» от 14 марта 1676 г., регулирующие порядок наделения землей, а также «Указ о порядке наследования...» от 23 марта 1714 г.

К XIX веку, как пишет Б.М. Соколин, сложились две формы крепостных фабрик: посессионные и вотчинные. На вотчинной фабрике государственная регламентация практически отсутствовала, т. е. их можно было бы отнести к чистой частной собственности помещиков. [2, С. 89]

Во второй половине XIX в. были проведены знаменательные реформы: Крестьянская реформа 1861 г. и Судебная реформа 20 ноября 1864 г., появился Устав гражданского судопроизводства.

Соотношение форм собственности к середине XIX в. было таковым, что при здоровой конкуренции частных собственников, некоторые, стратегически важные сферы, оставались в собственности государства, гарантируя его экономическую стабильность и безопасность.

Развитие института права собственности, в середине XIX века проходило на основе кодификации старых форм права, что не могло не повлиять на характер этой отрасли: сохранились элементы сословного неравенства, ограниченный вещных и обязательственных прав. Так, распоряжение землей подвергалось особым ограничениям.

Дореволюционная Россия успешно развивалась именно потому, что руководство страны проводило мудрую политику баланса и сосуществования двух форм собственности: государственной и частной, при сохранении весьма жесткого контроля над крупными частными собственниками.

В XX веке, веке социалистических экспериментов, идеологам Октябрьской революции казалось, что достаточно ликвидировать частную собственность, чтобы уравнивать и сделать счастливыми всех людей. Вся законодательную систему, выработанную Российским государством на протяжении веков, разрушила Октябрьская революция, так же как и всю систему законодательной, исполнительной и судебной власти.

В 1919 г. П. Ступка предложил начать кодификацию нового права. Центральное место должна была занять новая Конституция. Затем шло «социальное право», включающее семейное право и право социального обеспечения. На более низком уровне должны были располагаться «имущественные права», или нормы, их отменяющие и ограничивающие (о национализации земли и производства), а также «допустимость применения пережитков частной собственности переходного времени».

Практически все, что Россия выработала в результате более чем 400-летнего периода проведения земельных и городских реформ, было ликвидировано Декретом о земле (1917 г.) и Декретом об отмене частной собственности в городах (1918 г.).

Анализируя работы В.И. Ленина и первые мероприятия Советской власти, можно сделать вывод о том, что главной

целью Октябрьской социалистической революции было уничтожение «позорной прибыли», товарного производства и частной собственности.

Как писал В. И. Ленин: «Что такое подавление буржуазии? — Помещика можно подавить и уничтожить тем, что уничтожено помещичье землевладение и земля передана крестьянам». [3, С.421–422]

В первые годы советской власти коммунистической идеологией подчеркивалось, что имущественные права частных лиц (как физических, так и юридических) являлись уступкой во имя развития производительных сил страны и должны быть подчинены общей идее о «господствующей роли социалистической собственности». Наряду с государственной и кооперативной собственностью социалистический закон все-таки выделял частную собственность, имевшую три формы: единоличную, собственность физических лиц; собственность нескольких лиц, не составлявших объединения (общая собственность); а также собственность частных юридических лиц.

Законодательство ограничивало объем и размеры права частной собственности (в частности, действовало ограничение круга объектов, допускаемых в частную собственность, установление предельного размера частного предприятия, размера наследственной массы, получаемой частным лицом, размеров домовладения и т. п.).

Всячески ограничивалось также право частного собственника распоряжаться своей собственностью. К примеру, право сдачи в аренду собственником своего имущества до мая 1922 г. запрещалось или во всяком случае носило спорный характер. Далее, домовладение, по наследству, не могло отчуждаться, им можно было только пользоваться (до 1923 г.), т. е. просто правомочия собственника были сведены к минимуму. Пользование домовладением (сдача его в наем) также ограничивалось законом — установлением нормы жилой площади, тарифов сдаточных цен, сроков сдачи. Советский закон использовал специальный термин «обладание» (ст. 56 ГК), означавший, что предмет, находящийся в частной собственности, не может быть объектом гражданского оборота, и его нельзя продать или купить.

Земельный кодекс РСФСР, принятый в 1922 г., «навсегда отменял право частной собственности на землю», недра, воды и леса в пределах РСФСР. Все земли сельскохозяйственного назначения составляли единый государственный земельный фонд, находящийся в ведении Наркомзема. Покупка, продажа, завещание, дарение, залог земли запрещались, а нарушители подвергались уголовным наказаниям.

В советском гражданском законодательстве было заложено четкое правило. В соответствии с ним можно было

иметь только одну квартиру, только один дом, скот можно иметь в рамках предельных норм, установленных законом.

Что касается других отрицательных последствий тоталитаризма, то, естественно, повсеместная отмена частной собственности привела к плачевным результатам. Так вследствие полного разорения сельского хозяйства, страну постиг страшный голод, унесший миллионы жизней людей. Видно, что сказались годы раскулачивания (уничтожение рациональных частных собственников) и репрессий.

Началом новой эпохи в истории права собственности в СССР стала знаменитая формула, появившаяся впервые в Законе «О собственности в СССР». Она гласила, что количество и стоимость имущества, принадлежащего гражданам на праве собственности, не ограничивается. [3, С.109]

Это положение было затем воспроизведено в Законе «О собственности в РСФСР». Для того времени эта формулировка имела по сути революционное значение.

Продвигаясь вперед, по ходу исторического развития института права собственности в России, необходимо отметить, что в ГК РФ 1995 г. по сравнению с его предшественником положения о собственности претерпели существенное изменение.

Право собственности является наиболее широким и устойчивым вещным правом, оно составляет юридическую предпосылку и результат нормального имущественного оборота.

Право собственности является естественным и неотъемлемым правом человека. Оно представляет собой наиболее широкую разновидность вещных прав, которые закрепляют принадлежность вещей субъектам гражданских правоотношений.

На наш взгляд, триада правомочий собственника имеет место быть, поскольку она, основываясь на законодательстве (п.1 ст. 209 ГК РФ), придает собственности характер наиболее широкого по юридическому содержанию имущественного права, которым могут обладать все субъекты гражданского права.

Правовое регулирование (право) собственности является и сохраняется прежде всего как система норм, закрепляющих, регламентирующих и охраняющих данные отношения. Поэтому так велико значение охраны существующих отношений во всякой правовой системе. Право собственности охраняется нормами едва ли не всех отраслей права: уголовным, устанавливающим ответственность за имущественные посягательства на собственность; административным, наказывающим мелкие проступки такого рода; трудовым, регулирующим, например, материальную ответственность работника за вред, причиненный имуществу работодателя; земельным; семейным; гражданским.

Литература:

1. Новицкий И. Б. Римское частное право. М., 1948. С. 78.
2. Цит. по: Власова М. В. Право собственности в России: возникновение, юридическое содержание, пути развития. — М.: МЗ-Пресс, 2002. — С. 89.

3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 421–422.
4. Власова М. В. Право собственности в России: возникновение, юридическое содержание, пути развития. — М.: МЗ-Пресс, 2012. — С. 109.

Проблемы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

Гагулькин Сергей Станиславович, сотрудник;
Пестряков Андрей Вячеславович, сотрудник;
Свиненков Сергей Александрович, сотрудник
Российская криминологическая ассоциация (г. Москва)

Уголовно-исполнительная система одной из своих важнейших функций, обязана обеспечить безопасность лиц, находящихся на ее территории. Это относится как к сотрудникам, обеспечивающих охрану и порядок, так и к осужденным лицам, отбывающим наказание. В настоящей статье предпримем попытку рассмотреть такой аспект обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы, как применение оружия сотрудниками ФСИН для обеспечения безопасности режима.

Ключевые слова: обеспечение безопасности, уголовно-исполнительная система, лишение свободы, охрана порядка, ФСИН.

По официальным данным Федеральной службы исполнения наказаний, число осужденных за побег из следственных изоляторов (СИЗО) и тюрем, а также исправительных колоний (ИК) за последние пять лет, остается на достаточно высоком уровне, хотя и имеет некоторую тенденцию к снижению: в 2013 г. — 237 человек; 2014 — 202; 2015 — 178; 2016 — 189; в 2017 г. — 125 человек [1].

Получить достоверные данные о фактах применения оружия сотрудниками ФСИН для пресечения побега лица из-под стражи либо из-под конвоя не представляется возможным из-за отсутствия такой информации в открытом доступе. Но это не говорит о том, что такая практика отсутствует.

Знание закономерностей криминологической характеристики рассматриваемого вида преступлений (в частности, взаимозависимости способа совершения преступлений и иных элементов), дает возможность пенитенциарному персоналу в максимальной степени быстро выработать программу (алгоритм) действий, направленный не только на документирование самого факта побега, но и в первую очередь организацию розыска бежавшего. Таким образом, главной практико-ориентированной составляющей служит возможность вычисления недостающих или вовсе неизвестных элементов фактов криминального события.

Данные о зависимостях и корреляционных связях элементов криминологической характеристики преступлений, выраженных в количественных показателях, могут служить основанием для построения типичных версий по конкретным уголовным делам [2].

В целом, авторы убеждены, что повышение эффективности расследования побегов путем совершенствования частной методики, а именно в части анализа и синтеза данных о криминологической характеристике, сможет спо-

собствовать более качественной профилактической работе органов и учреждений ФСИН России и содействовать решению важнейших задач, стоящих перед правоохранительными органами.

При этом, представляется очевидным, что в современных условиях практики деятельности пенитенциарного ведомства назрела острая необходимость специальной юридической подготовки кадров, задействованных в рассматриваемой нами сфере борьбы с преступным рецидивом.

Отметим, что «специалисты по раскрытию и расследованию преступлений в настоящее время должны быть универсалами, аналитически мыслящими, имеющими системную криминологическую подготовку» [5].

Последняя в свою очередь, исходя из предмета данного исследования, предполагает доведение до правоохранителей данных конкретизирующих более глубокий теоретический спектр знаний криминологической методики расследования побегов.

Данное положение подтверждается и результатами интервьюирования сотрудников УИС, в результате которого авторами был выявлен ряд проблем, которые зачастую могут влиять на эффективность и результативность раскрытия побегов.

Наиболее серьезными из них являются: низкий уровень уголовно-процессуальных и криминологических знаний, в частности знаний в сфере организационно-тактических основ производства следственных действий, осуществления оперативно-тактических комбинаций, алгоритмизации и методики расследования пенитенциарных преступлений; отсутствие профильного ведомственного образования; отсутствие знаний о возможности и формах использования помощи специалиста, научно-технических средств и т. д. Данный факт, к сожалению, говорит о бессистемном ха-

рактуре работы учебно-методической, профилактической и научно-практической работы [1].

Решение подобного рода проблем мы видим в ведении в систему дополнительной профессиональной подготовки сотрудника УИС 34 учебных дисциплин строго прикладного (практико-ориентированного) криминалистического цикла. На взгляд авторов, реструктурирование образовательной программы позволит минимизировать пробелы в сфере профессиональной подготовки кадров, обеспечит повышение уровня и эффективности выявления и раскрытия преступлений.

По данным Следственного управления следственного комитета Российской Федерации по Томской области, 23 февраля 2016 г. около 12.00 часов, в здании Колпашевского городского суда, обвиняемый в краже житель Томской области, доставленный на судебное заседание для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, предпринял попытку побега. Полицейский-конвоир стал преследовать обвиняемого. Во время преследования сотрудник неоднократно предупреждал обвиняемого о применении оружия, но молодой человек не отреагировал на данное предупреждение и продолжал бежать. Полицейский, сделав предупредительный выстрел, применил табельное оружие на поражение, в результате чего наступила смерть задержанного лица [3].

Учитывая тот факт, что для розыска и задержания беглецов, а также конвоирования лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, заключенных под стражу, осужденных к лишению свободы, задействуются сотрудники ФСИН России, нами был проведен анализ действующего законодательства, регулирующего условия и порядок применения оружия сотрудниками данных силовых ведомств.

Анализ законодательной базы, определяющий условия и порядок применения оружия сотрудниками ФСИН, позволяет сделать вывод о том, что одним из оснований применения оружия сотрудниками является его применение в целях пресечения побега из мест лишения свободы лиц, отбывающих наказание; побега из-под стражи лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения побега из-под конвоя указанной категории лиц. Кроме того, оружие может быть применено для пресечения попытки насильственного освобождения указанных выше лиц.

Сравнительный анализ федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ с федеральным законом «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 03.07.2016 № 226-ФЗ в части применения оружия показывает, что законодатель значительно расширил право на применение огнестрельного оружия военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии. Но, в то же время, при таком расширении права на применение огнестрельного оружия, законодатель оставил неурегулирован-

ный вопрос применения оружия при пресечении попытки побега лица из-под стражи или из-под конвоя.

Кроме того, в различных источниках ведомственной нормативно-правовой базы есть указание на то, что сотрудники ФСИН могут быть задействованы при осуществлении усиленного варианта охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления.

Ведь, не исключена ситуация, когда лица, задержанные по подозрению в совершении преступления, лица, заключенные под стражу, лица, осужденные к лишению свободы, могут предпринять попытку побега во время конвоирования, либо будет осуществлена попытка насильственного освобождения указанных лиц. Тем более, приведенный в начале статьи пример показывает, что такая практика имеет место быть.

В свою очередь, п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 г. Москва «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [4] обращает внимание на то, что сотрудник ФСИН не подлежит уголовной ответственности в случае причинения вреда при правомерном применении оружия, то есть в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия.

В том случае, если причинение вреда происходит при неправомерном применении сотрудником оружия, действия сотрудника не образуют состава преступления только в том случае, если будет доказано, что, исходя из конкретной обстановки, промедление в применении оружия создавало непосредственную опасность для жизни людей или могло повлечь за собой иные тяжкие последствия, то есть суд указывает на то, что сотрудник в данном случае находится в состоянии необходимой обороны.

В качестве примера наступления тяжких последствий указывается экологическая катастрофа, диверсия и т. д. Но неизвестно, отнесет ли правоприменитель на практике побег подозреваемого, обвиняемого или осужденного из-под конвоя к тяжким последствиям.

Савинов А. В., в свою очередь, также указывает на то, что «в теории и в правоприменительной практике сложилось ошибочное мнение о том, что в случае причинения вреда при нарушении сотрудником ФСИН правил применения оружия всегда наступает правовая ответственность. Ответственность может не наступать в том случае, если сотрудник нарушает правила применения оружия в состоянии крайней необходимости, то есть, когда причиняемый им вред является менее значительным по сравнению с предотвращаемым вредом и не нарушены другие условия правомерности акта крайней необходимости» [6].

Можно представить ситуацию, когда сотрудник ФСИН, пресекая попытку побега из-под конвоя лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, защищая охраняемые законом интересы общества или государ-

ства от общественно опасного посягательства, т. е. находясь в состоянии необходимой обороны, применяет оружие, тем самым нарушая правила его применения [7].

В ряде таких случаев нарушение правил применения оружия может быть оправдано состоянием крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), поскольку для предотвращения более тяжкого вреда, причиняемого интересам правосудия и общественной безопасности, вред причиняется иным правоохраняемым интересам (порядку несения службы и применения оружия), причем вред, как правило, меньший по сравнению с предотвращаемым вредом.

Такая правовая неопределенность, в итоге, может привести к судебным ошибкам при определении правомерности применения сотрудниками ФСИН

огнестрельного оружия при пресечении попыток побега из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, заключенных под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, и, как следствие, привлечению сотрудников к ответственности.

В связи с этим, считаем, что необходимо устранить данный пробел в законодательстве и дополнить пунктом следующего содержания: «*при пресечении попытки побега из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения попытки насильственного освобождения указанных лиц*».

Литература:

1. Грязева, Н. В. Факторы, детерминирующие расследование побегов из исправительных учреждений / Н. В. Грязева // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции (22–23 июня 2012 г.) / под общ. ред. Р. А. Ромашова. — Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. — С. 73–78 (0,3 п. л.).
2. Морозов, Р. М. Расследование побегов из исправительных учреждений: практические рекомендации / Р. М. Морозов, Б. К. Шарбаев. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. — 77.
3. Новости Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Томской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tomsk.sledcom.ru/news/item/1018868>
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. N 19 г. Москва «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»
5. Расследование преступлений, совершаемых в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы: практическое руководство для следователей, дознавателей правоохранительных органов и оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы / под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ Е. П. Ищенко, канд. юрид. наук, доцента О. А. Белова. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 376 с.
6. Савинов А. В. Понятие и содержание уголовного правоотношения вертикального типа, связанного с причинением вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3 (56). С. 57–63.
7. Савинов А. В. Правоотношения, возникающие при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в механизме уголовно-правового регулирования // Правовая культура. 2015. № 2. С. 44–51.

Охрана неприкосновенности частной жизни в сети Интернет

Горшенин Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент;

Дубенский Иван Викторович, магистрант

Ульяновский государственный университет

В наступившую эпоху тотальной информатизации, компьютеризации, распространения социальных сетей сведения об индивиде и его личной жизни становятся все более доступными.

Неприкосновенность частной жизни провозглашена как Конституцией Российской Федерации [1] (ст. 23, 24), так и международными актами. Однако несмотря на повсеместное признание права на неприкосновенность частной жизни, оно стало одним из самых затронутых и уязвимых.

В современном мире постоянно появляются новые информационные технологии и международные компьютерные сети, новые виды связи и сообщений, которые создают новые способы вторжения в частную жизнь человека, а их использование и применение не всегда способствует конфиденциальности.

Масштабы компьютерной преступности возрастают, причем, как отмечается в Доктрине информационной безопасности, методы, способы и средства

совершения таких преступлений становятся все изощреннее [2].

К примеру, создаются программы для мобильных телефонов, позволяющие осуществлять негласный контроль за абонентом. К примеру, П. загрузил подобную программу на мобильный телефон своей знакомой Т. для удаленного контроля с помощью СМС-команд мобильных телефонов, путем осуществления негласных записей разговоров пользователя устройства и звуков окружения наблюдаемого устройства, негласного просмотра истории вызовов и управления списком контактов, негласного просмотра истории СМС, чтения и удаления СМС пользователя, получения текущих координат навигационной системы GPS и т. д.

П. осуществлял использование ранее установленных программ с целью получения сведений без согласия потерпевшей и вопреки ее волеизъявлению путем направления на ее мобильный телефон СМС-команд. Данная информация копировалась П., фиксировалась на внешние хранилища информации и использовалась им по своему усмотрению.

Приговором суда П. был признан виновным, ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года, со штрафом в размере 50 000 рублей [3].

В создавшихся условиях особой угрозе подвергаются такие составляющие права на неприкосновенность частной жизни, как неприкосновенность персональных данных, а также тайна и свобода коммуникаций. Соответственно все актуальнее становится потребность в охране частной жизни, в том числе уголовно-правовыми средствами. Провозглашается задача обеспечить баланс между своевременным внедрением современных технологий обработки данных и защитой прав граждан, включая право на личную и семейную тайну [4].

В настоящее время количество нарушений права на неприкосновенность частной жизни в сети Интернет только растет, на сегодняшний день большая часть преступных посягательств на неприкосновенности частной жизни совершается именно в сети Интернет.

С. В. Баринов, проведя анализ преступных посягательств на частную жизнь, совершаемых в сети Интернет, увидел, что чаще всего их предметом становятся изображения. В 69 % изученных случаев предметом преступления стали именно изображения, а в 31 % — видеозаписи [5, с. 142].

Часто изображения содержат элементы эротического характера. Они могут быть получены ранее, когда между потерпевшим и будущим преступником складывались доверительные отношения, и впоследствии хранились у последнего.

Очень часто встречаются случаи распространения информации в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте» и т. д.), где количество получателей неограниченно, круг их заранее неизвестен.

В качестве примера такого распространения информации о частной жизни можно привести создание К. в мае

2013 года без ведома и согласия М. ее профиля в социальном чате «Одноклассники» в сети Интернет. В данном профиле К. умышленно указала анкетные данные М. и разместила её фотографию, а также информацию о беременности последней и о произведенном ею аборте, составляющие личную тайну М. Соответственно имел место случай незаконного распространения сведений о частной жизни М., путем публичной демонстрации указанной информации на созданном от имени М. профиле в социальном чате «Одноклассники» в сети Интернет, не заблокированном от доступа посторонних лиц. К. была признана виновной по ч. 1 ст. 137 УК РФ, ей было назначено наказание — исправительные работы сроком на девять месяцев с удержанием 10 % заработка в доход государства [6].

Проведенный С. В. Баринным анализ показал, что, как правило, субъектами преступлений против неприкосновенности частной жизни в сети Интернет в 78 % случаев являются мужчины в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие навыки работы с компьютером на уровне пользователя и продвинутого пользователя, являющиеся активными участниками социальных сетей. Совершаемые преступления чаще всего — первый криминальный опыт в жизни. Уровень благосостояния преступников можно считать как удовлетворительный. Род занятий: учащиеся, работающие, временно безработные.

91 % уголовных дел возбуждались в отношении жителей крупных и средних городов: Москва, Казань, Белгород, Набережные Челны, Елец, Оренбург, Новочебоксарск, Ивангород и т. д. Однако по мере компьютеризации населения примеры совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, совершенные в сети Интернет, фиксируются в отдаленных от центра населенных пунктах [7, с. 144].

Однако действующие правила, появившиеся еще в период индустриального общества, не справляются с регулированием новых отношений. Как пишет А. В. Преснякова, сегодня ни одна страна в мире не может сказать о наличии полного легального регулирования, способного в полной мере обеспечить неприкосновенность частной жизни в условиях информационного общества [8, с. 5].

Само по себе использование сети Интернет — законная деятельность. Но это обстоятельство учитывается как основной или квалифицирующий признак ряда составов преступлений, в том числе в ч. 3 ст. 137 УК РФ.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 137 УК РФ отсутствует упоминание о распространении сведений в сети Интернет. Объективная сторона данного состава преступления включает в себя незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, при отсутствии его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

Ч. 3 же ст. 137 УК РФ содержит указание на сеть Интернет, указывая на способ незаконного распространения

информации — в информационно-телекоммуникационных сетях.

В уголовном законодательстве не уточняется, что имеется в виду под распространением информации о частной жизни. Попытка дать соответствующее определение принята судебными инстанциями. В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. [9] под распространением сведений понимается опубликование их в печати, трансляция по радио и телевидению, демонстрация в кинохроникальных программах и иных средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с применением других средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщений той или иной форме хотя бы одному лицу. При этом сообщение таких сведений только тому лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением [10].

Соответственно, если рассматривать распространение информации о частной жизни лица в представленном понимании, то распространение данных в сети Интернет подпадает под состав преступления, предусмотренный ст. 137 УК РФ.

Однако в российском законодательстве действует принцип буквального толкования закона. Если следовать данному принципу, при отсутствии в ч. 1 ст. 137 УК РФ указания на распространение информации в информационно-телекоммуникационных сетях и наличии такого деяния в ч. 3 ст. 137 РФ, в состав деяния, подлежащего квалификации по ч. 1 ст. 137 УК РФ, не может включаться распространение в сети Интернет.

Для устранения указанного несоответствия и единообразия судебной практики необходимо внести изменения в законодательство.

Кроме того, незаконное распространение сведений о частной жизни лица в публичном выступлении, публично

демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или сети Интернет представляет повышенную общественную опасность, так как личная или семейная тайна становится известной широкому кругу лиц. Поэтому данные способы нарушения неприкосновенности частной жизни следовало бы предусмотреть в качестве квалифицирующего признака с закреплением повышенной уголовной ответственности.

Аналогичное мнение высказывают и авторы, отмечая, что при распространении сведений о частной жизни в средствах массовой информации, в сети Интернет они становятся достоянием значительного круга лиц, а сам виновный осознает публичность своих действий, их большую вредность, и предлагают такой способ распространения признавать квалифицирующим признаком и включить в ч. 2 ст. 137 УК РФ [11, с. 90].

Еще одним недостатком УК РФ в части квалификации преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, является отсутствие единообразия формулировок. В УК РФ используются следующие обозначения данной сети — электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет») (ст. 185.3., 205.2.), отсутствие указание сети Интернет, а указание просто на информационно-телекоммуникационные сети (ст. 137 УК РФ), информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сети Интернет.

По данному факту авторы отмечают, что в целях придания системности закону, единства законодательного языка следует везде или указывать, или не указывать средства массовой информации и электронные сети [12, с. 57].

Приведенные данные показывают острую необходимость защиты неприкосновенности частной жизни в сети Интернет и внесения изменений в действующее законодательство для успешной борьбы с преступностью в данной специфической области.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — № 50—2016.
3. Постановление Московского городского суда от 22 июля 2015 г. N 10—9958/15 // СПС Гарант, 2017.
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» // Собрание законодательства РФ. — № 20—2017.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. — № 50. — 2005.
6. Баринов, С. В. Криминалистическая характеристика преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, совершаемых в сети Интернет / С. В. Баринов // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 9. — С. 141—145.
7. Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Ардонского района РСО по делу № 1—24/2013.
8. Гришаев, С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав / С. П. Гришаев // СПС КонсультантПлюс, 2015.
9. Диваева, И. Р. Некоторые вопросы уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни / И. Р. Диваева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 36 (174). — С. 88—90.

10. Кадников, Б. Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция — 2011. — С.90.
11. Иногамова-Хегай, Л. В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве / Л. В. Иногамова-Хегай // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С.57–60.

Понятие «организованная преступность» в отечественной правовой системе

Данилова Мария Николаевна, магистрант
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В данной статье проведен анализ понятия «организованная преступность». На наш взгляд, для эффективной борьбы с данным явлением необходимо проследить эволюцию дефиниции «организованная преступность» от дореволюционного периода вплоть до настоящего времени, а также рассмотреть зарубежный опыт.

Ключевые слова: организованная преступность, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация), группа лиц, дефиниция, уголовная доктрина, транснациональная организованная преступность.

This article analyzes the concept of «organized crime». In our opinion, in order to effectively combat this phenomenon, it is necessary to trace the evolution of «organized crime» from the prerevolutionary period up to the present, and to consider foreign experience.

Keywords: organized crime, organized group, criminal community (criminal organization), group of persons, definition, criminal doctrine, transnational organized crime.

В настоящее время одним из проблемных аспектов противодействия организованной преступности является отсутствие надлежащего механизма борьбы с ней [5, с. 50]. В связи с этим необходимо отметить, что действительно эффективная и результативная борьба с таким деструктивным общественным явлением, как организованная преступность, возможна лишь при наличии четкого понимания сущности данного явления, его основных признаков и характеристик.

Безусловно, любая организованная криминальная деятельность подразумевает совершение преступных посягательств в соучастии, в группе, однако далеко не каждое групповое преступление и не всякая преступная группа могут быть определены как организованные. Мы полагаем, что преступная группа может быть охарактеризована как организованная, только если она обладает следующим набором признаков: целенаправленностью и повышенной общественной опасностью действий, устойчивостью, наличием внутренней структуры (структурированностью), специфичностью приемов и методов преступной деятельности. Очевидно, что степень организованности преступных объединений может быть различной. В зависимости от этого параметра в российском уголовном праве и науке криминологии все организованные преступные формирования делятся на две основные категории: организованные группы и преступные сообщества (преступные организации).

Организованные преступные группы представляют собой устойчивые объединения двух и более преступников, которые специально создаются для совершения различных

преступлений, как правило тождественных (одних и тех же) или однородных (однотипных).

Преступные сообщества (или преступные организации) — это наиболее общественно опасная разновидность организованных криминальных формирований, которая включает в себя сплоченные, структурированные и ставящие своими целями совершение исключительно тяжких и особо тяжких преступлений организованные группы со сложной, ступенчатой системой управления, а также объединения (союзы) устойчивых организованных групп с единым для них руководящим ядром (центром).

Специфическим видом организованного преступного формирования является банда — устойчивая группа, созданная в целях нападения на граждан либо организации и отличающаяся от остальных разновидностей преступных объединений признаком вооруженности. С юридической точки зрения этот признак предполагает наличие хотя бы у одного из членов банды оружия при осведомленности об этом факте всех остальных участников банды. Отличительными чертами современных организованных преступных сообществ выступают подпольный характер и тщательное планирование криминальной деятельности, высокий уровень обеспечения, конспирации и их самозащиты от уголовного преследования, иерархичность структуры, наличие коррупционных связей во властных структурах, масштабность и многоплановость криминальной активности, стремление монополизировать отдельные сферы оказания запрещенных услуг (проституция, игорный бизнес, сбыт наркотиков и т. д.), нацеленность на постоянное расширение географии своей преступной деятельности, принятие

и поддержание особых, принятых в криминальной и околокриминальной среде правил поведения — «понятий», формирование общих денежных фондов — «общака» и контроль за расходованием взятых из них финансовых средств, строгое распределение ролей и обязанностей участников таких объединений и их подчинение лидерам и авторитетам — «смотрящим», «положенцам», «ворам в законе» и др., функционирование специально создающегося арбитража — «третейского суда» для решения всех споров, оказание содействия и взаимной помощи друг другу.

Если говорить о времени возникновения термина «организованная преступность» в отечественной уголовной доктрине, то оно датируется 1985 г., т. к. именно в данный период советские идеологи перестали отрицать факт ее существования. До этого времени речь шла в основном о групповой преступности, которая является более широкой категорией и, следовательно, которую нельзя отождествлять с организованной преступностью как «новым общественно опасным явлением в нашей стране» [7, с. 7]. В до революционном российском законодательстве, а именно в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имелось лишь родственное понятие «организованное преступление», под которым понималось заранее продуманное, запланированное, предумышленное преступление [5, с. 51], что не соответствует всем признакам аналогичного современного понятия. В октябре 1991 года в Суздале был проведен международный семинар по борьбе с организованной преступностью, на котором А. И. Гуровым впервые в отечественной уголовной доктрине было предложено следующее определение организованной преступности, под которой понималась «относительно большая группа устойчивых и управляемых преступных образований, занимающихся преступной деятельностью в корыстных интересах и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств, как насилие, запугивание, коррупция и хищение в крупных размерах» [11, с. 63].

В свою очередь, по мнению Я. И. Гилинского, необходимо учесть, что организованная преступность — это не только совокупность деятельности различных преступных организаций. В таком понимании организованная преступность представляет собой «не сумму преступных организаций и не сумму преступлений, совершенных ими» [8, с. 54], она также оказывает непосредственное влияние на экономику и политику государства. Из этого следует, что организованная преступность представляет собой некий преступный синдикат, созданный с целью извлечения прибыли, но от бизнеса его отличают только преступные способы и методы ее достижения. При этом, как любой иной бизнес, организованная преступность направлена на расширение сферы своей деятельности, качественные преобразования для привлечения капиталов. В 1995 г. был принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации Федерального Собрания РФ Федеральный закон «О борьбе с организованной преступностью» [4], содержащий в ч. 1

ст. 2 дефиницию организованной преступности, которая понималась как совокупность противоправных деяний организованных преступных формирований. Принятие данного федерального закона привело бы к необходимой унификации содержания понятия организованной преступности, тем более что указанный акт содержал нормативные определения иных тесно связанных правовых категорий, таких как преступная деятельность, организованная группа, преступная организация, преступное сообщество; однако, он был отклонен Президентом РФ.

Если обратиться к практике зарубежных стран, то можно отметить, что впервые попытки дать точное определение организованной преступности были предприняты в США в 1960-х гг. в рамках Ойстер-Бейских конференций по борьбе с организованной преступностью, и в 1966 г. была сформулирована следующая дефиниция: организованная преступность — это «результат самовоспроизводящегося преступного сговора, направленного на получение сверхприбылей за счет общества любыми способами и средствами, как законными, так и незаконными. Состав участников сговора может меняться, но сам сговор как целое продолжает существовать» [6, с. 93].

Таким образом, в данном определении были закреплены три весьма значимых признака организованной преступности, а именно:

- ее длящийся характер, который выражается в устойчивости и длительности периода существования и функционирования преступных организаций,
- получение сверхприбылей как основная цель,
- а также использование данными формированиями любых способов своей деятельности вне зависимости от их отношения к закону.

Спустя некоторое время в законодательстве США было закреплено иное определение организованной преступности как «противозаконной деятельности членов высокоорганизованной, дисциплинированной ассоциации, занимающейся поставками незаконных товаров и оказанием незаконных услуг, включая игорный бизнес, проституцию, ростовщичество, наркобизнес, профсоюзный рэкет и другие виды противозаконной деятельности членов подобных организаций» [10, с. 136]. Согласно этому определению, «организованная преступность есть деятельность любой группы лиц, чьи основные занятия связаны с нарушением уголовных законов в целях получения нелегальных доходов, а также возможности заниматься рэкетом и в случаях необходимости сложными финансовыми манипуляциями» [9, с. 53].

Например, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2003 г. не содержит определения организованной преступности, но в ней используется «операционалистский подход», суть которого заключается в описании составляющих сложное понятие элементов, а именно «организованная преступная группа», «серьезное преступление» и «структурно оформленная группа» [1]. При этом под организованной преступной группой понимается «структурно оформленная группа в составе трех

или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений, ... с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду». Представляется, что это определение является наиболее универсальным в силу того, что оно аккумулировало в себе все основные признаки преступных организаций, которые содержались в ранее сформулированных дефинициях организованной преступности.

Как было указано выше, в действующем Уголовном кодексе РФ [2] отсутствует легальное определение организованной преступности, но содержится дефиниция преступной организации, которая со времени принятия уголовного закона в 1996 году претерпела ряд существенных изменений. Настоящая редакция статьи 35 УК РФ была утверждена с момента вступления в силу Федерального закона от 03.11.2009 № 245-ФЗ [3], который добавил следующие признаки указанного формирования:

- структурированность,
- единое руководство,
- объединение членов, совместное совершение ими преступлений,
- основная цель — получение прямо или косвенно финансовой, или иной материальной выгоды.

Необходимо отметить, данное определение «впитало» в себя весь многолетний мировой опыт борьбы с организованной преступностью, отразив большинство существенных признаков преступной организации, что, безусловно,

стало большим шагом вперед на пути формирования максимально четкой и точной концепции понятия организованной преступности.

Таким образом, эволюция понятия «организованная преступность» в нашей стране идет в направлении обобщения и конкретизации признаков данного явления путем учета соответствующего зарубежного и международного опыта. Проблема отсутствия единой дефиниции организованной преступности заключается как раз в существовании той множественности различных концепций понятия организованной преступности, которую мы наблюдаем на сегодняшний день. Кроме того, мы считаем, что обозначенные концепции не отражают в полной мере сущности данного явления, рассматривая как его базис лишь отдельные стороны, т. е. либо саму преступную организацию, либо организованную преступную деятельность.

Мы считаем, что более правильным и точным представляется понимание организованной преступности как «сложной системы организованных преступных формирований, их отношений и деятельности».

Данное определение следует закрепить в общепринятых международных актах в качестве универсального и всеобъемлющего с дополнительной характеристикой каждой из составляющих его категорий, что в итоге станет ориентиром для внесения аналогичных изменений в уголовные законы отдельных стран мира и приведет к необходимой унификации смыслового содержания организованной преступности для дальнейшей эффективной борьбы с ней.

Литература:

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (с изм. от 15.11.2000 г.) // Бюллетень международных договоров». — 2005. — № 2. — С. 3–33.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Российская газета. — 1996. — № 113. — 18 июня.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 45. — Ст. 5263.
4. Проект федерального закона № 94800648–1: принята ГД ФС РФ в I чтении 22.02.1995 г. «О борьбе с организованной преступностью» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.co.Nº sulta№ t.ruco.№ s/cgi/o.№ li.№ e.cgi?req=doc> (дата обращения: 25.04.2018).
5. Агильдин В. В. Организованная преступность: понятие, признаки, вопросы, требующие разрешения / В. В. Агильдин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — № 3. — С. 50–55.
6. Безниско М. О. Организованная преступность в России и за рубежом в современных условиях / М. О. Безниско // Гуманитарные и социально-экономические науки. Право. — 2013. — № 5. — С. 93–98.
7. Биркин М. М. Организованная и профессиональная преступность в России / М. М. Биркин // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2013. — № 1. — С. 7–15.
8. Гилянский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилянский. — СПб., 2009. — С. 54.
9. Зелинский А. Ф. Повторение преступлений как преступная деятельность / А. Ф. Зелинский // Государство и право. — 1995. — № 12. — С. 53–61.
10. Меркурьев В. В. Организованная преступность: понятие, состояние, структура, динамика и результаты реагирования / В. В. Меркурьев // Вестник Владимирского юридического института. — 2014. — № 2 (31). — С. 136–146.

11. Номоконов В. А. Транснациональная организованная преступность и Россия / В. А. Номоконов. — Владивосток, 2014. — С. 63.

Определение понятия «услуги» в рамках права Европейского союза

Катренов Думан Аскарұлы, магистрант

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Последние десятилетия сфера услуг развивается ускоренными темпами практически во всем мире. Благодаря этому на сегодняшний день одним из самых быстро растущих элементов международной торговли является сфера услуг. Она занимает примерно две трети мировой экономики, и соответственно становится все более и более значимой для экономического развития. При создании Европейского Экономического Сообщества услуги были далеко не основным сектором торговли, а сейчас на территории внутреннего рынка Европейского Союза (далее ЕС) они составляют более 60% экономической деятельности.

Чем большую значимость приобретают услуги, тем больше возникает потребность в совершенствовании и повышении эффективности правового регулирования в данной области.

В современном мире глобализаций и интеграций все более значимыми становятся интеграционные процессы регионального характера. Наиболее разработанным механизмом с точки зрения правового регулирования интеграционных вопросов является такое образование как Европейский Союз, имеющий свое особое место среди важнейших субъектов мирового экономического и не только развития. Свобода предоставления услуг, являющаяся одной из четырех свобод, реализуемых благодаря созданию единого внутреннего рынка ЕС, впервые была закреплена в европейских актах 1957 года, также как и свобода передвижения лиц, товаров и капиталов.

В этой статье мы попытаемся выявить некоторые особенности правового регулирования услуг в Европейском Союзе и постараемся раскрыть важность этой темы с точки зрения интересов Российской Федерации (далее РФ) и деятельности Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС).

Одним из особенностей регулирования услуг в тех или иных международных экономических объединениях, является разное определение термина «услуг». Эта же особенность касается и отдельно взятых государств, так как мы собираемся рассмотреть вопрос, в том числе с точки зрения интересов РФ.

В первую очередь предстоит проанализировать определение «услуг» в законодательстве РФ. На современном языке законодателя определение «услуга» содержится в п.5 ст. 38 Налогового кодекса РФ (ч.1): «Услугой для целей на-

логообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности» [1]. В Гражданском кодексе Российской Федерации (ч. 1), понятие «услуга» упоминается в ст. 128 [2], в которой говорится об объектах гражданских прав: «это означает, что «услуги» по своей природе имеют имущественную ценность, которая позволяет им находиться в гражданском обороте». В п.1 ст. 779 ГК РФ (ч. 2) содержится: «По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги» [3]. Из анализа нормативно-правовых актов мы видим, что понятие «услуг» в законодательстве РФ трактуется по-разному и ГК РФ не вносит ясности в определение термина «услуга». Исходя из этих данных, мы можем только определить некоторые признаки, которые содержит понятие «услуга».

Что касается определения услуг в ЕАЭС, то в учредительных договорах, в том числе в Договоре о Евразийском экономическом союзе таковое вообще отсутствует. Это более чем странно, так как согласно 4 статье Договора о Евразийском экономическом союзе одним из основных целей Союза является: «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза» [4].

Если обратиться к опыту ЕС, то мы можем увидеть, что среди источников первичного права, точнее в Римском договоре об учреждении Европейского Экономического Сообщества 1957 года, имеется целая глава, посвященная услугам. Хотел бы отметить, что названный Договор представляет собой первое международное соглашение, предусматривающее либерализацию торговли услугами. Первый вывод из этого можно сделать таковой, что на практике ЕС с самого начала фигурировало определение «услуг». Оно не было всеобъемлющим, и оставляла некоторые пробелы, которые способствовали дальнейшему возникновению спорных вопросов. Несмотря на это, многие коллизионные вопросы относящиеся того является ли определенное действие услугой или нет, отпадали на стадии зарождения. А остальные восполнялись и восполняются практикой Суда ЕС.

В статье (абзац 1) 57 Договора содержится Определение термина «услуги»: «Услуги должны считаться «услугами» в значении настоящего Договора там, где они обычно предоставляются за вознаграждение, они не подпадают под действие положений о свободе движения товаров, капиталов или лиц.

«Услуги» включают, в частности:

- a) деятельность промышленного характера;
- b) деятельность торгового характера;
- c) деятельность ремесленников;
- d) деятельность лиц свободных профессий» [5].

Из данной статьи следует, что предоставление услуг по смыслу Договора должно осуществляться в рамках экономической деятельности, и что услуги отнесены к остаточной категории по отношению к другим основным свободам. Согласно абзацу 1 статьи 57 для того, чтобы услуги были таковыми в понимании Договора, они должны предоставляться за вознаграждение. Понятие вознаграждения толкуется очень широко. Оно не обязательно должно передаваться непосредственно получателем услуг, но должно быть реальным и эффективным. Также добавим, что вознаграждение может иметь место и без передачи денег, но должна быть возможность его исчисления в денежном выражении.

Помимо возмездного характера услуг из данной статьи следует, что услуги считаются услугами постольку, поскольку они не подпадают под действие положений о свободе движения товаров, капиталов или лиц. Несмотря на это Суд подчеркивал, что не должно быть никакой иерархии между положениями Договора, касающимися различных экономических свобод.

В Договоре услуги рассматриваются как *остаточная категория* по отношению к другим объектам основных свобод, поэтому для более полной характеристики такого понятия как услуга, необходимо выявить признаки, которые отличают услугу от других объектов свободного перемещения. В частности, это позволит разграничить сферу действия свободы предоставления услуг от свобод движения товаров, лиц и капиталов. В некоторых отдельных случаях определить, о чем идет речь: об услуге или товаре или учреждении или иной категории, бывает далеко непросто. На этот счет имеется практика Суда, которая позволяет провести эти разграничения.

Необходимо также иметь в виду, что по мере развития сектора услуг и экономики в целом, появляются новые виды услуг, на которые распространяют свое действие положе-

ния Договора. Это становится возможным благодаря тому, что Договор не содержит исчерпывающего перечня услуг, а относит услуги к остаточной категории и упоминает лишь о некоторых сферах деятельности, в рамках которых могут предоставляться услуги.

Итак, из статей 56 и 57 Договора следует, что услуга должна иметь трансграничный характер, быть предоставленной за вознаграждение, а также не подпадать под действие положений Договора, регулирующих свободы движения товаров, лиц и капиталов. Следует также назвать и такую существенную черту услуги, как ограниченность во времени, которая является ключевой при разграничении свободы предоставления услуг от свободы движения лиц, а также свободы учреждения.

Как мы видим в учредительных актах и в практике суда ЕС, дается довольно полное определение понятию «услуга». Конечно, оно не является единственно правильным и не решает все вопросы по поводу определения термина «услуга». Но в целом это очень большой опыт, накопленный с самого 1957 года до настоящего времени. И мы должны и можем воспользоваться им для дальнейшего улучшения правового регулирования такой важной сферы в настоящее время, как «услуги».

Различие в определениях термина «услуг» приведет к многочисленным коллизиям права как в отношении между РФ и ЕС, так и между странами участницами ЕАЭС. Четкое и всеобъемлющее определение понятия «услуги» является необходимым элементом правового регулирования свободы предоставления услуг, в частности, для разграничения сферы действия свободы предоставления услуг и других основных свобод.

Изучение права ЕС, в том числе, особенностей и тенденций правового регулирования предоставления услуг, представляет интерес для Российской Федерации с точки зрения интеграционных процессов, разработки и совершенствования правовых основ сотрудничества с Европейским Союзом. Идеология ЕАЭС во многом аналогична тем идеям, которые когда-то легли в основу Европейского союза, и базируется на обеспечении «четырех свобод»: свободы движения товаров, услуг, рабочей силы и капиталов. Ликвидация барьеров на пути их следования внутри ЕАЭС началась с созданием Таможенного союза (2010 г.) и Единого экономического пространства (2012 г.). Для ЕАЭС также представляет интерес с точки зрения развития предоставления «четырех свобод» и ликвидаций препятствий на этом пути.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации 1998 года (часть первая) (с изменениями на 30 ноября 2016 года).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года (ч. 1) (с изменениями на 3 июля 2016 года)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации 1995 года (ч. 2) (с изменениями на 23 мая 2016 года).
4. Договор о Евразийском экономическом союзе (с изменениями на 8 мая 2015 года) (редакция, действующая с 1 октября 2015 года).
5. Договор о функционировании европейского союза.

Противодействие уклонению юридических лиц от административной ответственности

Красаев Александр Николаевич, студент;
Шевченко Александр Евгеньевич, студент
Тюменский государственный университет

Вопросы ухода от административной ответственности путём незаконного дробления предприятия — юридического лица является актуальной и часто используется предпринимателями с целью уклонения от административного наказания. Наиболее часто такие попытки предпринимаются в хозяйственно-экономической деятельности, при уплате налогов, сборов и иных платежей.

В статье рассмотрены проблемы административной ответственности юридического лица в результате его разделения как формы преобразования.

Ключевые слова: юридическое лицо, административная ответственность, уклонение от ответственности, разделение, слияние юридического лица.

Counteraction to evasion of administrative responsibility by legal entities

Issues of withdrawal from administrative responsibility by illegal crushing of the enterprise-legal entity is actual and is often used by businessmen for the purpose of evasion from administrative punishment. Most often, such attempts are made in economic activity, when paying taxes, fees and other payments.

The article deals with the problems of administrative responsibility of a legal entity as a result of its division as a form of transformation.

Keywords: legal entity, administrative responsibility, evasion of responsibility, division, merger of legal entity.

В настоящее время проблемам юридической ответственности уделяется особое внимание государственных институтов власти. Основаниями привлечения к юридической ответственности, в том числе и к административной, является совершение проступков субъектов права.

Актуальность данной темы обусловлена возрастающим количеством правонарушений со стороны юридических лиц, которые своими действиями посягают на общественные отношения, охраняемые нормами административного права. Также важно указать на солидное количество статей КоАП — 258, предусматривающих ответственность юридических лиц.

При написании статьи автором были использованы труды отечественных учёных в сфере административного права: А. Б. Агапова, Д. Н. Бахраха, И. В. Максимова и других.

Вопрос административной ответственности юридических лиц в области административного права является достаточно дискуссионным, что отмечается многими специалистами и учеными в юридической науке и практике. Административная ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности и наступает за совершение административного правонарушения. Как отмечает И. В. Максимов — административная ответственность — достаточно сложное, многомерное и полифункциональное понятие. [5]

Административная ответственность определяется как особый вид юридической ответственности, которая

является составной частью административного принуждения и обладает всеми его качествами. [3]

В Кодексе об административных правонарушениях выделяют административные правонарушения не только физических, но и юридических лиц. Данная норма обусловлена переходом к рыночной системе экономики, которая позволяет негосударственным коммерческим структурам (обществам с ограниченной ответственностью, закрытым акционерным обществам и др.) учреждать в России предприятия в виде юридических лиц с различной организационно-правовой формой. Появление юридических лиц в экономических взаимоотношениях с другими организациями, гражданами и государством, повлекло за собой рост административных правонарушений, совершаемых этими лицами.

На практике существует проблема при привлечении к административной ответственности юридических лиц, это в частности процесс его реорганизации (разделение юридического лица).

Юридические лица подлежат административной ответственности в случаях, которые предусмотрены нормами Особенной части КоАП РФ либо в законодательных актах регионов — субъектов РФ.

Нормы Административного кодекса не всегда указывают лицо, на которое могут быть наложены санкции, что в свою очередь вызывает затруднения у правоприменителей. Части 3–6 статьи 2.10. КоАП определяют преемственность административной ответственности юридических лиц в слу-

чае процесса реформирования предприятия или организации (слияния, разделения и других форм преобразования), предусмотренных в ст. 57, 58 ГК РФ. Таким образом, законодательно закреплено правило, в соответствии с которым к административной ответственности может быть привлечено юридическое лицо, которое становится правопреемником при завершении процесса реформированного такого юридического лица. Также следует отметить тот факт, что административная ответственность наступает вне зависимости от того, был ли известен юридическому лицу факт административного правонарушения до завершения процесса реорганизации.

Требования части 3–6 статьи 2.10. КоАП также учитываются и при назначении административного наказания юридического лица, которые установлены в статье 3.2 КоАП РФ и могут применяться к юридическим лицам. [6]

Таким образом, вопрос привлечения юридических лиц к административной ответственности решен, в результате чего юридические лица выступают субъектами административной ответственности, наряду с физическими лицами. Согласно п.2 ст. 2.1 КоАП под «виной юридического лица» необходимо понимать следующее: «Юридическое лицо признается виновным, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за которые предусмотрена административная ответственность, однако данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению».

Следует отметить, что согласно существующей дефиниции вины юридических лиц, вина юридического лица, согласно КоАП РФ, наступает в двух случаях, если:

— «... у юридического лица не имелось возможности для соблюдения правил и норм, за нарушение которых установлена административная ответственность»;

— «юридическое лицо имело возможность для соблюдения указанных правил и норм и приняло все зависящие от него меры для их соблюдения, но этих мер оказалось недостаточно».

При назначении административного наказания необходимо учитывать возможности соблюдения упомянутых правил и норм, при этом должностное лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении, обязано опираться на объективные обстоятельства и доказательства, имеющие значение для рассмотрения дела.

Не следует забывать, что законодательно административная ответственность юридических лиц содержит исключения, например, когда возможна ответственность без вины. Перечислим эти случаи: поглощение (слияние) и разделение юридического лица. В экономике это называется реорганизацией юридического лица. Таким образом, указанные случаи связаны с прекращением хозяйственно-экономической деятельности правонарушителя и появлением у него правопреемников (одного или нескольких), которые уже самостоятельно несут административно-правовую ответственность, но только за совершённые самостоятельно деяния.

Необходимо подчеркнуть то, что при разделении (выделении) юридического лица на нескольких самостоятельных юридических лиц, к административной ответственности может быть привлечено только то юридическое лицо, к которому перешли права и обязанности по заключенным сделкам и имуществу, в связи с которыми было совершено административное правонарушение (п.5 ст. 2.10 КоАП РФ). И наоборот, при слиянии (преобразовании) юридических лиц в одно — административную ответственность будет нести вновь возникшее юридическое лицо, согласно требований п.6 ст. 2.10 КоАП РФ.

Охарактеризованные выше нормы административного законодательства содержат указание, что в случаях реорганизации административная ответственность наступает независимо от того, было ли известно привлекаемому к административной ответственности юридическому лицу о факте административного правонарушения до завершения процесса реорганизации. [5]

Однако в конечном итоге решающую роль играют физические лица — граждане, которые трудятся в определенных коллективах, где и совершают правонарушения, поэтому, несмотря на отсутствие коллективного характера вины, действие юридического лица рассматривается как вина физических лиц данной организации. Необходимо отметить, что самостоятельно организация или предприятие самостоятельно действовать не может и применить определение вины, как психического отношения к совершаемому им противоправному деянию и последствиям представляется нецелесообразным. В настоящее время среди ученых и юристов нет единого понятия вины юридического лица, как коллективного субъекта.

Также необходимо указать на положение, в соответствии с которым физическое и юридическое лицо могут быть одновременно субъектом административной ответственности (ч.3 ст. 2.1 КоАП РФ). Важно, чтобы была доказана вина и установлен состав административного правонарушения как юридического, так и физического лица уполномоченным органом.

В случае, если будут установлены мотив и цель сотрудника организации, который нарушив закон, действовал из личных корыстных побуждений, при этом исключается заинтересованность юридического лица, то вина юридического лица исключается, что не влечёт за собой наложение административного наказания.

В конечном итоге под виновностью юридического лица в совокупности подразумевается деяния его сотрудников — физических лиц, которые также не освобождаются от привлечения к административной или иной ответственности. Несмотря на субъективный критерий, для юридических лиц предусмотрены более значительные санкции по сравнению с физическими лицами. Данный факт обусловлен спецификой юридического лица, его правовым положением в хозяйственно-экономической деятельности государства, иным уровнем ответственности за осуществляемую деятельность. [1]

В заключение следует отметить, что являясь особым субъектом административной ответственности, понятие вины юридического лица является спорным вопросом в институте административной ответственности.

Теоретическая неопределенность при обозначении виновности юридического лица создают на сегодняшний день достаточно сложностей по привлечению юридического лица к административной ответственности.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 25.02.2014;
2. Кодекс об административных правонарушениях РФ от 30.12.2001;
3. Агапов А. Б. Административная ответственность — М., 2004;
4. Бахрах Д. Н. Административное право России — М., 2000;
5. Максимов И. В. Концепции позитивной административной ответственности в теории и праве — «Государство и право» — № 8, 2012;
6. Щербакова М. А. Понятие юридического лица в административно-деликтных правоотношениях — «Научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» — М., 2014.

Рассмотрение корпоративных споров в третейском суде

Крылов Дмитрий Олегович, студент;

Научный руководитель: Морозов Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается внесудебный способ разрешения корпоративных споров. Дается краткая характеристика, выявлены преимущества. Рассмотрен порядок и особенности внесудебного способа разрешения корпоративного спора такого как арбитраж.

Ключевые слова: корпоративный спор, внесудебные способы разрешения корпоративных споров, третейский суд, третейское разбирательство, арбитраж.

Consideration of corporate disputes in the arbitration court

The article examines the extrajudicial way of resolving corporate disputes. A short characteristic is given, advantages are revealed. The order and peculiarities of the extrajudicial way of resolving a corporate dispute such as arbitration are considered.

Key words: corporate dispute, extrajudicial methods of resolving corporate disputes, arbitration court, arbitration, arbitration.

Как отмечает А. И. Ватанина, «возникшие разногласия между сторонами конфликта принято разрешать в судебном порядке. Однако передача дела в суд является крайней мерой и применяется в том случае, когда другим способом проблему разрешить невозможно. На сегодняшний день внесудебные способы разрешения корпоративных споров представляют собой активно развивающееся направление» [7].

К внесудебным способам разрешения корпоративных споров относят переговоры, медиацию и третейское разбирательство.

Перечисленные способы основаны на добровольных началах и доверии, что в свою очередь позволяет сохранить отношения между участниками корпорации и сохранить ее репутацию.

В 2015 году был принят Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [4], который «регулирует порядок образования и деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории Российской Федерации, а также арбитраж (третейское разбирательство)» [4, ст. 1]. С учетом того, что третейский суд не входит в общую систему судов РФ, разрешение корпоративных споров в арбитраже относится к внесудебным способам разрешения корпоративных споров. Хотя отдельные ученые оспаривают этот факт. По мнению В. К. Андреева и В. А. Лаптева, «способы защиты корпоративных прав можно классифицировать с учетом органов и лиц, их разрешающих (рассматривающих): судебный порядок разрешения: третейский суд, арбитражный суд, суд общей

юрисдикции» [6, с.174]. Однако их мнение можно признать неверным ввиду того, что третейский суд не имеет полномочий по осуществлению правосудия и не входит в число судов, действующих на территории РФ, что указано в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» [2]. Еще одним аргументом в пользу отнесения арбитража к внесудебным способам разрешения корпоративных споров является тот факт, что окончательное решение при разрешении корпоративного спора в третейском суде ставит арбитражный суд, а не третейский.

Решение, которое принял третейский суд по результатам рассмотрения корпоративного спора, может не быть исполнено добровольно. Ввиду этого стороне спора потребуется получить исполнительный лист, выдача которого арбитражным судом и станет окончанием разрешения корпоративного спора. Арбитражно-процессуальный кодекс РФ постановляет, что «вопрос о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору, возникшему из гражданских правоотношений при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, рассматривается арбитражным судом по заявлению стороны третейского разбирательства, в пользу которой принято решение третейского суда» [1, п. 2 ст. 236].

Также необходимо отметить, что в третейском суде могут рассматриваться далеко не все корпоративные споры, так как законодательством предусмотрены ограничения. Важным обстоятельством является тот факт, что корпоративный спор может быть рассмотрен в третейском суде только при наличии заключенного третейского соглашения. Такое соглашение может выступать в качестве отдельного договора или отдельного условия договора, а также может содержаться в уставе компании.

Таким образом, на сегодняшний день большие корпорации, как правило, имеют специально созданные органы, которые занимаются урегулированием корпоративных споров внутри одной компании. Выбор необходимого способа защиты возможен только после объективной оценки сложившейся ситуации. Спор может быть разрешен и через подписание договоров в присутствии юриста. Внесудебные способы разрешения корпоративных споров нацелены, прежде всего, на сотрудничество. Принятие Федерального закона № 409-ФЗ [5] дало возможность участникам корпоративных отношений реализовать свое право на применение внесудебной процедуры разрешения корпоративных споров через третейский суд. Если же корпоративные споры не удалось урегулировать во внесудебном порядке, то дальнейшее урегулирование конфликта происходит в судебном порядке.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. 2002. 27 июля.
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1996.
3. Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. 2010. 30 июля.
4. Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря.
5. Федеральный закон от 29.12.2015 N 409-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря.
6. Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России: Моногр. М.: Проспект, 2015.
7. Ватанина А. И. Преимущества применения альтернативных способов разрешения корпоративных споров // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1062–1064.

Проблема преюдиции решений третейских судов

Крылов Дмитрий Олегович, студент;

Научный руководитель: Морозов Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются проблемы преюдиции решений третейских судов. Рассмотрен взгляд на эту проблему Конституционного Суда РФ и Высшего арбитражного суда.

Ключевые слова: преюдиция, преюдициальность, преюдициальный предел.

The problem of prejudicing decisions of arbitration courts

The article deals with the problems of prejudging the decisions of arbitration courts. Consideration is given to this problem of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court.

Key words: *prejudice, prejudiciality, prejudicial limit.*

Разрешение споров при помощи такой негосударственной организации, как третейский суд сегодня набирает все большую популярность. В связи с этим актуальным предметом обсуждения становится правовая природа третейских решений, а именно их преюдициальный характер.

Преюдиция — многоаспектная проблема. Преюдициальность судебных актов государственных судов по отношению к решениям третейских судов и наоборот, третейских судов по отношению к решениям этого же или иного третейского суда; характеристика субъективных и объективных пределов преюдиции; необходимость защиты прав третьих лиц, возможности процессуальных злоупотреблений, — эти и многие другие вопросы встают перед правоприменителями [10, с.18].

Рассмотрим позицию российского законодателя и высших судов по преюдициальному пределу законной силы третейского решения в отношении судебных актов государственных судов (арбитражных судов и судов общей юрисдикции). В соответствии со ст. 16 АПК РФ, судебные акты, вступившие в законную силу, исполняются государственными органами, органами местного самоуправления и иными органами, организациями, должностными лицами и гражданами на всей территории РФ в порядке, установленном АПК РФ и федеральным законом. Таким образом, помимо силы, которую имеет судебное решение для лиц, участвующих в деле, оно также имеет определенное значение и для всех субъектов права на территории России. Можно сказать, что судебное решение создает презумпцию действительности тех фактов, которые им установлены, на территории России [12, с.23–27]. Обратимся к практике Федерального Арбитражного Суда Поволжского Округа, в соответствии с которой коллегия отклонила довод заявителя жалобы о нарушении ст. 22 АПК РФ, ссылаясь на то, что третейский суд хоть и не является государственным органом, а его решения относятся к ненормативным актам, но, тем не менее, они подлежат обязательному исполнению на всей территории Российской Федерации (ст. 197 АПК РФ) [9]. Исходя из обязательности исполнения решения третейского суда, можно сделать предположение, что оно обладает законной силой судебных актов. В доктрине традиционно подчеркивается тесная взаимосвязь всех свойств вступившего в законную силу судебного акта. В соответствии с этим, можно выдвинуть гипотезу, что третейское решение обладает и таким свойством как преюдициальность.

Преюдициальность — признак (свойство) вступившего в законную силу судебного акта либо признак (свойство) обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом [13], такие обстоятельства не подлежат повторному доказыванию. АПК РФ в ст. 69 не пере-

числяет вступившее в законную силу решение третейского суда в качестве основания освобождения от доказывания, но в тоже время АПК РФ содержит нормы, обязывающие арбитражный суд учитывать как возможность рассмотрения дела третейским судом, так и вынесенное последним решение [1, Ст. 87 п. 1, п.2; Ст. 85 п.3.]. Таким образом, решению третейского суда (за исключением случаев, указанных в п. 3 ст. 85 АПК РФ) присуще свойство обязательности. Исходя из этого, также имеются основания для вывода, что решение третейского суда обладает преюдициальным характером для арбитражного суда при рассмотрении им другого дела с участием тех же лиц и в связи с тем же материальным правоотношением. Данная позиция поддерживается многими учеными [11, 14].

Большие надежды на более четкое урегулирование вопроса преюдициальности юридическое сообщество возлагало на новый Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», но, к сожалению, законодательная регламентация осталась на прежнем уровне ранее действовавшего Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» и не внесла ясность.

Исходя из этого, видится необходимым обратиться к судебной практике высших судов, на которую непосредственно равняются правоприменители, для выяснения правовой природы третейского решения.

Практика Конституционного Суда (далее — КС РФ) стоит на том, что вступившими в законную силу могут быть только решения государственных судов, относящихся к судебной системе Российской Федерации. Данная позиция подтверждена Определением КС РФ от 04 июня 2007 г. № 377-О-О [3], согласно которому третейский суд не относится, в соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации, к органам осуществления правосудия. Конституционный Суд РФ также указывал в нескольких определениях, что «преюдициальными признаются обстоятельства, установленные судебными постановлениями судов общей юрисдикции, но не решениями третейских судов, что соответствует статусу третейских судов как альтернативной формы разрешения гражданско-правовых споров, в рамках которой, как указал КС РФ в Постановлении от 26 мая 2011 года № 10-П [4], не осуществляется правосудие» [5, 6]. Необходимо обратить внимание на то, что КС РФ поддерживал и Высший Арбитражный Суд (далее — ВАС РФ). В своих решениях ВАС РФ ссылался на то, что, исходя из п. 4 ч. 1 ст. 107, п. 3 ст. 85 АПК РФ, только законные и обоснованные решения являются для арбитражного суда преюдициальными [7]. Окончательно этот вопрос был разрешен в Постановлении Пре-

зидиума ВАС РФ № 15554/13 от 11.02.2014, согласно которому обстоятельства, установленные решением третейского суда, не имеют преюдициальной силы при рассмотрении дела арбитражным судом [8]. Подобные выводы были восприняты не только в арбитражных судах, но и в судах общей юрисдикции.

Тем самым для правоприменительной практики данный вопрос можно считать решенным. Но стоит отметить, что подход законодателя и на его основе выработанные решения КС РФ и ВАС РФ, выглядят непоследовательными, поскольку, предоставляя сторонам возможность разрешить довольно широкий круг споров посредством третейского разбирательства, фактически заранее ставится под сомне-

ние правильность выводов третейского суда. Хотелось бы заострить внимание на том, что процедура, в которой принимается решение третейского суда и повышенные требования к самому органу третейского разбирательства, особенно в редакции нового Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», обеспечивают необходимый объем гарантий от процессуальных злоупотреблений.

Остается надеяться, что российским законодателем будут приняты соответствующие поправки в процессуальные кодексы, направленные на придание преюдициальной силы решениям третейских судов, способные переломить сложившуюся судебную практику.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. 2002. 27 июля.
2. Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алтухова Александра Павловича, Алтуховой Галины Федоровны и других на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 4, статьей 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем шестым пункта 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»: Определение Конституционного суда РФ от 04.06.2007. № 377-О-О // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
4. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации...: Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 г. № 10-П // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 61 и 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение КС РФ от 28.05.2013. № 851-О // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Санаевой Татьяны Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьей 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определения КС РФ от 25.09.2014. № 2136-О // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
7. Определение ВАС РФ от 30 июля 2007 г. № 6406/07; Определение ВАС РФ от 08.11.2010 № ВАС-13578/10 по делу № А82–559/2009–8. // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.2014 № 15554/13 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
9. Постановление ФАС Поволжского округа от 04.04.2000 № Вх1850у-5/99 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
10. Анисимова Н. Н. Проблема преюдиции третейских решений в практике Высших судов Российской Федерации // Актуальные проблемы обязательственного права и арбитражного процесса. Сборник научных статей (ежегодник). Ответственные редакторы В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов. Пермь, 2017.
11. Березий А. Е., Мусин В. А. О преюдиции судебных актов // Вестник ВАС РФ. 2001. Вып. 6.
12. Гавриленко В. А. Свойство преюдициальности решений третейских судов // Исполнительное право. 2006. Вып. 3.
13. Сухомлинов А. Н. Преюдиция в арбитражном процессе: Дис... канд. юрид. наук. М., 2006.
14. Скворцов О. Ю. Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.03, 12.00.15 Санкт-Петербург, 2006.

Проблемы, возникающие при реализации родительских прав и обязанностей

Крымшамхалова Альбина Шаухаловна, магистрант;

Научный руководитель: Чочуева Зульфия Азреталиевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия (г. Черкесск)

Институт семьи за период своего исторического становления прошёл ряд стадий и преобразовался с изменениями общества соответствуя его актуальным потребностям.

Так, после Октябрьской революции 1917 года были проведены две важнейшие реформы семейного законодательства и 18 декабря 1917 года вышел декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [5]. Семейное законодательство СССР разработано в новых экономических условиях с учетом Конвенции ООН «О правах ребенка» от 1989 года [1] и части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 1994 года [3].

Действующее законодательство направлено на то, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда это вредит ребенку.

Это положение соответствует части 2 статьи 7 Конституции РФ, которой установлено, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства [2].

Конвенцией ООН о правах ребенка предусмотрено, что благополучие семьи, особенно детей, должны быть защищены [1].

Родительские права и обязанности появляются с рождением ребёнка, либо в определенный момент времени на основании правоустанавливающих документов, и прекращают свое действие после достижения ребёнком установленного законом возраста либо при получении им полной дееспособности. Основным отличием родительских прав от обязанностей является то, что родительские права перестают существовать если государством применена санкция на их лишение. Добровольно прекратить родительские права не представляется возможным.

В Главе 12 СК РФ закреплены права и обязанности родителей: право и обязанность на воспитание своих детей, право и обязанность на осуществление заботы об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обязанность по обеспечению получения детьми основного общего образования, право выбора родителями образовательного учреждения и т. д. [4]

В современном мире участились случаи преступлений в социальных сетях, так называемые «киберпреступления», целью которых является причинить вред жизни и здоровью детей, побуждая их при этом совершить самоубийство, либо причинить вред своему здоровью. Возникает необходимость закрепить на законодательном уровне обязанность родителей обеспечивать наряду уже с существующими обязанностями информационную безопасность детей.

Пресечение такого рода преступлений лежит на соответствующих органах государства, при этом не стоит

забывать, что устранить данную проблему можно только лишь объединив силы публичные и частные, а именно: жесткий контроль и мониторинг родителями действий ребёнка в социальных сетях, проведение воспитательных бесед и т. д. Родителям необходимо помнить, что, в зависимости от возраста ребенка, он не всегда способен воспринимать информацию верно, не всегда может понимать свои действия, а также увидеть последствия их наступления.

В нашей стране семья защищена государством, а значит, оно должно приложить все усилия для того, чтобы права и интересы всех членов семьи неукоснительно соблюдались. В связи с этим государство устанавливает на законодательном уровне свод определенных правил, которые необходимо время от времени модернизировать в соответствии с изменениями, которые происходят в жизни общества. Важно помнить, что соблюдение данных правил будет способствовать гармоничной семейной жизни, а их нарушение, то есть преступление — повлечет применение государством определенных санкций.

Вместе с тем, современным российским законодателем защищены права детей, так как установлено, что права и обязанности родителей в отношении своих детей не должны лишать прав самого ребёнка.

Так, согласно, действующих правовых норм у детей есть права, тогда как у родителей кроме прав еще есть и обязанности.

Однако когда мы рассматриваем права ребенка с его точки зрения мы сталкиваемся с тем, что он имеет право на достойное проживание, которое включает в себя и право быть одетым, обутым, накормленным, защищенным от посягательств как со стороны нерадивых родителей, так и со стороны посторонних лиц.

При этом, — не каждый малолетний и не каждый несовершеннолетний имеет такие блага, поскольку состояние быта зависит от состояния семьи, от отношений между ее членами, и от поведения самого ребенка, в возрасте от 14 до 18 лет.

Самое интересное, что в нашей республике, — нет учреждений, в которые можно поместить ненакормленных и недолюбленных родителями детей.

Так, в практике одного из судов КЧР имеется материал, который был рассмотрен в 2017 году по представлению соответствующего федерального органа, просившего заменить условное осуждение несовершеннолетнего на реальное, ввиду того, что он часто сбегает из дома. В судебном заседании председательствующий выяснил, что осужденный несовершеннолетний живет в доме, состоящем из двух совместных комнат, с матерью, отчимом и малолетним

сводным братом. До появления малолетнего брата успеваемость осужденного была отличной.

Во время судебного заседания мать давала различные объяснения по поводу поведения сына и отношения к нему семьи, но после оглашения судебного акта, которым было отказано в удовлетворении ходатайство об отмене условного осуждения и отбывания реально наказания в виде лишения свободы, мать выразила недовольство, стала упрекать суд в излишней гуманности. Убедившись в том, что ребенок лишний в семье, что его проживание в таких скромных апартаментах является обузой для матери, кото-

рая обзавелась новой семьей, суд решил временно разместить несовершеннолетнего в специальное учреждение, однако такового на территории КЧР не нашлось. Пришлось тогда напоминать о родительских обязанностях, о праве ребенка на жилье и убедить его мать в том, что из мест лишения свободы она может получить озлобленного члена семьи. Вот уже более года несовершеннолетний осужденный не сбегает из дома, продолжает обучение, однако вопрос о детях, которые становятся в семьях лишними, которых семья толкает на бродяжничество, а соответственно на антисоциальное поведение является открытым.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) / «Сборник международных договоров СССР», выпуск XLVI, 1993 // СПС Консультант плюс (дата обращения: 21.04.2018).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС Консультант плюс (дата обращения: 21.04.2018).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301 / СПС Консультант плюс (дата обращения: 21.04.2018).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, № 1, ст. 16. // СПС Консультант плюс (дата обращения: 21.04.2018)
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942, С.161—163 // СПС Консультант плюс (дата обращения: 21.04.2018).
6. Рабец А. М. Алиментные и опекунические правоотношения: проблемы взаимодействия // Семейное и жилищное право, выпуск № 1, Издат. группа «Юрист», М., 2018. С. 19—22.
7. Рузакова О. А. Законодательство о праве ребенка на имя // Судья, № 6, 2017. (ред. от 29.12.2017) // СПС Консультант плюс (дата обращения: 21.04.2018).

О потребительском экстремизме в России и способах противодействия ему

Кукоба Марина Сергеевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Общезвестно, что закон «О защите прав потребителей» международными экспертами признан одним из самых гуманных в мире и лучшим среди российских законодательных актов. Однако он не только допускает защиту прав добросовестного покупателя, а также представляет собой простор для действий в корыстных целях тех, чья добросовестность может быть поставлена под вопрос.

Таким образом, правовые механизмы в сфере максимальной заботы о потенциально слабых субъектах экономических отношений — потребителях и являются предметом многочисленных злоупотреблений с их стороны, получивших название «потребительских экстремистов».

Условно потребителей-экстремистов разделяют на 2 группы. К первой относят потребителей, которые рассматривают данное понятие как один из способов получения дохода. Вторую группу составляют потребители, которые

обладают низкой правовой грамотностью, они не знают законов, но считают, что клиент всегда прав.

С каждым годом примеров «потребительского экстремизма» в практике встречается все больше, встречаются и on-line сервисы, которые направлены на четкое формирование заведомо недобросовестной позиции потребителей на стадиях его общения с предпринимателями. Имея своей целью получение прибыли, они обращаются за компенсацией под любыми предлогами, распространенные из них — это выдумывание несуществующей поломки; наличие какого-либо инородного предмета в продуктах питания и другое.

В российском законодательстве определение, как и соответственно сам термин «потребительский экстремизм», отсутствует. В науке гражданского права существуют различные трактовки данного понятия.

Не имея чёткого юридического закрепления и легального определения из ряда публикаций все же можно вынести и определить его суть. Так, рассматривая статью 10 ГК РФ [1], раскрывающую пределы осуществления гражданского права, и статью 159 УК РФ [2] раскрывающую мошенничество, можно прийти к выводу, что «потребительский экстремизм» — сложное правовое явление, которое набирает обороты и развивается вместе с рынком экономических отношений. Данное понятие включает действия покупателя, осуществляемые с целью вреда предпринимателю, злоупотребление своим положением, его недобросовестностью, поведением или обманом [6, с. 115]. Цель данных потребителей — не защита прав, а получение выгоды.

Для того, чтобы разобраться с данным понятием, а также определить, какие выделяет законодательство права потребителей, на которых и может основываться их злоупотребление, и как с ним бороться, необходимо разобраться с причинами его возникновения. Одними из причин являются:

- несовершенство законодательства о защите прав потребителей, которое и допускает саму возможность злоупотребления потребителями своими правами;
- презумпция виновности продавца (производителя), при рассмотрении дела в суде. За продавцом (производителем) стоит обязанность по доказыванию вины покупателя, так называемое правило «клиент всегда прав»;
- нежелание самого предпринимателя придавать публичную огласку нарушениям, выявленным потребителем — экстремистом. Либо же просто нежелание судебного разбирательства или неуверенность в себе и в своих правах.

На основании изучения обзоров судебной практики, выделим следующие способы злоупотребления своими правами со стороны потребителя. Итак:

1. Право потребителя на информацию.

В большинстве судебных разбирательств потребители-экстремисты пользуются именно злоупотреблением этим правом. С данного права и началась вся история с потребительским экстремизмом. Исчерпывающего перечня информации о товаре (работе, услуге), продавце (изготовителе) не существует, именно этим и пользуются экстремисты.

2. Право потребителя на возврат товара ненадлежащего качества.

В данной ситуации все зависит не только от требования потребителя, но и от компетенции предпринимателя. Если сам предприниматель недостаточно разбирается во всех нюансах законодательства РФ о защите прав потребителей, то и потребитель может с легкостью воспользоваться неправомерно данным правом.

3. Право на расторжение договора и выплата стоимости приобретенного товара при выявлении дефектов в товаре, но не имеющих существенного характера.

Очень часто потребители техники становятся жертвой злоупотребления данным правом. Так, зачастую, пополь-

зовавшись техникой некоторое время, бывает и практически весь гарантийный срок, потребитель выдвигает предпринимателю требование о возврате ему некачественного товара и о возмещении денежных средств за данный товар с дефектом. Это может быть совершенно легкоустраняемый дефект, например, залипание кнопки, который подлежит устранению в короткие сроки, что по законодательству не является причиной для расторжения договора. Но покупателей данное не устраивает, тем более если стоимость аналогичного товара на рынке сейчас значительно ниже. Здесь также все зависит от поведения предпринимателя для разрешения данной ситуации.

4. Право потребителя на компенсацию морального вреда, выплату неустойки, штрафа.

Зачастую потребители в своем исковом заявлении указывают неприлично большую сумму требования, которая может и существенно отличаться от стоимости приобретенного им товара. Да, сумма морального вреда исчисляется судом, но при подготовке к судебному заседанию потребитель-экстремист может подойти глобально к данному вопросу, и тогда эти суммы будут высоки.

5. Освобождение от уплаты государственной пошлины при подаче искового заявления в суд.

6. Приобретение товара не для личных нужд, а для осуществления предпринимательской деятельности.

Правовые механизмы противодействия «потребительского экстремизма» со стороны предпринимателя могут выражаться в превентивных мерах и активных ответных действиях [5, с. 19].

Так, предпринимателю следует максимально ответственно подойти к составлению договора, гарантийного талона, накладным и другим документам, которые должны учитывать специфику деятельности предприятия, охватывать наиболее полно правоотношения, которые возникают на основе данного договора, а также других документов с целью недопущения возможных злоупотреблений и неточностей. Необходимо как можно больше информации о товаре или же услуге своевременно предоставлять клиенту, желательно в письменном виде, чтобы зафиксировать факт его ознакомления.

Важное значение имеет включение в договоры условий, которые сводят к минимуму выгоду потребителя — экстремиста, а также позволяющие наиболее полно охватить правоотношение, возникшее на основе договора с целью контроля и недопущения злоупотреблений и вольных трактовок. Договор, гарантийный талон и другие документы со стороны предпринимателя должны исключать возможные риски, но не должны нарушать права потребителя.

Следует составить индивидуальную схему претензионной работы, проводить обучение персонала способам общения с потребителем-экстремистом, который предпринимает попытки различных провокаций. Четкая регламентация действий сотрудников при осуществлении данных контактов.

Важно оперативно реагировать на возможные рекламации клиента. Не допускать случаев пропуска претензий, всегда реагировать на каждую из них письменным ответом с установленный срок, это может решить уже некоторые из возможных проблем.

Общаться с потребителем письменно, фиксируя все его требования, свои ответы на его требования и предоставленные им документы на бумаге, только так предпринимателю будет легче защититься при любой ситуации в суде. Не иметь один шаблон договора на каждый товар или перечень услуг, а более детально расписывать особенности каждого вида на бумаге, не соглашаться сразу на все требования, оценивать претензию на наличие требований, соответствующих п. 1 ст. 18 закона «О защите прав потребителей» [3]. Выждать время и рассмотреть претензию с помощью квалифицированных специалистов в установленные законом сроки. При любом раскладе общения с потребителем выбирать нужную тактику, работать с персоналом в данной области, повышая его квалификацию в общении с клиентом, ведь именно он является лицом компании перед ним. [4, с. 31]

Важными этапами для борьбы с потребителями — экстремистами также являются подготовка к судебному разбирательству и сбор, обработка, анализ документов, необходимых для формирования позиции производителя, изучение позиции потребителя-экстремиста, разработка контраргументации.

Важно лично участвовать в судебном заседании. Очень важно контролировать сам процесс правосудия, с целью недопущения халатного отношения суда или других моментов, которые могут повлиять на исход дела. Очное участие в судебных заседаниях с привлечением профессионального юриста-представителя способно в разы снизить шансы потребителя-экстремиста на успех, а также ограничить свою компанию от появления таких потребителей еще.

Закон не предусматривает ответственности потребителей за предъявление необоснованных требования и претензий [5, с. 18]. Это является существенным упущением, на основании которого данный вид и развивается.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 140.
4. Наумова Л. Ю. Механизмы противодействия и способы борьбы с «потребительским экстремизмом» // Л. Ю. Наумова — Наука Красноярья. 2017. Т. 6. № 2—3. С. 27—33.
5. Ожегова Г. А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. N 14. С. 15—19.
6. Цехер Г. Я. Потребительский экстремизм: Природа, формы проявления и меры противодействия // Бизнес, менеджмент и право. — 2003. — № 2. — С. 115—121.

Пассивная позиция предпринимателей в случае с «потребительским экстремизмом» является неблагоприятной для него. Зачастую потребители, которые хотят получить моментально выгоду, при уверенном и аргументированном отказе предпринимателей, которые не пошли у него на поводу, не станут выходить в судебное разбирательство. Рассмотрения дела в суде займёт время и потребует значительную долю финансов, при неуверенности в своих аргументах в данной ситуации экстремист найдет другого предпринимателя или же вовсе перестанет заниматься данным видом деятельности.

Способ защиты от «потребительских экстремистов» в каждой организации может быть уникален и специфичен, но основных рекомендаций придерживаться стоит всем для максимального исключения экстремистов из общего числа потребителей. Только при соблюдении законов можно избавиться себя от потребителей экстремистов.

Важной мерой для борьбы с «потребительским экстремизмом» является внесение изменений в законодательство в сторону регулирования и установления необходимого баланса интересов сторон экономических отношений и создание правовых механизмов, способствующих подавлению работы отдельных субъектов «потребительского экстремизма».

Не всех потребителей, которые хотят защитить свои права следует считать экстремистами, необходимо понимать, что люди в Российской Федерации образованные, необходимые ресурсы для получения нужной информации находятся в свободном доступе, зачастую их требования являются обоснованными. Но предпринимателю следует быть всегда внимательным и рассматривать каждую претензию основательно, чтобы обезопасить себя и не нарушить права потребителя.

Подводя итог, пока понятие «потребительский экстремизм» не получило широкого распространения в России, но уже на данном этапе следует с помощью специалистов в соответствующей области разработать комплекс мероприятий по противодействию потребителю экстремизму.

Дискуссия о нормативных критериях освобождения от наказания в связи с болезнью

Лосевской Михаил Владимирович, магистрант
Волгоградский государственный университет

В данной статье рассматриваются наиболее дискуссионные вопросы освобождения от наказания в связи с болезнью.

Ключевые слова: освобождения от наказания в связи с болезнью, психическое расстройство, медицинский критерий, невменяемость.

Критерии освобождения от наказания в связи с болезнью следует рассматривать применительно к первому виду такого освобождения, указанному в ч. 1 ст. 81 УК РФ: освобождение от наказания в связи с психическим расстройством. Освобождение от наказания в связи с иной тяжкой болезнью либо заболеванием, делающим негодным к военной службе, в большей мере связаны с официальным перечнем таких болезней и заболеваний и не имеют настолько ярко выраженного оценочного характера.

Итак, данными критериями следует считать:

1) наличие психического расстройства (отметим в скобках, что отдельные авторы считают это понятие более широким, чем использованный в заголовке статьи термин «болезнь» [1, ст. 64] хотя на наш взгляд именно психические расстройства выступают разновидностью болезней);

2) возникновение психического расстройства после совершения преступления;

3) в связи с данным психическим расстройством у лица отсутствует возможность понимать фактический характер и общественную опасность собственных действий (бездействия) и способность воспринимать принудительный характер и карательно-воспитательный смысл применяемых мер государственного принуждения.

Психические расстройства — это заболевания, которые влекут состояние невменяемости или нарушение интеллектуальной или волевой сферы, лишаящие способности правильно воспринимать происходящее вокруг. Они могут являться следствием употребления алкоголя и ряда других предрасполагающих факторов (психическая слабость, физическое и психическое истощение, длительное нахождение в стрессовой ситуации и т. п.). Причины психических расстройств часто неясны. Психические расстройства обычно определяются сочетанием того, как человек ведет себя, чувствует, воспринимает окружающий мир или думает. Они могут быть связаны с определенными областями или функциями мозга.

Психические расстройства могут быть постоянными или эпизодическими, рецидивирующими или стихающими. Так, например, В. Г. Белоус полагает, что упоминаемые в УК РФ психические расстройства чаще являются хроническими, но могут быть и временными. [2, ст. 109] Многие расстройства описываются с признаками и симптомами, которые широко варьируются в своих показателях. Диагностика таких расстройств всегда требует услуг компетентного специалиста — психиатра. При этом при постановке диа-

гноза всегда следует учитывать культурные и религиозные убеждения субъекта, а также его поведенческие установки. Вероятное течение и исход психических расстройств различны и зависят от многочисленных факторов, связанных с самим расстройством, индивидуумом в целом и социальной средой. Распространенные психические расстройства включают депрессию, деменцию и шизофрению.

Из-за сходства формулировок, которые использовал законодатель для конструирования ч. 1 ст. 21 и ч. 1 ст. 81 УК РФ, Ю. М. Ткачевский сделал вывод о том, что понятие невменяемости должно распространяться «и на момент решения вопроса об уголовной ответственности» [3, ст. 38]. Иначе говоря, указанный автор предложил считать лицо, которое совершило преступление и впоследствии заболело психическим расстройством, лишаящим его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, подлежащим освобождению от наказания ввиду его невменяемости.

Однако представляется, что «медицинский критерий» в ч. 1 ст. 21 и ч. 1 ст. 81 УК РФ имеет разные формулировки. Так, если в ч. 1 ст. 21 УК РФ сказано, что причиной порока интеллекта или воли может выступать хроническое или временное психическое расстройство, слабоумие либо другое болезненное состояние психики, то в ч. 1 ст. 81 УК РФ идет речь о психическом расстройстве в целом.

С одной стороны, ч. 1 ст. 81 УК РФ можно расценивать как норму с бланкетной диспозицией, поскольку она содержит термин, который не может быть установлен через непосредственное обращение к тексту УК РФ. С другой стороны, термин «психическое расстройство» употребляется и в иных статьях УК РФ. Так, в ч. 3 ст. 20 УК РФ идет речь о возможности освобождения от ответственности несовершеннолетний, отстающего в психическом расстройстве, но не страдающего психическим расстройством. В силу ч. 2 ст. 22 УК РФ психическое расстройство, не исключающее вменяемости, должен принимать во внимание суд в ходе выбора наказания, оно выступает в качестве основания для назначения принудительных мер медицинского характера. В ст. 111 УК РФ определено, что наступление общественно опасного последствия в форме психического расстройства следует расценивать как признак состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

Из буквального толкования вышеуказанных норм можно сделать вывод об отсутствии оснований для сужен-

ного толкования термина «психическое расстройство» в статье 81 УК РФ по сравнению с прочими нормами УК РФ, где он используется, поскольку в самом уголовном законе прямо или косвенно не указано на его бланкетный характер. Следовательно, любое психическое заболевание, в том числе временное, «благодаря» которому лицо после совершения преступления лишается возможности осознавать фактический характер и общественную опасность собственных действий (бездействия) или руководить ими, должно признаваться в качестве основания для освобождения от наказания в связи с болезнью. Сложившаяся ситуация может быть охарактеризована как мнимая бланкетность норм УК РФ.

Между тем фактически в ч. 1 ст. 81 УК РФ термин «психическое расстройство» употребляется в наиболее узком смысле, и вот почему. Освобождение от наказания в связи с психическим расстройством сопряжено с невозможностью достижения целей наказания, вследствие чего оно будет лишено всякого смысла, бесполезно. Важным также является и тот факт, что уголовно-исполнительная система не располагает возможностями обеспечить адекватные условия содержания лицам, страдающим психическим расстройством, в особенности в условиях, когда они не могут осознавать фактический характер своих действий или руководить ими. В то же время освобождение от наказания может быть применено только после определения ее конкретной меры компетентным судом с учетом всех материалов дела. Следовательно, психическое расстройство преступника не влияет на вопрос о его уголовной ответственности.

Однако данный подход по-прежнему не объясняет, почему лицо невозможно освободить от наказания в случае заболевания временным психическим расстройством, которое лишает его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность собственных действий (бездействия) или руководить ими. Вывод о невозможности создания адекватных условий содержания в исправительных учреждениях будет верен и в отношении тех, кто страдает временным психическим расстройством. Кроме того, согласно букве закона (ч. 4 ст. 81 УК РФ) не имеет значения характер заболевания, от которого лицо выздоравливает.

Освободить от наказания в связи с болезнью можно только то лицо, у которого такая болезнь возникла после совершения преступления. Если же, к примеру, психическое расстройство появилось на момент совершения преступления, должен решаться вопрос не об освобождении от наказания, а об отсутствии состава преступления в связи с невменяемостью.

А. И. Чучаев обращает внимание, что возможны три ситуации освобождения от наказания в связи с психическим расстройством:

1) если психическое расстройство наступило после совершения преступного посягательства, но до момента вынесения приговора, преступник подлежит освобождению от назначения наказания;

2) если психическое расстройство наступило после вынесения приговора, но до момента обращения его к исполнению, преступник подлежит освобождению от отбывания назначенного наказания в полном объеме;

3) если психическое расстройство наступило в период отбывания осужденным наказания, преступник подлежит освобождению от дальнейшего отбывания наказания.

При наступлении психического расстройства, которое препятствует отбыванию наказания, орган исполнения наказаний разъясняет законному представителю осужденного порядок реализации права на обращение в суд с ходатайством об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания. В случае необходимости осужденному оказывается помощь в подготовке такого ходатайства. К ходатайству следует приложить медицинское заключение и личное дело осужденного. Если состояние психического расстройства осужденного не позволяет ему самостоятельно составить такое ходатайство, и у него нет законного представителя, начальник органа исполнения наказаний должен сам внести соответствующее представление в суд. [4, ст. 10]

Наконец, следует сказать и о том, что далеко не каждое психическое расстройство связано с тем, что преступник перестает осознавать общественную значимость собственных действий или руководить ими. Разумеется, не всегда, но, как правило, это становится возможным только в тех случаях, когда данное расстройство носит тяжелый характер. При этом решающим фактором является именно характер заболевания, а не тяжесть совершенного преступления или иные обстоятельства, сопряженные с совершенным преступлением.

Следует иметь в виду, что существуют вменяемые лица с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Ограниченную вменяемость исследователи относят к психофизиологическим состояниям с отклонениями не патологического характера. Критериями для этого являются:

1) лицо частично вменяемо, т. е. имеет ослабленную или ограниченную возможность лица осознавать фактический характер и общественную опасность собственных действий и руководить ими;

2) с медицинской точки зрения такое расстройство означает пограничное состояние психики. [5, ст. 184]

Следовательно, даже нервно-психическое расстройство, которое находится на условной границе между психическим здоровьем и выраженной болезненной психической патологией, которое проявилось в конкретной обстановке и оказало влияние на поведение преступника, не может быть расценено как обстоятельство, исключающее наказание. Хотя и в сниженной степени, лицо все же остается отчасти способным осознавать свои действия и руководить ими.

Надлежит иметь в виду, что специфика наказаний, от отбывания которых «спасает» болезнь, расшифрована только в ч. 3 ст. 81 УК РФ. Части 1 и 2 ст. 81 не учитывают специфику вида наказания, отбываемого осужденным. Ме-

жду тем психическое расстройство, которое может послужить в качестве основания для освобождения от одного вида наказания, уже не будет являться таким основанием для освобождения в другом случае. Иными словами, в ч. 1 ст. 81 УК РФ не имеется в виду освобождение от любого уголовного наказания.

Учитывая изложенное, представляется, что в целях нормативного определения «медицинского критерия»

освобождения от наказания в связи с болезнью законодателю необходимо дополнить ст. 81 УК РФ примечанием, наделяющим Правительство РФ полномочиями по утверждению перечня психических расстройств, которые дают право на освобождение от наказания. В противном случае отсутствуют какие-либо основания для «сужения» понятия «психическое расстройство» применительно к ст. 81 УК РФ.

Литература:

1. Бычкова А. М. Рецензия на работу «Психические расстройства и их уголовно-правовое, криминологическое, уголовно-исполнительное значение (история, теория, уголовно-правовое регулирование, практика)» д. ю.н., д. м.н., профессора Б. А. Спасенникова // Актуальные вопросы образования и науки. — 2012.
2. Белоус В. Г. Критический анализ научных публикаций, посвященных проблеме невменяемости // Актуальные вопросы образования и науки. — 2013 г. Архангельск
3. Вешняков Д. Ю. Некоторые особенности освобождения от наказания в связи с болезнью // Адвокат. — 2016. — № 4.
4. Данилян Р. С., Микаелян С. А. Освобождение от наказания в связи с болезнью: проблемы теории и практики // Российский судья. — 2012. — № 11.
5. Мухачева И. М. Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости в соответствии со ст. 106 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 2.

Некоторые аспекты угрозы убийством в уголовном праве России

Мартемьянова Татьяна Олеговна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

Угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в настоящее время можно назвать одним из наиболее распространенных преступлений в структуре насильственной преступности. Так, в 2015 году зарегистрировано 80801 случаев, в 2016 году — 70258, в 2017 году — 66744. Поскольку в статистических данных касаются состояния преступности в Российской Федерации число зарегистрированных угроз убийством определено в совокупности с числом угроз причинением тяжкого вреда здоровью, то отразить статистику относительно деяний, заключающихся в угрозе убийством, не представляется возможным.

В исследованиях, посвященных угрозе убийством, авторами по-разному определяется удельный вес данного преступного посягательства. Так, например, А. Н. Варыгин и О. И. Ильянова считают, что доля угрозы убийством в структуре насильственной преступности составляет около 25% [1]. Другими исследователям, например, Е. В. Гертелем, указывается на 32% [5].

Следует отметить, что угроза в уголовном праве понимается и как способ нарушения психической неприкосновенности личности, и как возможная опасность наступления преступных последствий.

В первом аспекте угроза может приобретать значения деяния (ст. 119, 296, ч. 1 ст. 318, ст. 321 УК РФ), последствия преступления (ч. 2 ст. 225, ч. 1 ст. 247 УК РФ), спо-

соба осуществления принуждения, являющегося обстоятельством, исключающим преступность деяния (ч. 2 ст. 40 УК РФ); способа осуществления принуждения, являющегося обстоятельством, смягчающим наказание (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ); способа осуществления принуждения, являющегося обстоятельством, отягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ) [7].

Угроза убийством является разновидностью угрозы-деяния, которое характеризуется воздействием на психику отдельной личности, группы лиц, общество в целом и заключается в обнаружении субъективной решимости причинения вреда и реальной возможности его наступления. Обязательными признаками данной угрозы являются реальная возможность наступления вреда и психическое насилие [6].

В рамках производства по уголовному делу, кроме всего прочего, подлежит доказыванию характер и размер вреда. Не вызывает сомнений, что вред, причиненный преступлением, предусмотренным ст. 119 УК РФ, является моральным. Однако, этого недостаточно для понимания юридической природы объекта преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ. Для правильного понимания и, следовательно, применения ст. 119 УК РФ необходимо определить объект преступления угрозы убийством.

Г. Н. Борзенков в качестве непосредственного объекта рассматривает умышленное создание психотравмирующей

ситуации, которое само по себе является посягательством на здоровье человека, независимо от намерения виновного приводить или нет в исполнение данную угрозу. Поэтому именно здоровье является объектом данного преступления [8]. Представляет интерес подход Л. В. Иногамовой-Хегай, которая под непосредственным объектом преступления понимает психический комфорт (равновесие) личности [2].

Существующие взгляды относительно предмета угрозы убийством можно объединить в два подхода — широкого и узкого. Согласно широкому подходу объектом угрозы убийством является здоровье (И. Э. Звечаровский, Г. Н. Борзенков и др.). Представителями узкого подхода, в числе которых Л. В. Иногамова-Хегай, С. Х. Мазуков, Р. Д. Шаропов, М. В. Кроз, Н. А. Ратинова, О. Р. Онищенко, считают, что объектом преступления является психический комфорт, нормальная психическая деятельность, психическое здоровье, безопасность психического благополучия [9].

По нашему мнению, для правильного понимания объекта преступления, предусмотренного, ст. 119 УК РФ необходимо определять его более узко. Определением в качестве объекта преступления здоровья скорее определяется видовой объект.

Угроза убийством совершается только путем действия. Совершение угрозы убийством путем бездействия невозможно.

Как указал Верховный суд РФ в Обзоре судебной практики, угроза убийством может быть выражена в любой форме. Отсутствие словесных угроз не исключает уголовной ответственности по ч. 1 ст. 119 УК РФ [3].

Следовательно, угроза убийством может совершаться в устной, письменной или конклюдентной формах. О возможности совершения угрозы убийством посредством использования каких-либо знаков, жестов можно судить на основании положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Так, Верховный суд указал, что под угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью следует понимать также и такие угрожающие действия виновного, как, например, демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия [10].

Таким образом, как угрозу убийством следует квалифицировать даже ситуации, при которых молчаливо демонстрируется оружие.

Особого внимания заслуживает осуществление угрозы убийством с применением оружия или предметов, используемых в качестве такового. Следует иметь в виду, что степень общественной опасности такой угрозы намного выше аналогичной угрозы без применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия. В связи с этим, целесообразно было бы включить в ст. 119 УК РФ [11] квалифицирующий признак «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия». Необходимо отметить, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных

стран такой квалифицирующий признак предусмотрен. Например, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия при угрозе убийством как квалифицирующий признак определен в УК Аргентины.

К уголовной ответственности за угрозу убийством можно привлечь только в том случае, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Однако, что именно понимается под этими основаниями, уголовный закон не раскрывает.

Как указал Конституционный суд Российской Федерации в Определении от 23.03.2010 № 368-О-О, ст. 119 УК РФ позволяет признавать составообразующим применительно к предусмотренному ею преступлению только такое деяние, которое совершается с умыслом, направленным на восприятие потерпевшим реальности угрозы, когда имеются объективные основания опасаться ее осуществления [12].

Таким образом, важное практическое значение имеет решение проблемы определения реальности угрозы. В теории уголовного права под реальностью угрозы традиционно понимают наличие оснований опасаться осуществления угрозы.

По мнению И. В. Лукьяновой, реальной следует считать угрозу, обладающую способностью вызвать у потерпевшего опасение ее осуществимости. При этом реальность угрозы складывается из субъективного и объективного факторов. Субъективный фактор характеризуется возможностью восприятия содержания и понимания значения угрозы сознанием и волей человека. Объективный фактор определяется угрожающим потенциалом, который заложен виновным в свой поступок и рассчитывается исходя из особенностей личности потерпевшего и сопутствующих совершению преступления обстоятельств. Мы полностью согласны с позицией указанного автора, и считаем, что для определения реальности угрозы следует руководствоваться как объективным, так и субъективным факторами [4].

Угрозу убийством иногда сложно отграничить от приготовления к убийству. Примером может служить угроза с имитацией приготовления к убийству путем выкапывания могилы для потерпевшего на его глазах. При этом могила роется в течение длительного времени, и связанный потерпевший находится рядом, ожидая своей участи. Или потерпевший видит, как для него готовится петля из веревки, которая привязывается к ветке дерева и т. д.

Сложность отграничения такого вида угроз от приготовления к убийству или покушения на убийство заключается в том, что это возможно только по признакам субъективной стороны. Данные признаки обнаруживаются лишь при наличии фактического результата и объясняются обстоятельствами, которые способствовали доведению преступления до конца, но преступник сознательно не реализовал угрозу. При этих условиях данные действия могут быть квалифицированы по ст. 119 УК РФ.

Учитывая, что подобные угрозы убийством содержат элементы садизма (особой жестокости), целесообразно, на наш взгляд, включить этот признак в качествеотягчаю-

шего в ч. 2 ст. 119 УК, что могло бы способствовать реализации принципа справедливости.

На практике довольно часто встречаются ситуации, когда затруднительно определить что было совершено — угроза убийством или угроза причинением тяжкого вреда здоровью. В данном случае правильно подмечает И. В. Лукьянова: «не столь важен конкретный вид угрозы, посредством которой осуществляется посягательство на психическую неприкосновенность человека (убийством, причинением вреда), существенно другое —

обладала ли высказанная виновным угроза «зарядом» опасности, способным причинить вред здоровью, нарушить психическую деятельность индивида, ограничить личную свободу и т. д. Если угроза обладала такой способностью, то без всяких сомнений ее следует признавать преступной» [4].

Подводя итог следует отметить, что уголовная ответственность за угрозу убийством играет положительную роль в предупреждении тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, направленных против личности.

Литература:

1. Варьгин А. Н., Ильянова О. И. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в структуре насильственной преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4 (14). С. 38.
2. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рапога, А. И. Чучаева. М., 2008. С. 86.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017) // Солидарность. 2017. № 26.
4. Лукьянова И. В. Угроза как преступление в уголовном праве России: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 13.
5. Гертель Е. В. Уголовная ответственность за угрозу убийством: автореф. дис... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 12.
6. Коростылёв О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 12.
7. Рузевич О. Р. Особенности законодательной регламентации угрозы в уголовном праве России и зарубежных стран // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 644.
8. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2005. С. 124.
9. Раздобудько В. О. Проблемы определения объекта угрозы убийством по уголовному праву России // Крымские юридические чтения: материалы научно-практической студенческой конференции / Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации» Крымский юридический институт (филиал). Симферополь, 2016. С. 447.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.30.2018).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 78.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 № 368-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.30.2018).

«Налоговые каникулы» для индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации: преимущества и недостатки

Нахапетян Карина Сейрановна, студент;
 Научный руководитель: Попов Василий Валерьевич, доктор юридических наук, профессор
 Саратовская государственная юридическая академия

Стимулирование предпринимательства является одной из ведущих задач для Российского государства, поскольку бизнес оказывает большое влияние на успешное

развитие национальной экономики. Однако эффективное развитие бизнеса возможно лишь в условиях действия такого законодательства о налогах и сборах, которое способ-

ствуется снижению налоговой нагрузки на предпринимателей. В этом аспекте важное значение придается так называемым «налоговым каникулам».

Под «налоговыми каникулами» принято понимать определенный период времени, в течение которого плательщику предоставляется льгота в виде освобождения от уплаты соответствующих налогов.

Идея предоставления «налоговых каникул» для индивидуальных предпринимателей впервые прозвучала в Послании Президента Федеральному Собранию РФ в 2014 году. Тогда же Правительству РФ было поручено подготовить проект федерального закона об облегчении налогового бремени для индивидуальных предпринимателей [2, с. 47].

С 1 января 2015 года введен в действие Федеральный закон N 477-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее — ФЗ-477) [7]. Суть указанного Федерального закона заключается в том, что он ослабляет налоговую нагрузку для индивидуальных предпринимателей, впервые зарегистрированных после вступления в силу данного акта.

Изменения, внесенные ФЗ-477 в ст.ст. 346.20, 346.50, 346.51 Налогового кодекса РФ, предусматривают предоставление субъектам РФ права устанавливать для индивидуальных предпринимателей, перешедших на упрощенную систему налогообложения и патентную систему налогообложения и осуществляющих деятельность в производственной, социальной и научной сферах, «налоговые каникулы» в виде налоговой ставки в размере 0% на 2015–2020 гг. Следует уточнить, что освобождение от уплаты налогов действует в течение не более двух налоговых периодов в рамках обозначенного срока. Предполагается, что за два года налоговых периода «каникул» индивидуальные предприниматели должны получить развитие и после этого начать платить налоги [3, с. 306].

Региональные органы власти вправе самостоятельно принимать решения о необходимости введения «налоговых каникул» на территории субъектов РФ, исходя из своих возможностей и экономических ресурсов. На сегодняшний день такая мера действует не во всех регионах. Например, «налоговые каникулы» не введены в Республике Крым, Республике Татарстан и городе Севастополь [6].

Законодатель в ФЗ-447 определил конкретные сферы деятельности (производственная, социальная и научная, а также сфера бытовых услуг населению) с целью повышения предпринимательской активности именно в этих направлениях, так как в настоящее время они являются наиболее приоритетными для развития отечественной экономики в целом.

Литература:

1. Асеев Д. В., Гунько Н. Н., Старцева А. А. Проблемы применения налоговых каникул для малого бизнеса в России // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 5 (139). 2016. С. 77–81.
2. Дементьева Н. М., Дементьев Д. В. Налоговые каникулы для индивидуальных предпринимателей: ожидаемый результат // Финансы и кредит. № 20 (644). 2015. С. 47–54.

Введение «налоговых каникул» с целью развития бизнеса является несомненным плюсом и шагом вперед. По состоянию на 01.08.2016 год количество индивидуальных предпринимателей в России составляло 2929410, а по состоянию на апрель 2018 года — 3225338 [4]. Таким образом, видно, что за 2 года на территории страны произошел количественный рост в сфере предпринимательства.

Несмотря на положительную динамику, у «налоговых каникул» существуют проблемы и риски, связанные с их реализацией на практике.

В частности, велика вероятность закрытия новых предприятий после окончания «каникул», поскольку в начале своей деятельности предприниматели работают с минимальной прибылью или даже с убытками [1, с. 79].

Как было указано, нулевой ставкой могут воспользоваться только индивидуальные предприниматели, впервые зарегистрированные по упрощенной системе налогообложения или применяющие патентную систему налогообложения. При этом «налоговые каникулы» не распространяются на тех, кто применяет единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности, единый сельскохозяйственный налог или общую систему налогообложения.

Также существует риск, что предприниматели станут переписывать свой бизнес на родственников или иных лиц с целью уклонения от уплаты налогов [5, с. 37].

Недостатком является и то, что региональные и местные бюджеты теряют налоговые поступления от субъектов предпринимательства на время действия закона о применении нулевой налоговой ставки.

По общему правилу «налоговыми каникулами» могут воспользоваться только индивидуальные предприниматели, занятые в производственной, социальной, научной сферах, а также в сфере бытовых услуг населению. При этом каждый субъект РФ устанавливает самостоятельно, какие виды деятельности подлежат поддержке.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что «налоговые каникулы» имеют, как преимущества, так и недостатки. Думается, требуется внести некоторые изменения в законодательство о налогах и сборах. К примеру, нужно дополнить список сфер деятельности, при реализации которых можно воспользоваться «налоговыми каникулами». Целесообразным также разрешить использовать данную льготу индивидуальным предпринимателям, которые регистрируются не впервые, но с предоставлением им минимальной налоговой ставки. В заключение хотелось бы отметить, что стимулирование и поддержка малого бизнеса в России является важнейшим направлением, поскольку он выступает существенным фактором развития всей российской экономики в целом.

3. Дождева Е. Е., Погожева М. С., Спиридонова Е. О. Зарубежный опыт развития УСН для малого предприятия и функционирование налоговых каникул в РФ // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: Межвузовский сборник научных трудов. 2017. № 2. С. 304–311.
4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // URL: <https://gmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 05.05.2018).
5. Попов В. В., Тришина Е. Г. Уклонение от уплаты налогов как элемент правовой жизни общества (теоретико-правовые аспекты) // Налоги-журнал. 2016. № 2. С. 37–41.
6. Сведения о принятых субъектами Российской Федерации законодательных актах о «налоговых каникулах» на 2017 год [Электронный ресурс] // URL: <https://www.minfin.ru/ru/document/> (дата обращения: 05.05.2018).
7. Федеральный закон «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 29.12.2014 N 477-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 30.

Понятие и сущность уголовно-процессуальных функций прокурора в судебном производстве по уголовному делу

Оленёва Юлия Николаевна, магистрант
Вятский государственный университет (г. Киров)

Исследование проблемы о понятии и сущности уголовно-процессуальных функций прокурора в судебном производстве по уголовному делу целесообразно начинать с вопроса о понятии и сущности самих функций и уголовно-процессуальных функций.

Рассматривая первое из указанных понятий, можно сказать, что оно в течение длительного времени было термином исключительно теоретическим. Свое происхождение слово «функция» имеет от латинского «*functio*», что в переводе означает «исполнение», «осуществление». Из латинского языка данный термин распространился во многие европейские языки. В научный оборот он впервые был введен как математическая категория в 1673 году немецким философом Г. В. Лейбницем. В дальнейшем, до XIX века он использовался преимущественно в естественно-технических науках. Однако постепенно категория «функция» начинает использоваться и в других сферах, в том числе в юриспруденции.

Рассматривая же понятие уголовно-процессуальной функции, необходимо признать, что оно не является достаточно разработанным в российском законодательстве и научной доктрине.

В целом в науке уголовно-процессуального права сложилось несколько подходов к пониманию уголовно-процессуальных функций.

Согласно исторически первому сложившемуся подходу, уголовно-процессуальные функции — это назначение и роль ее участников, которые установлены уголовно-процессуальным законом и выражаются в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности. Недостатком такого подхода является то, что здесь сложно определить цель конкретной уголовно-процессуальной функции, которая должна быть достигнута исполнителем.

Согласно второму подходу, уголовно-процессуальные функции рассматриваются как главные направления всей

уголовно-процессуальной деятельности, которые обусловлены стоящими перед ней задачами. Формированию данного подхода способствовало закрепление российским уголовно-процессуальным законодательством задач уголовного судопроизводства и положений о разделении трех основных функций в судебных стадиях советского уголовного процесса.

Третий подход к понятию «уголовно-процессуальные функции» имеет системный и компромиссный характер, поскольку объединяет оба выше рассмотренных. Его придерживаются те исследователи, которые рассматривают уголовно-процессуальную деятельность как сложный системный объект, который имеет свои стадии, направление, содержание, задачи.

Рассматривая понятие уголовно-процессуальных функций, необходимо также отметить, что в настоящее время оно имеет законодательное закрепление. Так, в ч. 2 ст. 15 УПК РФ закреплены такие уголовно-процессуальные функции как: обвинение, защита и разрешение уголовного дела. При этом законом четко определено, что данные функции отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Беря за основу вышеуказанные функции, законодатель далее ввел понятие «стороны», подразумевая под ними участников уголовного судопроизводства, выполняющих функции уголовного преследования и защиты на основе состязательности (п. п. 45 ст. 5 УПК РФ) и произвел классификацию участников уголовного судопроизводства: суд, участники со стороны обвинения, участники со стороны защиты, иные участники.

Возникновение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела в данном случае вызывается одним и тем же фактом — совершением преступления.

Рассмотрев существующие подходы, и определившись с пониманием сущности уголовно-процессуальных функций, целесообразно перейти к определению понятия «уголовно-процессуальные функции прокурора в судебном производстве по уголовному делу», проследовав в данном случае от общего к частному и применив понятие данных функций к конкретному участнику уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, определение уголовно-процессуальных функций прокурора в судебном производстве по уголовному делу целесообразно построить путем анализа признаков данного понятия.

Для производства такого анализа сначала обратимся к уголовно-процессуальному законодательству и определим содержание субъектного элемента рассматриваемого понятия.

Из положений ч.1 ст. 37 УПК РФ следует, что прокурор — это должностное лицо, являющееся участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, имеющее определенные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, которые направлены в уголовном судопроизводстве на осуществление уголовного преследования.

Поскольку ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» определяет данную структуру как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением законодательства, важнейшим признаком правового статуса прокурора является — представление интересов высшей организации политической власти, управляющей российским обществом и обеспечивающей в нем порядок и стабильность.

Приказом Генпрокуратуры России от 25.12.2012 N 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» определено, что уголовное преследование в судебном производстве по уголовному делу предоставлено право осуществлять заместителям Генерального прокурора РФ, прокурорам субъектов РФ, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур, прокурорам городов и районов, иных территориальных, военных и специализированных прокуратур. Здесь же указано, что участие указанных лиц в судебных стадиях уголовного судопроизводства необходимо считать одной из важнейших функций прокуратуры.

Однако следует учитывать, что п. 31 ст. 5 УПК РФ определено, что под определение «прокурор» в уголовном судопроизводстве попадают не только вышеперечисленные сотрудники прокуратуры, но и «иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре». Исходя из струк-

туры прокуратуры, определенной ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», к таким должностным лицам относят помощников прокуроров различного уровня.

Как уже было указано ранее, уголовно-процессуальный закон возлагает на прокурора в ходе уголовного судопроизводства осуществление от имени государства уголовного преследования. Таким образом, главным направлением деятельности прокурора в судебном производстве по уголовному делу является осуществление уголовного преследования от имени государства.

Далее важно учитывать, что с целью осуществления уголовного преследования в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). С данной целью он выступает в ходе судебного производства по уголовному делу в качестве государственного обвинителя и является субъектом доказывания.

Таким образом, охарактеризовав прокурора как участника уголовного судопроизводства, важно также подчеркнуть, что уголовно-процессуальный закон различает понятия прокурора и государственного обвинителя. Под последним субъектом согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ закон подразумевает поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры. Таким образом, статус государственного обвинителя должностное лицо прокуратуры получает только в стадии судебного разбирательства при поддержании государственного обвинения.

Исследуя понятие уголовно-процессуальных функций прокурора в судебном производстве по уголовному делу, необходимо также определиться с временными границами осуществления рассматриваемого направления его деятельности. С нашей точки зрения они определяются моментом поступления уголовного дела в суд и заканчиваются проверкой законности, обоснованности и справедливости судебных актов, принимаемых в рамках рассмотрения уголовного дела (приговоров, определений и постановлений суда).

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальные функции прокурора в судебном производстве по уголовному делу представляют собой основные направления деятельности должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных законом соответствующими полномочиями, по изобличению от имени государства лиц, обвиняемых в совершении преступлений, осуществляемые со стадии подготовки дела к судебному заседанию и до проверки судебных актов на предмет их законности и обоснованности.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Российская газета, N 249, 22.12.2001.

2. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202–1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2018) // Российская газета, N 39, 18.02.1992.
3. Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 N 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс] — Режим доступа: КонсультантПлюс.
4. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР, 1959, N 1, ст. 15 (утратил силу).
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР, т. 8, с. 613 (утратил силу).
6. Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. Екатеринбург, 2012. С. 7.
7. Зинатуллин З. З., Туров С. Ю. Эволюция учения об уголовно-процессуальных функциях // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2012. № 2–1. С. 91–97.
8. Исаенко Е. А. О некоторых проблемах статуса помощника прокурора при осуществлении государственного обвинения // В сборнике: Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика. Сборник научных статей IV-ой Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2015. С. 38–41.
9. Кириллова Н. П. См. Об этом Тугутов Б. А. Уголовно-процессуальные функции: понятие и содержание // Российский судья. 2014. N 7. С. 28–31.
10. Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования // Вестник ЮУрГУ. — 2010. — № 38. — С. 46.
11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (под науч. ред. Г. И. Загорского) // Проспект, 2016. [Электронный ресурс] — Режим доступа: КонсультантПлюс.
12. Мелешко В. Н. Уголовно-процессуальные функции: понятие и сущность // В сборнике: Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз. Сборник научных трудов, приуроченный к 90-летию д-ра юрид. Наук проф. И. И. Мартинович. 2017. С. 73–77.
13. Маслов И. В. О понятии уголовно-процессуальной функции // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2 (16). С. 117–121.
14. Сычев Д. А. Уголовно-процессуальная функция: понятие, содержание, определение // Социология и право. 2015. № 1 (27). С. 49–56.

Уголовно-правовая характеристика оскорбления представителя власти: историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты

Омельченко Дмитрий Владимирович, магистрант
Волгоградский государственный университет

С момента создания российского государства власть стремилась защищать различные сферы публичной деятельности путем установления уголовной ответственности за ряд общественно опасных деяний, в том числе оскорбление ее представителей. По справедливому замечанию Т. К. Агузарова и А. И. Чучаева, необходимость усиленной защиты представителей власти предопределяется самим бытием государства, которое получает свое выражение в органах власти и их представителях [1]. История развития нормы об ответственности за оскорбление представителей власти в отечественном законодательстве обладает большим значением для исследователей, поскольку позволяет не только изучить разные исторические периоды становления данной нормы, но и осуществить сравнительный анализ уголовной ответственности, выявить причины и предпосылки возникновения исследуемой нормы.

Исходя из периодизации истории отечественного государства, в процессе установления уголовной ответственности за оскорбление представителя власти можно выделить следующие ее этапы:

- 1) период древнерусской государственности (середина IX века — середина XV века);
- 2) период централизации государства (конец XV века — XVII век);
- 3) имперский период (начало XVIII века — 1917 г.);
- 4) советский период (1917–1991 гг.);
- 5) современный период (1991 г. — наши дни).

В периоде древнерусской государственности можно встретить первые упоминания оскорбления представителя власти в качестве самостоятельного преступного посяательства. Именно в это время было заложено начало государственности на Руси, результатом чего стал рост влияния государства на многие сферы жизни общества. Конечно же,

государство стремилось защищать свою власть на нормативном уровне, что служило укреплению ее авторитета и статуса в обществе. Впервые оскорбление можно встретить в источниках отечественного права IX—XII вв. Так, например, нормы, регулирующие общественные отношения в сфере охраны чести и достоинства личности можно обнаружить в княжеских законах и международных договорах, которые заключались между Киевской Русью и Византийской империей.

Первым древнейшим источником русского права, упоминавшим оскорбление в ряду преступных деяний, стал русско-византийский договор 911 г. Однако в тексте данного договора разграничивались понятия «оскорбление» и «нанесения побоев», указанные деяния рассматривались договаривающимися сторонами в совокупности. Так, за удар при ссоре русского с греком устанавливалась денежная компенсация: «Аще ударит кто мечом или бит будет другим оружием, то за сей удар или битие да даст 5 литр серебра по закону русскому» [2]. Подобная норма устанавливалась и по русско-византийскому договору 944 г.

В исследовательской литературе нет единого мнения по поводу того, можно ли выделить в Русской Правде преступления против государственной власти и, в частности, против порядка управления. Так, В. Е. Лоба и С. Н. Малахов отвечают на данный вопрос утвердительно [3]. Однако О. И. Чистяков считает, что Русской правде известны только две разновидности преступлений — против личности и имущественные [4].

Анализ Краткой редакции Русской Правды [5] показывает, что ее статьи посвящались, в основном, предупреждению повторных преступных посягательств, в том числе оскорблений. Вместе с тем, нельзя не отметить, что Краткая Правда не знала такой состав, как оскорбление словом — оно по-прежнему учитывалось в комплексе с нанесением телесных повреждений. В ст.ст. 2—9 Краткой Правды установлена ответственность за оскорбление, нанесенное воином: прежде всего, телесно (ст. 3), т. е. речь идет об ударе, а также с использованием меча или его рукояти (ст. 4). Можно проследить сходство между русско-византийскими договорами и Краткой правдой в том, что они уделяют внимание не характеру наносимых повреждений, а орудиям, при помощи которых они наносятся (батоги, жердь, ладонь, чаша, рог, тупая сторона острого предмета, не вынутый из ножен меч). Также надлежит отметить, что в Краткой Правде не установлена степень тяжести нанесенных телесных повреждений: оценивая содеянное, законодатель принимал в расчет не характер и размер причиненных телесных повреждений, а само оскорбление, которое выражал удар.

Характерной чертой Краткой Правды являлось отсутствие связи наказания с общественным положением потерпевшего (например, с профессиональной деятельностью — княжеской службой). Однако даже такой, по сути, личный поступок, как позорящий удар необнаженным мечом или его рукоятью, влек за собой не виру в пользу потерпевшего, а штраф в пользу государства в лице князя.

В качестве относительно самостоятельного состава оскорбления можно рассматривать ст. 7 Краткой Правды, где была установлена ответственность за отсечение усов и бороды. Они выступали символами мужества, их ношение было традицией представителей мужской части населения этого времени. Также оскорбление можно усмотреть и в ст. 16, где установлена ответственность за удар холмом свободного человека. Вместе с тем, отдельной ответственности за оскорбление представителя власти в Краткой Правде предусмотрено не было. Аналогичные вышеописанные нормы были закреплены в ст.ст. 23—25, 67 Пространной Правды.

По мнению В. Ю. Ларина отсутствие в Русской Правде норм, которые предусматривали бы ответственность за оскорбление словом, равно как и усиленную ответственность за оскорбление представителя власти, можно объяснить следующими причинами. Во-первых, такие деяния могли быть не слишком широко распространены, ввиду чего отсутствовали и основания для их криминализации. Однако данную причину вряд ли можно признать обоснованной ввиду существования общих норм ответственности за оскорбления действиями. Во-вторых, В. Ю. Ларин полагает, что поскольку древнерусские законодательные акты дошли до нас далеко не в полном объеме, можно предположить, что специальные положения об ответственности за оскорбление представителя власти (в том числе в вербальной форме) все же существовали, но сведений о них не сохранилось [6]. Представляется, что подобное предположение вполне имеет право на жизнь.

Тем не менее, мы можем только оценить дошедшие до нас редакции Русской Правды, ввиду чего приходится констатировать, что в них отсутствовали отдельные нормы, предусматривающие уголовную ответственность за оскорбление представителя власти, в связи с чем за подобные действия виновный подлежал наказанию по общим правилам. При этом наказуемым считалось лишь оскорбление действием (удар, отсечение усов или бороды), что в феодальном обществе считалось наиболее позорным.

В Новгородской и Псковской судебных грамотах также отсутствовали специальные нормы об ответственности за оскорбление представителей власти. А вот в ст. 2 Двинской уставной грамоты 1397 года можно обнаружить ответственность за оскорбление боярина и его слуги («аще кто излает боярина» [7]). Т. к. бояре в древнерусском государстве осуществляли функции управления государством, в том числе отправляли судебную власть, указанную норму вполне можно считать оскорблением представителя власти. Обращает на себя внимание тот факт, что оскорбление стоит в одном ряду с посягательством на здоровье («или до крови ударит»). Тем самым явно подчеркивалась значимость защиты чести и достоинства представителя власти как объекта уголовно-правовой охраны. Следовательно, можно констатировать, что впервые специальная норма, устанавливающая ответственность за оскорбле-

ние представителей власти, появилась в Двинской уставной грамоте 1397 г.

В XV веке образование централизованного Московского государства повлекло за собой необходимость создать новый законодательный акт, регламентирующий вопросы правопорядка на всей его территории. Этим актом стал Судебник 1497 года. Анализ его содержания показывает, что в нем отсутствовали специальные нормы, регулирующие уголовную ответственность за оскорбление представителя власти.

Еще одним памятником законодательства, который содержал нормы уголовного права, выступает Митрополичье правосудие. Данный акт относится к числу актов канонического права. По поводу точной даты его принятия в науке до сих пор ведутся споры. По мнению авторитетного исследователя данного исторического периода Л. В. Черепнина, время составления Митрополичьего правосудия следует отнести к промежутку между 1497 годом и началом XVI века [8] Т. к. в литературе также отмечается, что основой Митрополичьего правосудия является Двинская уставная грамота [9], то очевидно, что исследуемый акт был принят позже последней.

В Митрополичьем правосудии нормы об оскорблении представителей власти получили существенную детализацию. Так, в ст. 1 устанавливалась ответственность за оскорбление таких представителей власти, как великий князь (наказание — отсечение головы), меньший князь, сельский, тысячник, околичник, боярин, слуга, игумен, поп, дьякон (наказание — штраф, размер которого зависел от служебного положения оскорбленного). В ст. 2 отдельно устанавливалась ответственность за оскорбление княжеских тиунов и наместников. Можно констатировать, что в Митрополичьем правосудии была впервые закреплена дифференцированная ответственность за оскорбление представителей власти в зависимости от выполняемых ими функций.

Несовершенство Судебника 1497 г. повлекло за собой принятие Судебника Ивана Грозного 1550 г. В данном Судебнике 1550 года на общегосударственном уровне вновь была закреплена норма об ответственности за оскорбление («бесчестье») представителей власти, к которым относились: дети боярские, дьяки, тиуны, доводчики, праведчики и др., выполнявшие судебные, полицейские и административные обязанности в государстве. Поскольку отсутствовало четкое разделение их полномочий, то законодательная регламентация ответственности за их оскорбление осуществлялась путем простого перечисления должностей без их группировки. Необходимо отметить, что впервые в числе потерпевших по данному составу упоминались жены представителей власти (причем за их оскорбление виновный подлежал двойному наказанию). Интерес вызывает, что той же самой нормой устанавливалась ответственность за квалифицированные виды убийства («государский убийца», разбойный убийца) и оскорбление действием (увече).

Судебник 1589 года (принят при царе Федоре Ивановиче) в целом продолжил линию законодателя по регламентации оскорбления представителей власти. Так, в ст. 41, 42, 43, 49, 51 данного нормативного акта устанавливалась дифференцированная ответственность (различные штрафы) за «бесчестие» таких представителей власти, как дети боярские, дьяки, тиуны, доводчики, посадские и волостные, а также их жены. Надлежит отметить, что появились статьи об ответственности за оскорбление лиц, которые, в основном, выполняли правоохранительные функции: сотский (ст. 57), пятидесятский и десятский (ст. 58), стрельцы, ратные люди, казаки (ст. 72) и их жены. Интерес вызывает тот факт, что впервые в отдельные нормы было выделено оскорбление лиц, отправлявших правосудие (судьи, судейские целовальники и их жены). Таким образом, в Судебнике 1589 года можно наблюдать дифференциацию уголовной ответственности за оскорбление представителей власти в зависимости от осуществляемых функций (судебных, управленческих, правоохранительных).

Значительное развитие исследуемый состав преступления получил в XVII веке, с принятием Соборное уложение 1649 года. Ответственность за оскорбление, которое по-прежнему именовалось «бесчестьем», предусматривалась различными нормами, при этом в одних случаях прямо указывалось на оскорбление «непригожими словами» (например, в ст. 90 главы X), а в других форма деяния вовсе не уточнялась. Необходимо заметить, что ответственность за оскорбление дифференцировалась теперь не только по должности потерпевшего, но по правовому статусу виновного (в качестве примера можно привести ст. 90—92 главы X). Так, в ст. 92 Соборного уложения сказано следующее: «А буде бояр и окольных и думных людей кто обесчестит словом из гостинных, и суконных, и черных сотен, и слобод тяглового человек, или стрелец, или пушкарь, или казак, или монастырский слуга, или иных чинов люди, или холоп боярский, а по суду или по сыску сыщется о том доподлинно, за боярских, и окольных, и думных людей бесчестье бить их кнутом, да в тюрьму сажать на две недели». Данное законодательное решение говорит о начавшем формироваться в исследуемый исторический период классовом подходе к наказуемости содеянного.

Наиболее общая норма, которая устанавливала ответственность за оскорбление представителей власти, отражена в ст. 93 главы X Соборного уложения 1649 года: «Аще кто, какого бы чину ни был, учинит бесчестье стольнику, или стряпчому, или дворянам московским, или дьякам, или жильцам, или дворянам, или детям боярским городовым, или иноземцам, или дворовым людям, или подьячим, или иным всяких чинов людям, которые государево денежное жалованье получают, а по суду или по сыску сыщется о том доподлинно, и им на тех людях, кто их обесчестит, править бесчестье же» [10].

Однако в положениях Соборного уложения 1649 года по-прежнему можно наблюдать дифференциацию ответственности за оскорбление представителей власти в за-

висимости от выполняемых ими функций. Так, отдельной нормой регулировалось бесчестие царя. В ст. 27 гл. X Уложения устанавливалась ответственность за оскорбление патриарха, а в ст. 28–82 той же главы подробно регламентировалась ответственность за оскорбление других представителей духовного начальства. Конкретная мера ответственности зависела от места духовного лица в церковной иерархии, местонахождения монастыря, его значения и т. д. Как отмечает Т. К. Агузаров, настолько значительный законодательный массив, регулирующий защиту доброго имени церковнослужителей, отражает традицию, заложенную еще в Русской Правде, существенную часть которой занимал кодекс чести [11].

В ст. 105–106 Соборного уложения закреплены положения, направленные на охрану интересов правосудия и обеспечение безопасности судебных чиновников. Например, в ст. 105 сказано: «А буде перед судьями истцу или ответчику между собою побранится, и кто кого перед судьями обесчестит словом непригожим, того за судебское бесчестье всадити в тюрьму на неделю. А кого обесчестит, тому с него взыскать бесчестье по указу. А буде кто кого перед судьями в дерзости своей рукой зашибет, да не ранит, с того взыскать бесчестье вдвое. А буде он перед судьями на кого оружием замахнется, да не ранит, его за то бити батогами, а буде ранит, бити кнутом. А буде раненый от той раны умре, или он на суде его убьет до смерти, самого за то казнить смертью без всякой пощады; да вотчин убойцы взять кабальные долги убитого. А буде такой убойца с суда уйдет, не даст себя поймать, где ни будь он, поймать да казнить смертью. А буде он перед судьями кому раны учинит или убьет до смерти, боронясь от себя, а судьи про то скажут, его никакой казнью не казнить» [12].

Данная норма обладает комплексным наполнением. Во-первых, в ней перечислены различные нарушения правил поведения в судебном процессе: неуважение к судьям, оскорбления других участников процесса, побои, демонстрация (угроза демонстрации) оружия, убийство участника судебного разбирательства. Во-вторых, закреплены условия правомерности причинения вреда посягающему (условия необходимой обороны). В-третьих, определяется судьба долгов потерпевшего.

Правовой статус пристава и недельщика охранялся ст. 142 Соборного уложения. Данной нормой устанавливалась ответственность за две разновидности оскорбления действием: избивание пристава и отнятие или уничтожение государевых, наказных и приставных грамот. Избивание нельзя рассматривать как преступление против физической неприкосновенности пристава, поскольку в самом тексте ст. 142 разъясняется, что тем самым виновный бесчестит должностных лиц приказа, которых представляет пристав.

Необходимо отметить, что был расширен и перечень возможных видов наказаний за оскорбление: помимо штрафов были введены телесные наказания и тюремное заключение. Кроме того, понятие «бесчестие», которое раньше включало в себя только оскорбление (словом или делом),

приобрело расширительную трактовку, включив также понятие клеветы. Так, в ст. 12 главы VII Соборного уложения установлена ответственность за «бесчестие» бояр и воевод посредством подачи государю ложных челобитных (жалоб) на их действия.

Дальнейшее развитие исследуемый состав преступления получил в период петровских реформ. Петр I в целом уделял большое внимание развитию нормативно-правовой базы зарождающейся Российской Империи. Артикул Воинский 1715 г. стал, по сути, первым систематизированным уголовным кодексом нашего государства. Ряд норм Артикула был посвящен охране чести и достоинства государственных служащих. Особенно интересен в рамках темы настоящего исследования артикул 22 главы 3 [13], где устанавливалась ответственность за оскорбление фельдмаршала или генерала (с конкретизацией словесной формы), а употребление законодателем фразы «или в компаниях и собраниях прочих» указывает на закрепление признака публичности оскорбления.

Целиком посвящена описанию оскорблений глава 18 Артикула. Так, в артикуле 151 предусматривалась ответственность за словесное оскорбление офицера офицером. При этом была прямо зафиксирована цель: «дабы тем его честное имя обругать и уничтожить» [13, с. 354], чем подчеркивалась направленность деяния на унижение чести и достоинства. Большое число норм Артикула, устанавливающих ответственность за оскорбление, объясняется его чрезмерной казуистичностью (это был общий дефект петровских законодательных актов). Поэтому выявить признаки дифференциации ответственности за оскорбление в анализируемом нормативном акте не представляется возможным. Однако вызывает интерес артикул 204, которым закреплялось наказание в виде смертной казни за возбранение, воспрепятствование и всяческое иное противление судебским служителям при исполнении. Как представляется, в данном артикуле отечественный законодатель впервые рассматривает оскорбление («возбранять») в качестве способа противодействия исполнению законных полномочий представителя власти.

Также впервые оскорбление представителей власти отграничивалось от оскорбления личности. Оскорбление личности было включено в категорию преступлений против личности и подразделялось на оскорбление действием (артикул 145) и оскорбление словом (арт. 144). За указанные деяния устанавливалось наказание в виде лишения свободы на срок до полугода.

В период правления Екатерины II издаются Наказы 1767 года. В первой редакция Наказов отмечалось, что неодобрение действий императрицы, порицание ее распоряжений не могут составлять преступления против величества, т. е. относиться к государственным преступлениям. Однако в окончательной версии Наказов порицание действий государя все же отнесли к преступлениям, однако за него назначалось более мягкое наказание, чем за государственные преступления.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. следует обратить внимание на специальную главу 2 раздела IV, которая называлась «Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности». В данной главе получила подробную регламентацию ответственность за преступления против деятельности полиции и правосудия. По мнению С. С. Киселева эти положения указывают на значимость уголовно-правовой охраны личности чиновника в России и по сравнению с предшествующим законодательством указывают на значительный рост такой охраны [14].

После принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 года можно впервые говорить об оскорблении представителя власти в качестве самостоятельного состава преступления. Согласно ст. 88 данного кодекса уголовно наказуемым являлось публичное оскорбление представителей власти в случае исполнения служебных обязанностей (с лишением свободы не ниже шести месяцев). Из диспозиции можно сделать вывод, что впервые в отечественном законодательстве для оскорбления представителя власти были установлены такие характерные признаки, как публичность оскорбления и исполнение потерпевшим своих служебных обязанностей. Достаточно жесткая мера наказания, прежде всего, вытекает из недавнего окончания гражданской войны, в связи с которым вновь создаваемым органам молодого советского государства нужно было утверждать свой авторитет. УК РСФСР 1926 года оставил данную статью в прежней редакции.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года оскорблению представителя власти была посвящена статья 192. Существенным отличием данного кодекса от ранее действовавших было то, что указанная статья включала в себя подстатьи, дифференцировавшие ответственность по потерпевшему, а ее размер — по тяжести преступления. Так, за оскорбление любого представителя власти предусматривались исправительные работы либо штраф. В то же время оскорбление работника милиции либо народного дружинника (ст. 192.3), а также военнослужащего либо сотрудника органа внутренних дел (ст. 192.3), помимо указанных наказаний, могло повлечь за собой лишение свободы на срок до 6 месяцев и 1 года соответственно.

На современном этапе в Уголовном кодексе РФ [15] оскорблению представителя власти посвящается одна статья, квалифицированные составы в ней отсутствуют. За анализируемое преступление установлены следующие альтернативные виды наказания: штраф до 40 000 рублей (или в размере заработной платы либо другого дохода осужденного за период до 3 месяцев), обязательные работы на срок до 360 часов, исправительные работы на срок до 1 года.

Подводя итог изложенному, следует еще раз акцентировать внимание на этапах развития уголовно-правовой нормы об оскорблении представителя власти:

1) период древнерусской государственности (середина IX века — середина XV века). Характеризуется лишь первыми упоминаниями оскорбления представителя власти

в качестве самостоятельного преступного посягательства. Нормативные акты того периода (русско-византийские договоры, Русская Правда) не разграничивали оскорбление словом и оскорбление действием, а также не выделяли представителя власти в качестве специального субъекта такого посягательства. Первое упоминание об ответственности за оскорбление словом боярина можно найти лишь в Двинской уставной грамоте 1397 года;

2) период централизации государства (конец XV века — XVII век). Впервые дифференцированная ответственность за оскорбление представителей власти в зависимости от выполняемых ими функций была закреплена в акте канонического права — Митрополичьем правосудии, датируемом XV—XVI веком. В Судебнике 1550 г. впервые на общегосударственном уровне была закреплена норма об ответственности за оскорбление («бесчестье») представителей власти, а также их жен — впрочем, без какой-либо дифференциации. Существенную дифференциацию анализируемый состав получил в Соборном уложении 1649 г., которое не только различало оскорбление словом и оскорбление действием, но и выделяло в отдельные статьи оскорбления представителей власти в зависимости от их статуса (государь, патриарх, прочее духовенство) и выполняемых функций (судебные, административные). Ответственность за оскорбление дифференцировалась теперь не только по должности потерпевшего, но по правовому статусу виновного;

3) имперский период (начало XVIII века — 1917 г.). На данном этапе впервые оскорбление представителей власти было отграничено от оскорбления личности, был установлен признака публичности оскорбления, оскорбление стало рассматриваться в качестве способа противодействия исполнению полномочий представителя власти;

4) советский период (1917—1991 гг.). Впервые в отечественном законодательстве были установлены такие характерные для нашего времени признаки оскорбления представителя власти, как публичность этого действия и нахождение потерпевшего при исполнении своих служебных обязанностей;

5) современный период (1991 г. — наши дни) — характеристика современному пониманию исследуемого состава будет дана в главе II настоящего исследования.

Регламентация ответственности за оскорбление представителя власти в зарубежном уголовном законодательстве

Изучение зарубежного опыта уголовно-правового противодействия преступлениям против порядка управления в целом и против оскорбления представителей власти в частности дает возможность обогатить отечественное уголовное законодательство и практику его применения в указанной сфере. Как писал Н. Д. Сергеевский, «научное исследование не может ограничиться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным). В качестве необходимого материала должны быть привлекаемы определения права других государств» [16]. М. Ан-

сель в этой связи также указывал, что изучение зарубежного уголовного права «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [17].

Для зарубежного уголовного законодательства характерно объединение оскорбления представителей любой ветви власти в одну норму либо выделение нескольких подобных норм в целую главу. Например, в УК Австрии данный вопрос регулируется одной статьей 116, в которой установлена ответственность за клевету или оскорбление, направленные против представителей национального совета, бундесрата, федерального собрания или ландтага, в отношении федеральных вооруженных сил, самостоятельного подразделения федеральных вооруженных сил или против федерального органа, если таковое оскорбление выражено публично. А вот в УК Бельгии [18] составы оскорбления представителей власти (министры, члены законодательных палат, представители судебных органов и вооруженных сил) выделены в самостоятельную главу II раздела V (ст.ст. 275–277). При этом бельгийский законодатель различает следующие проявления оскорбления: действия, слова, жесты, угрозы.

Уголовные законы многих государств, кроме норм, которые направлены на охрану представителей власти, выделяют в самостоятельный состав положения о защите чести и достоинства главы государства. Например, в ч. 1 ст. 323 УК Азербайджана [19] предусмотрена ответственность за опорочивание либо унижение чести и достоинства Президента Азербайджанской Республики, совершенное посредством публичного выступления, публично демонстрирующегося произведения или СМИ, а в ч. 2 — если те же деяния сопряжены с обвинением в совершении тяжкого либо особо тяжкого преступления. Вместе с тем, действие данной нормы не распространяется на публичные выступления, в которых критикуется деятельность Президента, а также политики, которая им проводится.

Аналогичные положения закреплены и в ст. 318 УК Казахстана [20]. Так, в ч. 1 данной статьи запрещено публично оскорблять Президента Республики Казахстан, в ч. 2 — делать то же самое в СМИ. В главе 14 УК Казахстана «Преступления против порядка управления» дифференцирована ответственность за посягательства на честь и достоинство Президента (ст. 318), на честь и достоинство депутата Парламента (ст. 319), а также оскорбление представителя власти (ст. 320).

В ст. 368 УК Республики Беларусь [21] также содержится состав публичного оскорбления главы государства. При этом квалифицирующим признаком по ч. 2 данной нормы выступает публичное оскорбление, которое совершено лицом, ранее судимым за оскорбление или клевету, либо сопряжено с обвинением в совершении тяжкого

или особо тяжкого преступления. Оскорбление по УК Республики Беларусь определяется как умышленное унижение чести и достоинства личности, которое выражено в неприличной форме (ст. 189), а клевета — как распространение заведомо ложных измышлений, которые позорят другое лицо (ст. 188).

В Модельном УК СНГ [22] содержится ст. 312, устанавливающая ответственность за оскорбление представителя власти. В отличие от УК РФ, данная статья имеет квалифицирующий признак. Так, в ч.1 ст. 312 УК СНГ преступлением небольшой тяжести признается публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих служебных обязанностей. А оскорбление, которое выражено в форме публичного выступления, публично демонстрирующегося произведения или в СМИ, расценивается уже как преступление средней тяжести.

Нельзя не отметить, что в Модельном УК СНГ круг потерпевших от оскорбления обозначен более конкретно, чем в УК РФ. Кроме того, следует присоединиться к мнению С.Д. Захарчука, признающего безусловно положительным моментом закрепление квалифицирующего признака в составе оскорбления представителя власти [23]. Концепцию Модельного кодекса СНГ восприняли, например, УК Армении (ст. 318), УК Таджикистана (ст. 330).

Как отмечает В.М. Мамакина, в уголовном законодательстве отдельных зарубежных стран предусмотрена ответственность не только за публичное, но и за непубличное оскорбление должностных лиц либо лиц, оказывающих им помощь. В качестве примеров указан исследователь приводит ст. 5 гл. 17 УК Швеции, ст. 320 УК Республики Казахстан, ст. 236 УК Польши, ст. 144 УК Кубы [24].

В ст. 121 УК Дании [25] предусмотрена ответственность за нападение на лицо, которое наделено государственными полномочиями с правом принятия решений по любым вопросам, включая юридические последствия. Данное нападение может выражаться в форме оскорблений, ругательств или иных преступных слов или жестов, а также должно быть сопряжено с осуществлением указанным лицом своих полномочий или функций. Швейцарский законодатель пошел дальше, признав наказуемым оскорбление иностранного государства и межгосударственных организаций (ст. 296–297 УК Швейцарии [26]) — но, разумеется, оскорбить можно не сами публично-правовые субъекты, а их официальных представителей.

В зарубежном уголовном законодательстве также содержатся статьи, которые регламентируют уголовную ответственность за клевету в отношении глав государств и представителей власти. Так, в ст. 318 УК Республики Казахстан предусмотрена ответственность за иное, кроме оскорбления, «посягательство на честь и достоинство Президента Республики Казахстана». Аналогичная норма наблюдается в ст. 323 УК Азербайджана.

В ст. 230 и 230–2 УК Японии [27] содержится состав «ущерба чести» (по сути, той же клеветы), сопряженного с «публичными интересами» (т. е. направленного

против публичных должностных лиц — правительственных и муниципальных чиновников, депутатов или же членов комитетов либо других служащих). При этом состав «Оскорбление» (ст. 231) по УК Японии является общим, т. е. специальный потерпевший в лице представителя власти в нем отсутствует. В отличие от преступления «Ущерб чести» при квалификации содеянного как оскорбления не требуется указания на конкретные факты. Оскорбление представляет собой выражение оценочного суждения, в котором выражается пренебрежительное отношение к личности иного лица, причем форма такого выражения не имеет значения. Покушение на преступления «Ущерб чести» и «Оскорбление» по УК Японии невозможны [28].

В Западной Европе УК Австрии также включил состав клеветы в свой текст, однако ответственность за такую клевету выступает только тогда, когда она является публичной,

а ее целью выступают национальный совет, бундесрат, федеральное собрание или ландтаг, федеральные вооруженные силы, федеральный орган. В ст. 6 гл. 17 УК Швеции [29] отмечено, что если лицом среди населения распространяются ложные слухи или иные подобные утверждения, которые могут послужить причиной падения уважения к власти или к иному уполномоченному органу, то оно подлежит ответственности за клевету в отношении власти.

В заключение следует отметить, что в УК РФ можно по примеру иностранных государств закрепить положение о наказуемости распространения клеветнических сведений, которые бьют по чести и достоинству представителя власти. Наличие такой нормы может поспособствовать росту авторитета органов власти, поскольку любые клеветнические заявления в отношении ее представителей наносят вред авторитету государственной власти в целом.

Литература:

1. Агузаров Т. К., Чучаев А. И. Охрана власти по Русской Правде, уставам и уставным грамотам // LEX RUSSICA. № 6. 2009. С. 1298.
2. Русско-византийский договор 911 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.hrono.ru/dokum/0900dok/0911dog.php> (дата обращения: 20.04.2018).
3. Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI—XII вв. (по данным Русской Правды): монография. Армавир, 2011. С. 148—149.
4. История отечественного государства и права. Часть 1 / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юрист, 2004. С. 45.
5. Русская Правда [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.istorichka.edusite.ru/p19aa1.html> (дата обращения: 20.04.2018).
6. Ларин В. Ю. Историческое развитие уголовно-правовых норм об ответственности за оскорбление представителя власти (XI — сер. XVIII века) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 3. С. 37.
7. Российское законодательство X—XX веков. В 9 томах. Том 2, Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 181—182.
8. Памятники русского права. Выпуск третий / под ред. проф. Л. В. Черепнина. М., 1955. С. 438.
9. Георгиевский Э. В. Уголовно-правовая характеристика Правосудия митрополичьего // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2009. № 1. С. 15.
10. Отечественное законодательство XI—XX вв.: Пособие для семинаров. Часть I (XI—XIX вв.) / под ред. проф. О. И. Чистякова. М., 2004. С. 145.
11. Агузаров Т. К. Охрана власти по Соборному Уложению 1649 г. // Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск «Правоведение». 2009. № 5 (8). С. 12.
12. Российское законодательство X—XX веков: Акты Земских соборов. В 9-ти томах. Т. 3 / Отв. ред.: Маньков А. Г.; Под общ. ред.: Чистяков О. И. М.: Юрид. лит., 1985. С. 112—113.
13. Российское законодательство X—XX веков: Законодательство в период становления абсолютизма: в 9-ти томах. Т. 4 / отв. ред. А. Г. Маньков; под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1986. С. 332.
14. Киселев С. С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 11.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
16. Русское уголовное право. Часть общая: Пособие к лекциям / Сергеевский Н. Д.; Доп.: Жижиленко А. А. 5-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. С. 2.
17. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права. Сборник // Очерки сравнительного права. Сборник. М.: Прогресс, 1981. С. 38.
18. Уголовный кодекс Бельгии 1867 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242695&subID=100102127,100102129> (дата обращения: 26.04.2018).
19. Уголовный кодекс Азербайджана 1999 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 26.04.2018).

20. Уголовный кодекс Казахстана 2014 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 26.04.2018).
21. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 26.04.2018).
22. Модельный Уголовный кодекс СНГ 1996 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 26.04.2018).
23. Захарчук С. Д. Уголовно-правовая защита сотрудников органов внутренних дел в государствах-участниках СНГ: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 169.
24. Мамакина В. М. Сравнительно правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства в сфере охраны чести и достоинства представителя власти (на примере ст. 319 УК РФ) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. Вып. 2 (73). С. 105.
25. Уголовный кодекс Дании 1997 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524&subID=100096345,100096366> (дата обращения: 26.04.2018).
26. Уголовный кодекс Швейцарии 1937 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241950&subID=100098712,100098714,100098887,100098975#text> (дата обращения: 26.04.2018).
27. Уголовный кодекс Японии 1907 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=407&page=3> (дата обращения: 26.04.2018).
28. Королева М. М. Характеристика норм о преступлениях против чести и достоинства по уголовному законодательству Японии // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 2. С. 71.
29. Уголовный кодекс Швеции 1962 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.sweden4rus.ru/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 26.04.2018).

Процессуальные особенности рассмотрения дел о расторжении брака

Пастухова Мария Игоревна, магистрант

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

Семья представляет собой социальный институт своего рода, первичный элемент общества, который был свойственен еще первобытному обществу, т. е. он зародился еще задолго до появления классов, наций и государства. Семейно-брачные отношения, также, имеют свою историю и традиции. их основы впервые были закреплены в римском праве. Римское право выделило институт семьи и брака, сформулировало юридические понятия опеки и попечительства, усыновления, личных и имущественных отношений субъектов семейных отношений: супругов, родителей и детей. В большинстве случаев, общество, так или иначе, регламентирует отношения между мужчинами и женщинами посредством установления определенных рамок института брака. Указанная регламентация выступает в форме регистрации брака.

В дореволюционной России, а также после 1917 г. семейные отношения регламентировались нормами гражданского законодательства. Только после принятия Кодекса о браке и семье РСФСР с 1 ноября 1969 г., семейное право приобрело статус самостоятельной отрасли.

Федеральным законом № 223-ФЗ от 29 декабря 1995 г. был принят Семейный кодекс Российской Федерации, введенный в действие 1 марта 1996 г. Основными приоритетами нового семейного законодательства стали меры по укреплению семьи, защита прав каждого гражданина

в новых социально-экономических условиях нашего государства. С этой целью необходимо было обеспечить гарантии и охрану прав субъектов семейных правоотношений. Одновременно необходимо было установить меры, обеспечивающие выполнение установленных законом семейных обязанностей. Принятый Семейный кодекс РФ закрепил соответствующие положения семейного права о заключении и расторжении брака, об усыновлении, опеке и попечительстве, о приемной семье и др. Принятие Семейного кодекса РФ ознаменовало создание новой правовой системы, которая бы соответствовала новым экономическим и социальным реалиям.

Семейные отношения реализуются согласно принципам равенства супругов, разрешения споров по взаимному согласию, добровольности брачного союза, приоритета заботы о благосостоянии и воспитании детей.

В связи со сложившимися социально-экономическими условиями на современном этапе, с их особенностями, которые способствуют росту числа фактических браков, не зарегистрированных официально, соотношение браков и разводов в России свидетельствуют о нестабильности брачных отношений. Также, необходимо отметить, что в российском законодательстве и практике термины «расторжение брака» или «развод», используются в качестве синонимов.

В дореволюционном семейном праве определение развода было сформулировано как прекращение законного брака по причинам, указанным в самом законе [1]. Под расторжением брака (разводом) в научной литературе понимают в одном варианте: прекращение брака при жизни субъектов семейных отношений, т. е. супругов, а во втором — акт, юридически оформленный, прекращающий правоотношения между супругами [2].

Например, С. А. Муратова под расторжением брака понимает именно «юридический акт, прекращающий права и обязанности между супругами на будущее время» [3]. «Право на развод — это элемент правоспособности, и в связи с этим оспаривать его нельзя». [4] Развод не содержит в себе спор о праве, а представляет собой конфликт, который выливается в спор о причинах этого самого конфликта. В судебной практике наблюдается стремление истца изобразить негативные причины, которые привели к разрушению брака и впоследствии стали мотивами развода. Эти причины истец связывает именно с личностью ответчика, но, по сути, реальные взаимоотношения сторон установить невозможно.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 СК РФ, судебная инстанция расторгает брак, не выясняя мотивов развода в следующих случаях:

- 1) при наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей,
- 2) при уклонении от расторжения брака в органе записи актов гражданского состояния одного из супругов в отсутствие у него возражений,

Если взаимное согласие супругов на расторжение брака отсутствует, судебная инстанция обязана выяснить у сторон мотивы, послужившие расторжению брака.

Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», гласит, что иск о расторжении брака должен соответствовать определенным требованиям касающиеся как формы, так и содержания, гражданско-процессуального законодательства. Согласно п. 5 ст. 131 ГПК РФ, истец должен указывать в своем исковом заявлении обстоятельства, послужившие основанием для обращения в суд с заявлением о расторжении брака, а также представить соответствующие доказательства, подтверждающие эти основания. В соответствии со ст. 136 ГПК РФ, если истец не соблюл данное требование, то судебная инстанция оставит исковое заявление без движения, предоставив возможность устранить недостатки, указав в обязательном порядке причины расторжения брака.

Несмотря на то, что закон устанавливает обязательное указание причин расторжения брака, действующее законодательные нормы не содержат перечень мотивов расторжения брака, которые, логично было бы указать. Законодатель с одной стороны обязывает истца руководствоваться конкретными мотивами при расторжении брака, а с другой

стороны не закрепил их, не указал их перечень даже формально. Данный факт затрудняет процесс подготовки искового заявления, а также в некоторых случаях тормозит рассмотрение дела.

Если законодатель бы прямо указал основания расторжения брака, то в этом случае, были бы ясны причины в случае отказа суда в его расторжении. В любом случае суд при расторжении брака должен руководствоваться интересами несовершеннолетних детей.

Например, в Швейцарии, мотивы для расторжения брака установлены законом следующие мотивы:

- 1) супружеская измена;
- 2) посягательства на жизнь, побои или тяжкие оскорбления;
- 3) правонарушения или недостойное поведение, одного из супругов;
- 4) отсутствие в течении двух лет;
- 5) психическая и душевная болезнь (в этом случае необходимо экспертное заключение);
- 6) невозможность совместного проживания. [5]

В Польше, например, согласно семейному законодательству, если развод был инициирован по требованию супруга, который виновен в распаде семьи, и при этом другой супруг возражает против развода, то в этом случае, брак, может быть, расторгнут, если судебная инстанция придет к выводу, о том, что развод необходим из принципа социального общежития.

В Чехии, если супруги не проживают совместно более трех лет, то брак подлежит расторжению. [6]

Итак, из этого можно сделать вывод, что мотивами расторжения брака являются субъективные и объективные причины негативного характера в совокупности, которые возникают в семейной жизни и ведут к разрушению отношений между супругами.

Изучив судебную практику, представляется возможным выделить такие мотивы для расторжения брака как:

- 1) физиологические заболевания супруга или детей,
- 2) экономические причины (нехватка денежных средств),
- 3) психологический дискомфорт (отсутствие взаимопонимания между супругами),
- 4) асоциальное поведение супруга, выражающееся в форме безнравственных или действий (употребление спиртных напитков, наркотических средств,
- 5) применение различных форм насилия к супругу, детям и иным родственникам. [7]

На практике фактические причины (мотивы) расторжения брака не столь важны, так как если суд не может способствовать урегулированию возникшего спора, то они не имеют для судебной инстанции безусловного значения, так как суд в любом случае должен удовлетворить предъявленные требования о расторжении брака, одного из супругов.

Назначение судебного разбирательства при расторжении брака ограничивается не только функцией расторжения, но он в свою очередь должен, все-таки, способствовать

сохранению семьи. В данном контексте было бы целесообразным разработать рекомендации, в которых бы содержался примерный перечень мотивов расторжения брака, это способствовало бы принятию необходимых мер для сохранения семьи, и повлияло на снижение количества расторгаемых браков.

Также, далеко немаловажной задачей является применение процедуры медиации в области семейных правоотношений, в том числе и при расторжении брака. [8] Медиативное урегулирование семейных споров широко распространено на Западе и такой подход, однозначно, дает свои положительные результаты. Более 70% споров разрешаются успешно благодаря урегулированию возникших семейных споров посредством процедуры медиации. [9] Процедура медиации позволяет «разгрузить» суды от дел, которые возможно разрешить в досудебном порядке. Данная процедура должна быть обязательным досудебным мероприятием по делам о расторжении брака, так как если у супругов имеются несовершеннолетние дети, или если один из супругов против расторжения брака, то в этом случае велики шансы на сохранение семьи.

Мотивы расторжения брака для каждой отдельно взятой семьи индивидуальны. Их можно классифицировать на следующие категории: физиологические, экономические, психологические, асоциальные. Данная классификация призвана помочь судебной инстанции, более точно определить причины конфликта, что в свою очередь даст возможность оценить целесообразность назначения примирительных процедур.

При рассмотрении дел о расторжении брака у судей нередко возникали сложности по вопросам применения норм Семейного кодекса РФ, связанные с расторжением брака и признанием его недействительным, с имущественными отношениями супругов (бывших супругов). Все эти моменты были учтены Пленумом Верховного Суда Российской Федерации при вынесении Постановления от 05 ноября 1998 г. № 5, который дал соответствующие разъяснения, с целью обеспечить правильное и единообразное разрешения дел данной категории.

В соответствии со ст. 17 СК РФ, супруг не вправе возбудить дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка, не получив предварительно согласия жены. Судья, принимая исковое заявление о расторжении брака к производству, проверяет данные факты. В данном случае необходимо отметить, что это правило распространяется и на случаи, когда ребенок родился мертвым или умер до достижения одного года. Если, все-таки, муж при отсутствии согласия жены обратился в суд с исковым заявлением о расторжении брака, судья отказывает в принятии искового заявления. Если такое исковое заявление было принято к производству, судебная инстанция в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, абзацем 2 ст. 220 ГПК РФ должна прекратить производство по делу. Определение о прекращении производства не является препятствием к обращению в суд

повторно с иском о расторжении брака, в том случае если впоследствии эти обстоятельства отпали. [10]

В соответствии с п.1 ст. 19 СК РФ при наличии взаимного согласия супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей, расторжение брака производится в органах записи актов гражданского состояния. Если у супругов имеются споры о разделе совместно нажитого имущества, или о выплате алиментов либо средств на содержание нетрудоспособного нуждающегося супруга, то с данными требованиями они обращаются в суд. В случае, если один из супругов, несмотря на то, что он не возражает расторгнуть брак, уклоняется от его расторжения и подачи совместного или отдельного (когда он не имеет возможности лично явиться) заявления о расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния, второй супруг имеет право обратиться в суд.

Расторжение брака по искам, предъявленным к лицам, ограниченным в дееспособности по причинам злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, производится в общем порядке. [10]

Дела о расторжении брака с лицами, осужденными к лишению свободы, рассматриваются, в случае подведомственности этих дел суду, с соблюдением общих правил о подсудности. Заявление о расторжении брака с лицом, осужденным к лишению свободы, принимается судом к производству в соответствии со ст. 28 ГПК РФ, согласно последнему месту жительства указанного лица до его осуждения.

Согласно п.1, 4 ст. 29 ГПК РФ, в случае если место проживания супруга неизвестно, исковое заявление о расторжении брака подается по выбору истца, по последнему известному месту жительства ответчика или по месту нахождения его имущества. При наличии несовершеннолетних детей, а также в случае, если по состоянию здоровья выезд к месту жительства ответчика затруднителен, исковое заявление представляется по месту жительства истца.

В соответствии с п. 2 ст. 19 СК РФ, с лицом, признанным безвестно отсутствующим, отсутствующим в месте его постоянного жительства, независимо от наличия у супругов общих несовершеннолетних детей, брак расторгается в органах записи актов гражданского состояния. Если истец не представил сведения о месте пребывания ответчика, в связи с тем, что место его нахождения не известно, суд разъясняет истцу порядок признания граждан безвестно отсутствующими, установленный положениями ст. 42 ГК РФ. Если супруг отказывается обращаться с заявлением о признании супруга безвестно отсутствующим, суд не может отказать в принятии иска о расторжении брака, но в таком случае, судебная инстанция должна рассмотреть его на общих основаниях.

Исковое заявление о расторжении брака должно соответствовать требованиям ст.ст. 121, 132 ГПК РФ. В исковом заявлении истец, указывает следующую информацию:

- 1) когда и где зарегистрирован брак;
- 2) имеются ли общие дети, их возраст;

3) достигнуто ли супругами соглашение об их содержании и воспитании;

4) мотивы расторжения брака;

5) имеются ли другие требования, которые могут быть рассмотрены одновременно с иском о расторжении брака.

К заявлению прилагаются следующие документы:

1) свидетельство о заключении брака,

2) копии свидетельств о рождении детей, документы о заработке и иных источниках доходов супругов (если заявлено требование о взыскании алиментов)

3) и другие необходимые документы.

Судья, принимая исковое заявление о расторжении брака, в порядке, предусмотренном ст. 14 ГПК РФ, проводит подготовку дела к судебному разбирательству.

Исходя из положений п. 2 ст. 22 СК РФ, если один из супругов не согласен на расторжение брака, суд имеет право отложить судебное разбирательство и предоставить сторонам срок для примирения в течение трех месяцев. Судебная инстанция вправе по заявлению одного из супругов, либо из собственных побуждений в зависимости от сложности дела, отложить разбирательство дела несколько раз. Период времени, предоставленный супругам для примирения, суммарно не должен превышать установленный законом трехмесячный срок. Если же имеются уважительные причины, срок для примирения, сокращается по заявлению сторон. В этом отношении судом выносится мотивированное определение. Определение судебной инстанции об отложении разбирательства дела для примирения супругов обжалованию в апелляционном и кассационном порядке не подлежит. Если по истечению срока, назначенного судом, примирение сторон не имело место и хотя бы один из супругов настаивает на расторжении брака, судебная инстанция обязана расторгнуть этот брак.

Согласно ст. 108 СК РФ, в случае назначения срока для примирения супругов, судебная инстанция выясняет, принимает ли ответчик участие в содержании детей. Если же будет установлен факт неисполнения ответчиком своих обязательств по содержанию детей (ребенка), суд выносит постановление о временном взыскании с ответчика алиментов вплоть до окончательного рассмотрения дела о расторжении брака и взыскании алиментов.

Если суд установит, что стороны не достигли соглашения относительно проживания несовершеннолетних детей, порядка и размера средств, которые подлежат выплате на содержание детей, относительно раздела совместного имущества, тогда судебная инстанция разрешает данные вопросы по существу, одновременно с требованием о расторжении брака. Суд также обязан разрешить данные вопросы и в случае, если будет установлено, что достигнутое соглашение нарушает интересы детей или одного из супругов.

Согласно ст. 151 ГПК РФ, одновременно с иском о расторжении брака рассматривается и требование о признании брачного договора недействительным полностью или частично, так как данные требования связаны между собой. При рассмотрении такой категории дел

суд должен исследовать представленные доказательства всесторонне и вынести законное и обоснованное решение.

В случае, если один из супругов возражает против расторжения брака, судья в мотивировочной части решения, указывает причины спора или конфликта между супругами, а также указывает доказательства, свидетельствующие о невозможности сохранения семьи.

Подпункт 2 п. 1 ст. 333 Налогового кодекса РФ, предусматривает оплату пошлины за государственную регистрацию расторжения брака, произведенного в судебном порядке. В связи с этим суд должен определить, с кого и в каком размере необходимо взыскать данную государственную пошлину.

Согласно п. 1 ст. 25 СК РФ, брак считается расторгнутым в судебном порядке, со дня вступления решения суда в законную силу. Это положение применяется в отношении браков, расторгнутых в суде после 1 мая 1996 года. Брак, расторгнутый в судебном порядке до 1 мая 1996 г., считается прекращенным со дня государственной регистрации расторжения в книге регистрации актов гражданского состояния. Если брак, расторгнут в органах записи актов гражданского состояния, то днем его прекращением считается день его государственной регистрации в книге регистрации актов гражданского состояния независимо от того, когда брак расторгнут — до 1 мая 1996 г. либо после этой даты.

Согласно п. 1 ст. 27 СК РФ, если оспаривается действительность брака, то при принятии искового заявления, суд выясняет основание, по которому оспаривается действительность брака. Кроме того, суд должен установить относится ли истец к лицам, категории которых согласно п. 1 ст. 28 СК РФ вправе требовать признание брака недействительным. В случае если заявитель не является таким лицом, суд отказывает ему в принятии иска на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

Пункт 1 ст. 27 СК РФ содержит перечень оснований, по которым брак признается недействительным, перечень таких оснований является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. К таким основаниям относятся:

- 1) нарушение установленных законом условий заключения брака (ст.ст. 12, 13 СК РФ);
- 2) наличие обстоятельств, препятствующих заключению брака (ст. 14 СК РФ);
- 3) сокрытие одним из лиц, вступающих в брак, от другого лица наличия у него венерической болезни или ВИЧ — инфекции (п. 3 ст. 15 СК РФ);
- 4) фиктивность брака (п. 1 СК РФ).

Нарушение законных требований, которые установлены для заключения брака, не являются основанием для признания брака недействительным. В качестве примера, можно привести регистрацию брака до истечения установленного месячного срока со дня подачи заявления в орган записи актов гражданского состояния, в случае если указанный срок не был сокращен в порядке, установленном п. 1 ст. 11 СК РФ.

В соответствии с п. 4 ст. 29 СК РФ, если решение суда о расторжения брака вынесено или брак расторгнут в органах записи актов гражданского состояния, стороны не вправе оспаривать действительность брака. Исключение составляет случаи, наличия запрещенной законом степени родства между супругами, а также другой зарегистрированный брак, в котором состоял один из супругов. Если в таких случаях брак расторгнут в судебном порядке, то решение о расторжении брака, подлежит отмене. Согласно ч.2 ст. 209 ГПК РФ, стороны не могут оспорить в другом процессе факты, установленные таким решением.

Согласно ст. 151 ГПК РФ, если предъявлены требования об аннулировании записи о расторжении брака и о признании его недействительным, а брак был, расторгнут ранее в органе записи актов гражданского состояния, судеб-

ная инстанция может рассмотреть эти требования в рамках одного дела.

Итак, на основании вышеизложенного можно подытожить, что, резолютивная часть решения, которым удовлетворен иск о расторжении брака, должна содержать выводы судебной инстанции по всем требованиям сторон, в том числе и по искам, объединенным в процессуальном порядке в одно производство. Для государственной регистрации расторжения брака в решении суда указываются сведения из книг регистрации актов гражданского состояния (дата регистрации брака, номер актовой записи, наименование органа, зарегистрировавшего брак), фамилии супругов указываются согласно свидетельству о браке, а если фамилии изменялась при вступлении в брак, во вводной части решения указывается, также, добрачная фамилия.

Литература:

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). — М., 1995. С. 420.
2. Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. — М., 1955. Т. 35. С. 605; Большая советская энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. — М., 1975. Т. 21. С. 494; Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. — М., 1997. С. 998; Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. — М., 1984. С. 315; Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. — М., 1997. С. 315.
3. Муратова С. А. Семейное право: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С.35.
4. Пелевин С. М. О подведомственности дел о расторжении брака // Вестник Ленинград. ун-та. 1972. № 5. С. 122.
5. Иванова А. Г. Сравнительно-правовой аспект в семейном праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Тюмень, 2001. С. 14.
6. Тихомиров Ю. А. Право: национальное, международное, сравнительное // Гос-во и право. 1999. № 8. С. 43.
7. Цветков В. А., Попов И. В. Права, обязанности и ответственность супругов: учеб.метод. пособие. Омск: Ом. юрид. ин-т, 2011. С. 16.
8. Цветков В. А. Концепция развития российского семейного законодательства // Вестник Ом. юрид. ин-та. 2011. № 4. С. 26–28.
9. Паринский А. И. Что такое медиация и кто такие медиаторы? // Арбитр. управляющий. 2010. № 5.
10. Пленум Верховного Суда РФ от 06.02.2007 N 6 // Электронный ресурс. СПС «Консультант плюс».

Криминологическая характеристика и предупреждение причинения тяжкого вреда здоровью

Рыбалко Кристина Владимировна, магистрант;
Ишигеев Владимир Степанович, доктор юридических наук, профессор
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В данной статье рассмотрены вопросы, связанные с криминологической характеристикой причинения тяжкого вреда здоровью. Изучается понятие вреда и виды причинения вреда здоровью. Затрагиваются некоторые аспекты причин совершения преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью, и их предупреждения.

Ключевые слова: вред, ущерб, виды вреда здоровью, степени физического вреда здоровью, преступление, тяжкий вред здоровью.

In this article, we consider issues related to the criminological characteristics of causing serious harm to health. The concept of harm and types of harm to health are studied. Some aspects of the causes of committing crimes connected with causing serious harm to health and their prevention are touched upon.

Keywords: Harm, damage, types of harm to health, the degree of physical harm to health, crime, serious harm to health.

Насильственная преступность является традиционным объектом криминологического изучения и, как отмечает О. В. Артюшина [1], ещё в самом начале развития социально-правовых знаний по признаку мотивации были выделены первые два вида преступности: корыстная и насильственная.

Перечень насильственных преступлений весьма разнообразен, но в рамках данной статьи обратим внимание на преступления против личности, связанные с причинением тяжкого вреда здоровью.

Рассмотрим основные понятия. Трактовки понятия «вред» настолько разнообразны, что это может неоднозначно восприниматься в правоприменительной практике и учеными-исследователями.

Так, к примеру, существует понятие «вред» и «ущерб». Некоторые авторы, в частности В. М. Болдинов [2], указывают на их тождественность.

Но, по мнению К. И. Матвеевой [3], при обращении к юридическому значению данных терминов выясняется, что понятие «вред» является более широким, чем понятия «убытки» и «ущерб».

Нужно отметить, что уголовное законодательство не содержит прямого определения вреда, но если обратить внимание на содержание ч. 1 ст. 42 УПК РФ [4]: «...причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации».

Это дает основание полагать, что уголовный закон знает сразу несколько категории вреда, который может быть причинен преступлением: физический, имущественный, моральный.

Под физическим вредом в правовых науках, как пишет В. В. Вандышев, понимают нарушение телесной или психической целостности организма личности [5].

Уголовный закон классифицирует вред здоровью (то есть степень физического вреда) на следующие виды: тяжкий вред, вред средней тяжести и легкий вред.

Безусловно, наиболее опасным по последствиям является тяжкий вред здоровью. В Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [6] регламентировано, что в отношении тяжкого вреда квалифицирующими признаками тяжести вреда, причиненного здоровью человека, являются: вред, опасный для жизни человека; потеря зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрата органом его функций; заболевание наркоманией либо токсикоманией; неизгладимое обезображивание лица; прерывание беременности; психическое расстройство; значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть; полная утрата профессиональной трудоспособности.

В УК РФ [7] уголовная ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью регламентирована в различных статьях. Так, только в названии статей тяжкий вред здоровью упоминается несколько раз:

- ст. 111 УК — Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью;
- ст. 113 УК — Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта
- ст. 114 УК — Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление
- ст. 118 УК — Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности
- ст. 119 УК — Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

В современном уголовном праве внимание уделяется не только расследованию преступлений в рамках уголовного судопроизводства, но и изучение криминологических характеристик преступности, а также вопросы её предупреждения.

Как отмечает Е. В. Трушина [8] в рамках своего диссертационного исследования, криминология (как наука) изучает закономерности, определяющие состояние, динамику, формы и причины преступности, а также меры ее предупреждения.

Рассмотрим статистические показатели преступности по ст. 111 УК РФ (рисунок представлен ниже) как наиболее распространённому преступлению, последствиями которого является причинения тяжкого вреда здоровью. Официальные данные получены с Портала правовой статистики [9].

Представленная статистика отражает количество зарегистрированных преступлений в отчётном периоде (с 2010 года и по настоящее время), квалифицированных как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

График показывает, что динамика преступности по данной статье Уголовного кодекса достаточно резкая: имеются периоды значительного прироста или снижения количества совершаемых преступлений.

Один из самых низких показателей был отмечен в 2017 году; один из наиболее высоких — в 2011 году. По последним данным (за февраль 2018 г.) показатели чуть выше, чем при минимальном числе рассматриваемых преступлений, зарегистрированном в 2017 году.

Причин такому распространению преступлений, квалифицируемых по ст. 111 УК РФ, достаточно много.

Большое количество преступлений, а именно умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, как считает

Д. В. Немтинов [10], совершалось, когда в состоянии алкогольного опьянения находились и виновный, и жертва, причем алкоголь употреблялся совместно.

Автор также отмечает, что иногда жертва играет более активную роль, нежели правонарушитель, провоцируя на совершение преступления.

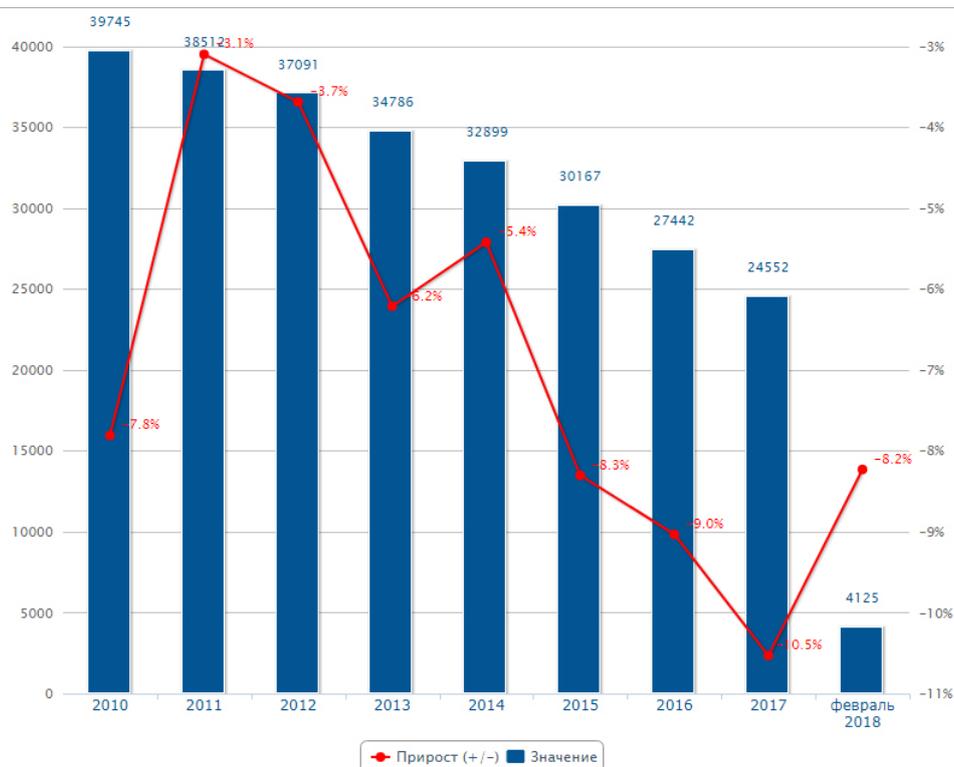

Рис. 1. Статистические показатели преступности по ст. 111 УК РФ

Г. А. Антонова [11], изучая характеристики умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в системе преступлений против здоровья, указывает, что возрастные категории преступников и количество (в процентном соотношении) совершаемых ими преступлений, квалифицируемых по ст. 111 УК РФ, следующие: до 18-ти лет — 5,3%; 19–30 лет — 35,7%; 31–40 лет — 29,3%; 41–50 лет — 15,7%; 51–60 лет — 8%; свыше 60-ти лет — 1,7%. При этом среди преступников значительно больше мужчин, чем женщин (79,3%). Очевидно, что наибольшее число таких преступлений совершается лицами в возрасте от 19 до 30 лет, затем показатели постепенно снижаются.

В теории существует предположение о генетической или биологической предрасположенности личностей к совершению преступлений, связанных с насилием и причинением вреда здоровью в частности [12].

Биологическая предрасположенность к насилию, неразрешима в рамках традиционной отечественной криминологической теории, но опираясь на мировые, региональные и национальные тенденции насилия, она может засвидетельствовать то, что, несмотря на свою распространённость в мире, насильственная преступность свойственна относительно небольшой и медленно меняющейся части человеческой популяции. Динамика преступного насилия, несомненно, коррелирует с социально-политическими процессами, но эти взаимосвязи заметно слабее, чем между ко-

рыстной (имущественной) преступностью и объективными условиями жизни [13].

Отсюда можно сделать вывод, что причинами преступности, связанной с причинением вреда здоровью, в том числе и тяжкого, скорее становятся внешние условия, нежели генетическая предрасположенность.

Безусловно, существует вероятность, что такая взаимосвязь существует, но данная теория весьма спорна.

Установление причин преступлений, последствиями которых является причинение тяжкого вреда здоровью, необходимо для разработки мер, направленных на их предупреждение.

По мнению Н. Ф. Кузнецовой [14] важное место в системе профилактики насильственных преступлений занимают уголовно-правовые нормы с так называемой двойной превенцией, устанавливающие ответственность за деяния, которые предшествуют совершению тяжких насильственных преступлений в «преступной карьере» большинства опасных преступников: угроза убийством, незаконный оборот оружия, хулиганство и т. д.

Такой подход объясняется тем, что фактическая безответственность лиц, совершающих вышеуказанные противоправные деяния, создаёт у них чувство безнаказанности и приводит к постепенному усилению преступного поведения, которое, в последствии, и может способствовать причинению тяжкого вреда здоровью и иным насильственным преступлениям.

Литература:

1. Артюшина О. В. Криминологическая характеристика насильственной преступности в современной России // Вестник казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 2 (20). — С. 18–22.
2. Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной ответственности / В. М. Болдинов. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2010. — 370 с.
3. Матвеева К. И. Некоторые проблемы законодательства и правоприменительной практики о возмещении убытков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. — серия: экономика и право. — 2014. — № 3–4. — С. 65–67.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018 г.) // Российская газета. — 2001. — № 249.
5. Вандышев В. В. Уголовный процесс. Общая и особенная части / В. В. Вандышев. — М.: Издательство «Контракт», 2010. — 720 с.
6. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (ред. от 17.11.2011) // Российская газета. — 2007. — № 185.
7. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2018 г. от 13 июля 2015 г.) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — ст. 2954.
8. Трушина Е. В. Терминосистемы криминалистики и криминологии в рамках когнитивного терминоведения: в русском и французском языках: Автореферат дисс. канд. филолог. наук по ВАК 10.02.20 / Е. В. Трушина. Екатеринбург, 2005. — 23 с.
9. Статистика // Портал правовой статистики [электронный ресурс]. — Режим доступа http://crimestat.ru/offenses_chart.
10. Немтинов Д. В. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Проблемы квалификации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 1 (117). — С. 331–337.
11. Антонова Г. А. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в системе преступлений против здоровья: анализ личности преступника совершившего преступления, предусмотренные ст. 111 УК РФ // Право и образование. — 2014. — № 1. — С. 147–150.
12. Лунев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунев. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 912 с.
13. Тищенко Е. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристики умышленного причинения тяжкого вреда здоровью: Дис. ... к. ю. н. по ВАК: 12.00.08 / Е. В. Тищенко. — Ростов-на-Дону, 2001. — 214 с.
14. Кузнецова Н. Ф. Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — 640 с.

Совершенствование способов защиты прокурором прав и законных интересов несовершеннолетних

Сачков Виктор Павлович, магистрант

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

На сегодняшний день защита прав несовершеннолетних является острой социальной и правовой проблемой, которая нуждается в мерах по профилактике и решению. Преступность, в совершенно разных сферах и областях государственного и хозяйственного устройства, зачастую касается несовершеннолетних. Это и преступления, связанные со злоупотреблениями родительской или публичной властью лицами, наделенными специальными правами и полномочиями в отношении несовершеннолетних, и преступления в сфере гражданского права, правонарушения и иные негативные виды взаимоотношений между взрослыми людьми и несовершеннолетними.

Одним из ключевых ведомств, занимающихся данными проблемами, обеспечивающее соблюдение режима законности и уважения прав несовершеннолетних является Прокуратура Российской Федерации.

Для многих является бесспорным тот факт, что прокуроры наделены значительными полномочиями в сфере защиты прав несовершеннолетних. Для этого существует и нормативно-правовая основа, и специальные ведомственные акты, и соответствующий процессуальный порядок. Но, вместе с тем, в данном вопросе остаются определенные правоприменительные проблемы, в первую очередь проблемы, которые касаются отдельных этапов, порядка

применения норм права прокурорами в процессе проведения проверок.

Как отмечает в своей диссертации М. Л. Огурцова, элементами проверки являются подготовка к проверке, в ходе которой анализируется состояние законности в рассматриваемой сфере, составляется план проверки, решается вопрос о привлечении специалистов и выполняются иные подготовительные мероприятия, а также собственно проверка, предполагающая сбор информации о допущенных нарушениях прав несовершеннолетних и ее анализ, фиксацию полученной доказательственной базы, решение вопроса о применении мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения прав несовершеннолетних в зависимости от их характера, степени распространенности и тяжести наступивших последствий [1].

Данный подход представляется вполне верным, так как в рамках подобного анализа состава проверки удается определить ее реальное значение для профилактики режима законности в части защиты прав несовершеннолетних. Проверка прокурором является единственным эффективным методом воздействия со стороны органов государственной власти на правонарушителей, поддерживая тем самым реальный надзор за законностью в сферах, связанных с несовершеннолетними.

Как было верно отмечено исследователем, проверка состоит из определенных этапов, каждый из которых по-своему важен и имеет реальные задачи по обеспечению режима законности в сфере защиты прав несовершеннолетних. Но, необходимо понять, в какую сторону правоприменителю совершенствовать свою деятельность, так как этот вопрос является не менее важным в данном контексте.

Если рассматривать в качестве одного из ключевых способов защиты прав несовершеннолетних прокурорские проверки, то получается, что совершенствовать надо один из элементов проверок. Представляется, что с учетом реальной и объективной специфики правоприменительной деятельности, которая заключается в проведении определенных реальных и процессуальных действий, заложенных в полномочия прокуроров, наиболее актуальным этапом будет подготовка к проверке — ее планирование.

То есть, можно справедливо отметить, что при подготовке к проверке соблюдения прав несовершеннолетних

важную роль играет составление плана такой проверки, в котором следует отражать объекты проверки, сроки ее проведения, вопросы, подлежащие выяснению, документы, необходимые для истребования, органы и организации, из которых они будут истребованы, что позволит определиться с характером предстоящей проверки, методикой ее проведения, порядком изучения и анализа собранной информации [1].

Данное мнение представляется полным и исчерпывающим, в части понимания наполнения данного элемента проверки, но не в полной мере раскрывает необходимую форму данного элемента. На данном уровне рекомендация звучит в качестве совета, необязательного к исполнению, теоретического подхода к пониманию проверок в контрольно-надзорной деятельности прокуратуры. Вместе с тем, исчерпывать понимание данной проблемы теоретическими рекомендациями было бы неэффективно и опрометчиво.

Эффективное планирование должно быть не только формальным действием, рекомендацией, но и процессуальным документом, в котором деятельность прокурора, проводящего проверку, можно было при необходимости оценить с точки зрения достаточности принятых мер, по профилактике нарушения прав несовершеннолетних. Процессуальная форма такого документа не должна содержать в себе излишней формальности, чтобы формуляр заполнялся штамповано и бессмысленно с правоприменительной точки зрения. Данный документ должен быть простым, понятным прокурору и обязательным, с целью фиксировать бъем деятельности прокуратуры в рамках проверок, проводимых в отношении нарушения прав несовершеннолетних.

Представляется, что с учетом предложенных подходов со стороны М. Л. Огурцовой, а также рассмотренных под другим углом рекомендаций, удастся выработать практическое понимание пределов компетенции проверяющих органов государственной власти. Излишняя, в отдельных моментах, бюрократизация не выдерживает критики в естественном процессе совершенствования мер по контролю и надзору в определенных сферах общественной и политической жизни. Защита прав несовершеннолетних — неотъемлемая необходимость, которая обусловлена гуманистическими началами материального и процессуального права России.

Литература:

1. Огурцова М. Л. Прокурорский надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.11 / Огурцова Марина Леонидовна; [Место защиты: Академия Генеральной прокуратуры РФ]. — Москва, 2015. С. 222
2. Огурцова М. Л. Надзор за соблюдением жилищных прав несовершеннолетних органами опеки и попечительства [Текст] / М. Л. Огурцова // Сборник материалов научно-практического семинара «Проблемы обеспечения законности, правопорядка, прав и свобод человека и гражданина в современных условиях». — 2014. — С. 132—137.
3. Харламова М. Л. Отдельные аспекты защиты жилищных прав детей-сирот средствами прокурорского надзора [Текст] / М. Л. Харламова // Советник юриста. — 2013. — № 1. — С. 69—74.

Понятие профессиональной ответственности в системе страхового законодательства Российской Федерации

Сергеев Владислав Русланович, магистрант

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье приводятся и анализируются признаки профессиональной ответственности, на основании которых строится авторское определение данного понятия, а также затрагиваются некоторые ключевые вопросы страхования профессиональной ответственности в действующей системе российского законодательства.

Ключевые слова: *страхование, ответственность, профессионал, признаки профессиональной ответственности, субъекты страхования, нормативное регулирование страхования, понятие профессиональной ответственности*

Институт страхования известен отечественной гражданско-правовой системе достаточно давно. Считается, что первые упоминания о нем встречаются еще в Пространной редакции Русской Правды (XIII в.) — величайшем нормативном памятнике Древнерусского государства. Так, п. 3 документа гласит: «Аже кто убьет княжа мужа в разбой, а головника не ищут, то виревную платити, в чьей же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен / Если кто убьет княжеского мужа, как разбойник, а (члены верви) убийцу не ищут, то виру за него в размере 80 гривен платит той верви, на земле которой будет обнаружен убитый; в случае убийства людина платат виру (князю) в 40 гривен [1, с. 88]». Соответственно, речь идет о возмещении материального вреда общиной (вервью) субъекту, чьи имущественные интересы пострадали в результате совершенного преступления.

Сегодня под страхованием понимаются такие правоотношения, в которых защита интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований осуществляется посредством денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков [2].

При всем разнообразии страховых организаций и востребованности их услуг в 2018 году по-прежнему остается много вопросов относительно страхования профессиональной ответственности. Сам термин «профессиональная ответственность» вовсе на законодательном уровне не разъясняется.

При этом именно страхование профессиональной ответственности способно предоставить гарантии восстановления нарушенных интересов в случае совершения субъектом профессиональной деятельности профильной ошибки, оно может послужить сдерживающим фактором в деятельности субъектов профессионального сообщества и защитить интересы «клиента», выступающего, как правило, так называемой слабой стороной договора. Кроме того, такой вид страховых правоотношений способен «разгрузить» бюджет в части расходов на возмещение убытков при наступлении страховых случаев и является одним из наиболее стабильных источников долгосрочных инвестиций.

Несмотря на различные теоретические споры по данному вопросу, по своей правовой природе такое страхование является способом защиты нарушенных субъективных прав. Подобная защита, как несложно догадаться, необходима субъектам при наступлении определенных страховых случаев.

На сегодняшний день этот вид страхования факультативно применяется медицинскими работниками: в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] установлено право медицинских работников застраховать свою профессиональную ответственность, то есть речь идет о добровольной форме страхования. И в обязательном порядке нотариальными и адвокатскими сообществами и некоторыми другими (см. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [4], Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» [5] и нек. другие). Большинство профессий законодательство в этой сфере все же оставляет без внимания.

При этом для адвокатов сейчас действие пп. 6 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6], которым закреплена обязанность по страхованию, приостановлено до принятия специального нормативного акта. Следовательно, фактически свою профессиональную ответственность они страховать не должны.

Таким образом, для ряда специалистов основанием возникновения обязанности осуществить страхование своей профессиональной ответственности является нормативный акт. Однако закон предусматривает лишь обязанность, не регулируя порядок и многие важные процессуальные вопросы, поэтому, независимо от наличия определенных условий страхования в законе, требуется заключить на его основе договор страхования. Следовательно, нужно признать, что основанием возникновения обязательств по страхованию профессиональной ответственности в случаях, если оно относится к обязательному, является сложный юридический состав: закон и заключаемый в его исполнение договор. Во всех остальных случаях основанием является только договор.

Гражданско-правовая доктрина традиционно выделяет следующие признаки профессиональной ответственности:

1. Субъектами профессиональной ответственности являются профессионалы, представители какого-либо профессионального сообщества (врачей, нотариусов, адвокатов и пр.). Отметим, что профессия — это определенная трудовая деятельность, сопровождающаяся обязательным наличием комплекса теоретических знаний и навыков и умений практического характера в той или иной области, приобретаемых в результате специальной образовательной подготовки и опыта работы. Подтверждением наличия последних являются наличие соответствующих документов (дипломы, сертификаты и т. д.) [7, с. 36].

2. Деятельность, называемая профессиональной, должна иметь определенную общественную значимость (ценность) и четкие критерии ее правовой оценки. То есть результат деятельности, за которую может устанавливаться профессиональная ответственность, должен оцениваться через сопоставление ее результатов с нормативно определенными стандартами, правилами профессиональной этики и т. п.

3. Наступление профессиональной ответственности обусловлено негативным результатом работы профессионала.

Как верно отмечал Н. Б. Грищенко, «профессиональная ответственность заключается в применении по отношению профессионалу, чья профессиональная деятельность причинила вред третьему лицу (государству, физическому или юридическому лицу) или повлекла другой отрицательный результат, мер и санкций» [8].

4. Применение мер профессиональной ответственности возможно только в том случае, если перечень этих санкций законодательно установлен.

Советский ученый-правовед, профессор О. С. Иоффе утверждал, что: «Ответственность возникает, если нормативно установлены формы неблагоприятных имущественных или личных последствий для правонарушителя, и в этом случае образуется охранительное правоотношение, субъектами которого являются: лицо, допустившее нарушение прав и лицо, перед которым последний должен нести ответственность» [9, с. 96].

Иногда дополнительно выделяется признак обязательного наличия у субъекта профессиональной деятельности специального разрешения (лицензии) или факта вступления его в специализированную саморегулируемую организацию (СРО) [10, с. 38]. Полагаем, что данный признак не является универсальным и присутствует при возникновении профессиональной ответственности лишь иногда.

Например, арбитражные управляющие, профессиональная ответственность которых подлежит страхованию в обязательном порядке, соответствуют приведенному условию, а нотариальная и адвокатская деятельность лицензированию не подлежат, и вступать в СРО эти субъекты не должны. Конечно, если трактовать рассматриваемый признак шире, не ограничиваясь именно лицензированием, а подразумевая просто особый порядок получения профессионального статуса, то нотариусы и адвокаты, безусловно, тоже ему соответствуют. Однако медицинские работники, чье страхование профессиональной ответственности осуществляется добровольно, этому признаку не отвечают (лицензию на осуществление этого вида деятельности получают медицинские организации и индивидуальные предприниматели, а не отдельные физические лица-врачи, это прямо следует из п. 1, 3, 4 Постановления Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 [11], никакого иного порядка получения профессионального статуса для них не предусмотрено).

Кроме того, признание и закрепление такого признака профессиональной ответственности, как обязательное наличие лицензии (разрешения) или участия в СРО, означает искусственное сужение перечня субъектов, к которым могут применяться профессиональные санкции в будущем. А это важно, учитывая, что, по мнению большинства авторов [12], именно признание страхования некоторых профессий обязательным в будущем послужит толчком к дальнейшему развитию данного вида страхования. И этот толчок должно дать само государство.

На основе изложенных теоретических и практических концепций представляется возможным привести собственное определение профессиональной ответственности.

По нашему мнению под профессиональной ответственностью следует понимать обязанность субъекта профессиональной деятельности (профессионала) претерпеть неблагоприятные последствия, размер и объем которых законодательно установлен, в результате причиненного негативным результатом его работы вреда, если та, в свою очередь, не соответствовала нормативно-закрепленным критериям ее качества.

Именно такой подход к пониманию профессиональной ответственности гарантирует соблюдение прав и законных интересов всех участвующих в рассматриваемом правоотношении по страхованию сторон.

Литература:

1. Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М. Н. Тихомиров. — М.: Издательство Московского Университета, 1953. — 192 с.;
2. ст. 2 Закона РФ от 27.11.1992 N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. — N 6. — 12.01.1993
3. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. — № 263. — 23.11.2011.
4. Федеральный закон от 29.07.1998 N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. — N 148-149. — 06.08.1998.

5. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. — 28.10.2002. — N 43. — ст. 4190.
6. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. — N 100. — 05.06.2002.
7. Луговец В. Я. Правовые основы страхования профессиональной ответственности в Российской Федерации дис... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 197 с.
8. Грищенко Н. Б. Правовое регулирование профессиональной ответственности в России // Сейчас.ру. Новости России и мира. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/3446> (дата обращения: 22.04.2018).
9. Иоффе О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. — М.: Юрид. лит., 1975. — 880 с.
10. Луговец В. Я. Указ. соч.
11. Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 N 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» // Собрание законодательства РФ, 23.04.2012. — N 17. — ст. 1965.
12. См., например: Долодина Р. Р. Правовое регулирование обязательного страхования профессиональной ответственности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 2007. — С. 97; Пищита А. Н. Обязательное страхование профессиональной ответственности медицинских работников как экономический фактор повышения качества медицинской помощи // Законодательство и экономика. — 2007. — N 3. — С. 13.

Проблемы и перспективы дальнейшего развития института уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации

Страх Руслан Игоревич, магистрант

Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

Ключевые слова: *Российская Федерация, Уполномоченный, субъект, субъект РФ, орган, судебная власть, государственная власть, региональный омбудсмен, регион России, Конституция РФ, омбудсмен, суд.*

В соответствии с действующим законодательством, учреждение уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации относится к их исключительной компетенции. Хотелось бы отметить, что еще до вступления в силу Федерального конституционного закона были приняты законы об региональном Уполномоченные в Башкирии и Свердловской области [1, с. 137]. Первый Уполномоченный появился в 1996 году в Башкирии. А к 2017 году обеспечена деятельность региональных Уполномоченных во всех регионах России. Но, к сожалению, приходится констатировать, что в некоторых регионах России между принятием регионального законодательства об Уполномоченном и назначении первого омбудсмена проходил длительный срок — порой более 10–15 лет. [3, с. 152].

В зависимости от срока, цели, места и пределов конституционного (уставного) регулирования, а также последующего развития норм конституций (уставов) субъектов РФ об Уполномоченном по правам человека в текущих законах предлагается следующая классификация [6, с. 99; 7, с. 85; 8, с. 57].

Первую группу составляют регионы, в конституциях (уставах) которых Уполномоченному по правам человека посвящена отдельная статья, как правило, имеющая специальное название «Уполномоченный по правам человека», либо совокупность статей без конкретного названия (Рес-

публика Тыва, Приморский край, Кемеровская, Смоленская, Самарская, Саратовская, Липецкая, Тульская, Орловская, Тамбовская, Курганская, Тверская области, г. Санкт-Петербург).

Ко второй группе относятся субъекты РФ, в основных законах которых норма об учреждении должности Уполномоченного по правам человека закреплена в главе или статье, посвященной правам и свободам человека и гражданина (Амурская, Архангельская, Астраханская, Волгоградская, Калужская, Пермская, Свердловская, Тамбовская области, Ставропольский край).

К третьей группе относятся регионы, в конституциях (уставах) которых Уполномоченный по правам человека упоминается исключительно в контексте закрепления полномочий представительного органа субъекта (Республика Татарстан, Республика Дагестан, Республика Коми, Республика Саха-Якутия, Алтайский, Хабаровский края, Калининградская, Тюменская, Ульяновская области). В данной группе субъектов РФ использовалась федеральная модель учреждения института внесудебной защиты прав человека.

К четвертой группе относятся субъекты РФ, в основных законах которых об институте Уполномоченного по правам человека упоминается каким-либо иным образом, например, путем перечисления субъектов, имеющих право зако-

нодательной инициативы (Республика Карелия и Республика Марий Эл, Московская и Самарская области).

Дадашева М. Ж. указывая, что права человека и гражданина должны быть равным образом обеспечены на всей территории Российской Федерации, приходит к выводу о необходимости учреждения Уполномоченного по правам человека во всех субъектах Российской Федерации, в этой связи предлагает внести в Закон об Уполномоченном норму, обязывающую субъекты Российской Федерации учреждать указанный правовой институт [2, с. 188].

С данным выводом ученого думать, что согласиться нельзя, так как в соответствии с пунктом «б» статьи 72 Конституции РФ к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ относится защита прав и свобод человека и гражданина. А в соответствии с п. 1 ст. 16.1 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ учреждение должности Уполномоченного по правам человека в субъекте и иных должностей осуществляется в целях обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Анализ нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации показывает, что региональные уполномоченные по правам человека могут осуществлять защиту прав граждан только в отношении региональной власти этой же компетенции не лишен и Уполномоченный по правам человека. Поэтому обязывание субъектов Российской Федерации введения данной должности в каждом субъекте, по мнению автора, является избыточным и противоречащим положениям п. «б» ст. 72 Конституции РФ.

В Российской Федерации сложилась децентрализованная модель региональный Уполномоченных по правам человека, которая предполагает независимый статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах РФ.

В 2016 году была проведена работа по приведению регионального законодательства об Уполномоченных в соответствие с федеральным законом. Для этого федеральный Уполномоченный направил в 2016 году региональным коллегам рекомендации по подготовке законов субъектов Российской Федерации «Об уполномоченном по правам человека в субъекте Российской Федерации», которые стали основой для доработки законов 32 субъектов Российской Федерации. [3, с. 212]

Были внесены изменения в Закон об Уполномоченном. Относительно уполномоченных в субъектах была исключена ст. 5, предусматривавшая возможность учреждения должности Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации.

Федеральным законом от 06.04.2015 № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека» были приняты поправки в Федеральный закон от 06.10.1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов го-

сударственной власти субъектов Российской Федерации», направленные на регулирование статуса региональных омбудсменов. Благодаря внесенным изменениям в Федеральном законе от 06.10.1999 года № 184-ФЗ появилась новая глава (Глава II.1), которая закрепляет рамочные правовые нормы по порядку формирования, деятельности и юридической ответственности уполномоченных по правам человека и иных (специализированных) региональных омбудсменов.

В целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека впервые на федеральном уровне были определены основы статуса уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. В частности, определены основные требования к кандидатурам на должность регионального омбудсмена, ограничения и запреты при осуществлении им полномочий. Так, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации не вправе быть членом политической партии или иного общественного объединения, преследующего политические цели.

Кроме того, определен круг должностных лиц и органов власти, которые вправе вносить в законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации предложения по кандидатурам на должность уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации. Установлено, что до рассмотрения кандидатуры законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации согласовывает ее с федеральным уполномоченным по правам человека.

В случае несоблюдения уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации установленных законом требований, ограничений и запретов его полномочия могут быть прекращены досрочно. При этом законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации предварительно проводит консультации с федеральным уполномоченным по правам человека.

Безусловно, принятие указанного закона решило ряд проблем, например, в части возможности обращения граждан к региональному уполномоченному с жалобой на действия территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации.

Вместе с тем, ряд вопросов деятельности региональных омбудсменов сохраняет актуальность:

Так, несмотря на закрепление на федеральном уровне возможности направления гражданами жалоб на действия территориальных подразделений федеральных органов региональному уполномоченному, вопрос о формах взаимодействия с ними, в частности, по рассматриваемым жалобам, остается открытым. Отсутствие законодательного регулирования этой проблемы восполняется сложившимися в регионах формами (практиками) такого сотрудничества.

Кроме того, за рамками регулирования остается вопрос рассмотрения жалоб региональным уполномоченным на действия (бездействие) территориальных органов

федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент России. В большинстве субъектов Российской Федерации эта проблема решается посредством заключения двусторонних соглашений. Однако правовой статус таких соглашений не определен. Тем не менее, в рамках подобных соглашений, как правило, удается решать вопросы граждан по отдельным жалобам.

Отсутствие у омбудсмена властных полномочий предполагает необходимость закрепления в законодательстве форм реагирования на его рекомендации. Зачастую на практике замечания и рекомендации регионального уполномоченного лишь принимаются к сведению. Такая ситуация характерна в большей степени для территориальных подразделений федеральных органов власти, так как в ряде регионов сформировалась положительная практика, когда по результатам докладов уполномоченного выносятся постановления органов власти региона либо формируются специальные планы (план мероприятий), обеспечивающие исполнение сделанных омбудсменом предложений.

Вместе с тем, закрепление на федеральном уровне форм реагирования на рекомендации уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации позволило бы обеспечить обязательность их исполнения.

Сохраняет актуальность вопрос взаимодействия региональных омбудсменов с судами. С одной стороны, судебные органы — это в большинстве своем федеральные структуры (за исключением, мировых судей и конституционных (уставных) судов регионов), с другой — какое бы то ни было вмешательство в деятельность судов при отправлении ими правосудия, в том числе со стороны гражданского общества или отдельных лиц, рассматривается как нарушение принципа независимости судебной власти.

Однако суд, как независимая ветвь государственной власти, должен в большей мере опираться на поддержку гражданского общества, общественных организаций, что признается и судебским сообществом. Например, постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 15 апреля 2010 г. № 219 «О повышении эффективности использования ресурсов гражданского общества при взаимодействии с судами» субъектам Российской Федерации было рекомендовано создание дискуссионных клубов для обсуждения актуальных проблем судебной системы и ее взаимодействия с государственными и общественными организациями. Появление таких площадок способствует открытости судов, более полной реализации Федерального закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

В регионах сформировались определенная практика, опыт взаимодействия с органами судебной власти. Так, в некоторых субъектах в случаях, когда речь идет о массовом или грубом нарушении прав человека, сотрудники аппарата регионального уполномоченного по правам человека принимают личное участие в судебном разбиратель-

стве. Обычно это оформляется доверенностью от заявителя или его устным заявлением во время процесса о допуске такого сотрудника в качестве представителя. Но при этом данные лица допускаются к участию лично, а не как представители омбудсмена.

В других случаях заявители при обращении в суд указывают регионального уполномоченного по правам человека в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования. И хотя с юридической точки зрения данный вопрос достаточно спорный, суды в некоторых случаях допускают такое участие.

В ряде регионов формой взаимодействия Уполномоченного с судебной властью является его обращения в квалификационную коллегия судей в рамках Федерального закона от 14.03.2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». Так, жалобы и сообщения, содержащие сведения о совершении судьей дисциплинарного проступка, поступившие в квалификационную коллегия судей от органов и должностных лиц, а также от граждан, проверяются ею самостоятельно либо направляются для проверки председателю соответствующего суда (п.2 ст. 22).

Следует отдельно указать на возможность предоставления региональным уполномоченным своего заключения по факту нарушения прав человека и гражданина. Однако на практике такая форма взаимодействия допускается только при наличии запроса судебного органа, иначе указанные действия будут расцениваться как вмешательство в судебную деятельность.

Во всех указанных случаях важную роль играют авторитет регионального уполномоченного, его профессионализм и избирательность реагирования.

На федеральном уровне предусмотрена возможность в соответствии с законом субъекта Российской Федерации возложить на уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации координацию деятельности специализированных уполномоченных (например, уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в субъекте Российской Федерации и т.д.) и других должностных лиц.

Указанные нормы о координации закреплены в законодательстве Астраханской, Свердловской, Нижегородской областей. В ряде регионов установили положения о содействии Уполномоченным по правам человека в субъекте РФ координации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления соответствующего субъекта России в области обеспечения и защиты прав граждан, например, в законодательстве г. Санкт-Петербурга, Архангельской, Владимирской, Ивановской, Калининградской, Томской областей.

Однако в некоторых субъектах введение такой нормы рассматривается представителями специализированных институтов уполномоченных как создание системы подчинения их региональным уполномоченным по правам чело-

века. Вместе с тем, координация предполагает согласование действий разных частей управляемой системы. Закрепление в региональном законодательстве положения о координации уполномоченным по правам человека в субъекте России деятельности иных специализированных региональных уполномоченных обеспечит упорядочение процесса защиты прав. Очевидно, что защита прав должна быть единой задачей в регионе и для ее решения необходимо создание общей системы.

В соответствии с федеральным законодательством обеспечение деятельности регионального уполномоченного по правам человека и его аппарата осуществляется за счет бюджетных ассигнований бюджета субъекта Российской Федерации. При этом закрепление нормы об обеспечении

расходов на такую деятельность отдельной строкой в бюджете соответствующего субъекта Российской Федерации повысило бы гарантии независимости и самостоятельности регионального омбудсмена.

Таким образом, безусловно, установление на федеральном уровне положений о деятельности регионального уполномоченного по правам человека создает дополнительные гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. В то же время для создания единой системы защиты на территории Российской Федерации и более качественного осуществления правозащитной деятельности требуется дальнейшая работа по урегулированию на федеральном уровне, в том числе выше-рассмотренных вопросов.

Литература:

1. Волков Н. А. Институт российских уполномоченных по правам человека: история и современность // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 137. [1, с. 137]
2. Дадашева М. Д. Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.02. — Махачкала, 2006. — 188 с.: ил. РГБ ОД, 61 07—12/360
3. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год. С. 212. Режим доступа: http://ombudsmanrf.org/www/upload/files/docs/appeals/doc_2016_medium.pdf
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2013 год. М.: Б.и., 2014. С. 152. Режим доступа: <http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/appeals/doclad2013.pdf> [2, с. 152]
5. Мустафина Г. А. Конституционный статус уполномоченного по правам человека в субъектах российской федерации (сравнительно-правовой анализ) // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4.
6. Указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // Российская газета. № 166, 04.09.2009.
7. Указ Президента РФ от 04.08.1994 № 1587 «О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека» Утратил силу в связи с принятием Федерального Конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ. // Собрание законодательства РФ. 08.08.1994, № 15, ст. 1713
8. Указ Президента РФ от 11.01.1995 № 32 (ред. от 26.01.2017) «О государственных должностях Российской Федерации» // Российская газета. № 11—12, 17.01.1995.
9. Федеральный закон от 06.04.2015 № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека» // Собрание законодательства РФ, 06.04.2015, N 14, ст. 2016,
10. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999, N 42, ст. 5005,
11. Федеральный закон от 14.03.2002 N 30-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 18.03.2002, N 11, ст. 1022,
12. Федеральный закон от 22.12.2008 N 262-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6217.

Проблема правонарушений и ответственности за них в сфере социального обеспечения

Уварова Юлия Александровна, студент

Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Конституция объявляет Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты [1].

Основной целью социального обеспечения и социальной защиты является обеспечение достойных условий жизни для всех членов общества и создание равных и справедливых возможностей для развития каждого гражданина. Достижение данных целей составляет содержание социальной функции государства, реализуемой в рамках его социальной политики на основе нормативного и организационного механизмов.

Но социальный характер государства заключается не столько в провозглашении себя таковым, сколько в недопущении совершения правонарушений в сфере социального обеспечения, а также в своевременной защите социальных прав своих граждан.

В настоящее время многие нормы о юридической ответственности в праве социального обеспечения отсутствуют или же несоразмерно малы по отношению к совершенным правонарушениям.

Правонарушение представляет собой виновное, противоправное, наносящее вред обществу деяние правоспособного лица или лиц, влекущее за собой юридическую ответственность [6, с. 290].

Все правонарушения классифицируются в зависимости от характера правонарушений, степени их вредности и опасности для общественных отношений, а также от характера применяемых санкций за их совершение. Согласно последнему критерию все правонарушения делятся на преступления и проступки.

Рассмотрим некоторые уголовно наказуемые преступления и ответственность за них в сфере социального обеспечения:

- необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов;

- разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или иных низменных побуждений, наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до четырех месяцев с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [3].

В КоАП РФ также содержатся правонарушения в сфере социального обеспечения:

- разглашение информации с ограниченным доступом влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей; на должностных лиц — от четырех тысяч до пяти тысяч рублей;
- непредставление на безвозмездной основе услуг по погребению, невыплата социального пособия на погребение влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей;
- нарушение установленного законодательством РФ об обязательном социальном страховании срока регистрации влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятисот до одной тысячи рублей [4].

Согласно российскому законодательству повторность одного и того же административного проступка в ряде случаев может повлечь за собой трансформацию административной ответственности в уголовную.

В области социального обеспечения к гражданско-правовым правонарушениям можно отнести:

- незаконное получение гражданами социального обеспечения Например, в ФЗ № 400 «О страховых пенсиях» указано, что в случае, если представление недостоверных сведений или несвоевременное представление сведений (сведения, предоставляемые для установления и выплаты страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии, а также сведения, предоставляемые для ведения индивидуального (персонифицированного) учета) повлекло за собой перерасход средств на выплату страховых пенсий, фиксированной выплаты к страховой пен-

сии, виновные лица возмещают Пенсионному фонду РФ причиненный ущерб в порядке, установленном законодательством РФ [5]. Данные нормы закреплены в Гражданском кодексе РФ, а именно в главе 60 «Обязательства вследствие неосновательного обогащения». Согласно данным нормам лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество за счет другого лица, обязано возратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). Данные правила применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли [2];

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. — 25 декабря 1993. — № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
5. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Российская газета, № 296, 31.12.2013 г.
6. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права [текст]: учебник для бакалавров. / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. — Москва: М30 Проспект, 2013. — 432 с.

Юридические гарантии защиты персональных данных работника в трудовом законодательстве РФ

Уварова Юлия Александровна, студент

Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Человек оставляет соответствующую информацию в отделах кадров, в социальных службах, в сфере услуг. Распространение такой информации без согласия самого человека может причинить не только моральный вред, но и материальный ущерб.

В настоящее время сведения конфиденциального характера признаны объектом организационно-правовой защиты, так как при определенных условиях является производной от конституционного права на неприкосновенность частной жизни [1].

При заключении трудового договора работодатель стремится в получении максимально полной информации о работниках, так как она необходима для соблюдения прав и законных интересов самого работника.

— действия (бездействие) должностных лиц, отвечающих за предоставление социального обеспечения, которые повлекли за собой причинение убытков получателю социального обеспечения.

Таким образом, в российском законодательстве, касающемся сферы социального обеспечения, закреплены все основные виды правонарушений: уголовные преступления, административные, гражданско-процессуальные. Но проблеме представляет то, что данные нормы не объединены в единый нормативный правовой акт, т. е. не кодифицированы. Данная проблема является серьезным препятствием для выявления правонарушений в сфере социального обеспечения и привлечения правонарушителей к юридической ответственности, соответствующей совершенному противоправному действию.

Таким образом, работодателю могут стать известны следующие персональные данные:

- фамилия, имя, отчество, дата и место рождения;
- сведения о состоянии в браке и наличии детей;
- сведения медицинского характера;
- сведения о доходах, расходах;
- сведения о наличии (отсутствии) судимости.

Указ Президента РФ «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера», определил персональные данные как «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность» [6].

Защита персональных данных граждан осуществляется на основе Конституции РФ и Федеральных законов.

Обработка и защита персональных данных работников регулируется, в первую очередь, положениями главы 14 ТК РФ.

Согласно Федеральному закону «О персональных данных» персональные данные это «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [5].

В целях защиты персональных данных, хранящихся у работодателя, работник имеет право на:

- полную информацию об их персональных данных и обработке этих данных;
- свободный и бесплатный доступ к своим персональным данным, включая право на получение любой записи, содержащей персональные данные работника, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. Так, в соответствии со ст. 62 ТК РФ работодатель обязан не позднее трех дней безвозмездно выдать работнику документы, связанные с работой;
- определение своих представителей для защиты своих персональных данных;
- привлечение медицинского специалиста для доступа к своим медицинским данным;
- требования об исключении или исправлении неверных, или неполных персональных данных, а также данных, обработанных с нарушением требований ТК РФ или иного Федерального закона;
- обжалование в судебных инстанциях любых неправомерных действий (бездействий) работодателя при обработке и защите его персональных данных [3].

Трудовым законодательством не предусмотрена обязанность работников сообщать работодателя обо всех изменениях в их персональных данных.

Если же данные права нарушаются, то согласно ст. 90 ТК РФ к ответственности за нарушения положений законодательства РФ, регулирующих обработку и защиту персональных данных работника, могут быть привлечены как работодатели, так и конкретные должностные лица,

в трудовые функции которых входит обработка и защита персональных данных работников [3].

Они привлекаются к следующим видам ответственности:

- дисциплинарная;
- административной;
- уголовной;
- гражданско-правовой;
- материальной.

В соответствии со статьей 243 ТК РФ, материальная ответственность возлагается на правонарушителя в полном размере причиненного ущерба за разглашение информации, которая напрямую связана с персональными данными других лиц [3].

Дисциплинарная ответственность на работника, распространившего персональные данные другого работника, может возлагаться в виде увольнения. При этом, в зависимости от степени и тяжести совершенного правонарушения, увольнение может быть заменено иным дисциплинарным наказанием, например, в виде выговора или замечания.

Административная ответственность наступает за нарушения порядка сбора, хранения и распространения персональных данных и влечет за собой предупреждение или штраф в размере: от 300 до 500 рублей — для физических лиц; от 500 до 1000 — должностных лиц; от 5000 до 10000 — для юридических лиц. Также данная ответственность может наступить за несвоевременное предоставление запрошенной информации либо за предоставление заведомо недостоверной информации [4].

Кроме того, Уголовным кодексом РФ предусмотрена уголовная ответственность за неправомерный отказ в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам гражданина. Также уголовной ответственности подлежит лицо, которое при использовании своего служебного положения нарушило неприкосновенность частной жизни, в частности персональных данных [2].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [текст]: принята всенародным голосованием 12.12. 1993 г. // Российская газета. — 25 декабря 1993. — № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // «Российская газета», № 256, 31.12.2001.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О персональных данных» // «Российская газета», № 165, 29.07.2006.
6. Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрании законодательства Российской Федерации от 10 марта 1997 г. № 10, ст. 1127.

Юридическая ответственность за земельные правонарушения

Уварова Юлия Александровна, студент

Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Земля — важнейшим компонентом природной среды, так как является питательной средой для всего живого и нуждается в правовой охране.

Согласно статье 9 Конституции РФ «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» [1].

«Правовая охрана — это система мер, которые направлены на обеспечение рационального использования земель, сохранение и повышение их плодородия, защиту от истощения и разрушения, путем установления прав и обязанностей по отношению к земле» [6, с. 17].

В действующем законодательстве РФ нет определения понятия «земельные правонарушения».

Однако под ними принято понимать «виновное противоправное деяние (действие или бездействие), направленное против установленного Конституцией РФ и земельным законодательством земельного строя, порядка управления и пользования землей, ее охраны, а также против земельных прав и интересов юридических лиц и граждан» [7, с. 156].

Выделяют следующие виды земельных правонарушений:

- в области охраны собственности (уничтожение межевых знаков, самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых и другие);
- в области охраны окружающей среды и природопользования (несоблюдение экологических требований, невыполнение обязательных мероприятий по улучшению земель и другие).

Земельный кодекс РФ предусматривает применение к нарушителям земельного законодательства всех видов юридической ответственности:

- административная;
- уголовная;
- дисциплинарная;
- материальная;
- земельно-правовая [3].

Рассмотрим некоторые административные земельные правонарушения и ответственности за них:

- проведение мелиоративных работ с нарушением проекта проведения мелиоративных работ, наказывается штрафом на граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей: на должностных лиц — от трех до четырех;
- самовольное снятие или перемещение плодородного слоя почвы влечет наложение штрафа на граждан от одной тысячи до трех тысяч рублей, на должностных лиц — от пяти тысяч до десяти тысяч рублей [4].

Дисциплинарная ответственность предусмотрена статьей 75 Земельного кодекса РФ.

Субъектами данной ответственности выступают только должностные лица и работники организации. Они несут дисциплинарную ответственность, если в результате ненадлежащего выполнения ими своих трудовых обязанностей организация понесла административную ответственность (размещение и ввод в эксплуатацию объектов, оказывающих негативное воздействие на земли) [3].

Согласно статье 192 Трудового кодекса РФ за ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить дисциплинарные взыскания в виде замечания, выговора или увольнения [5].

Уголовная ответственность за нарушение земельного законодательства предполагает:

- незаконная рубка лесных насаждений, наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет со штрафом в размере от ста тысяч до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет со штрафом в размере от ста тысяч до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев или без такового;
- порча земли, наказывается в зависимости от степени тяжести данного деяния. Так если порча земли повлекла причинение вреда здоровью человека или окружающей среде, то наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет. Если же такое деяние повлекло смерть человека, наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок [2].

Земельно-правовая ответственность представляет собой принудительное изъятие земельных участков у граждан в связи с совершением правонарушений (неразумное использование земель) [3].

Таким образом за земельные правонарушения закреплены все основные виды ответственности: уголовная, ад-

министративная, дисциплинарная. Но при этом в последние годы отмечается ухудшение состояния земель России. И для того, чтобы добиться сокращения количества земель-

ных правонарушений, возможно, нужно ожесточить меры юридической ответственности, так как земля — это общенациональное достояние России.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [текст]: принята всенародным голосованием 12.12. 1993 г. // Российская газета. — 25 декабря 1993. — № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // «Российская газета», N 211–212, 30.10.2001.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // «Российская газета», № 256, 31.12.2001.
6. Ионова З. З. Правовая охрана земель: статья / З. З. Ионова. — Краснодар: Вып: 110, 2016. — 124 с.
7. Гусев Р. К. Земельное право. Учеб. Пособие/ Р. К. Гусев. — Москва: Изд-во Инфра М, 2000. — 205 с.

Ювенальная юстиция в России: советский период и современность

Фомина Алена Александровна, магистрант
Пензенский государственный университет

Ключевые слова: суд, Российская Федерация, судебная система, РСФСР, ювенальная юстиция, ювенальный суд.

После свержения монаршеской власти и закончившейся революции взгляд на существовавшую модель правосудия в отношении несовершеннолетних у новой власти изменился.

Уже в 1918 году ювенальные суды как автономные суды прекратили свое существование. Данное решение лишь показало всю проблематику сложившейся ситуации. Ведь отказ от ювенальных судов ставил под вопрос возможность выбора способа наказания несовершеннолетнему правонарушителю.

14 января 1918 СНК РСФСР был принят Декрет «О Комиссиях для несовершеннолетних». Декрет провозглашал отмену судов для несовершеннолетних и такую меру наказания, как тюремное заключение. Теперь работа с несовершеннолетними велась специально созданными Комиссиями. В состав комиссии входили представители следующих ведомств: юстиции, просвещения и общественного презрения. Обязательны было присутствие врача [3, с.69] Комиссия была вправе освободить малолетнего правонарушителя либо передать его дело в соответствующее учреждение Наркома общественного презрения.

В отличие от существовавших ювенальных судов в до-революционный период Комиссии по делам несовершеннолетних располагались на территории всего государства. Главным аппаратом управления, координирующим всю деятельность Комиссий на местах, являлась Центральная ко-

миссия по делам несовершеннолетних. Аналогов данным Комиссиям в мире не было. В обязанности Комиссий помимо вопросов об ответственности малолетних правонарушителей входила и забота об их воспитании, условиях жизни, а также борьба и профилактика беспризорности.

В основном дела в отношении несовершеннолетних решались Комиссией самостоятельно. Лишь в исключительных случаях, таких как рецидив и опасность деяния дела передавались на рассмотрение в суд. Огромная работа в то время велась и в вопросах взаимодействия между учреждениями власти, были созданы органы социального обеспечения и распределительные пункты [1, с.20]

Нельзя не отметить и развивавшуюся в то время законодательную базу. 30 июля 1920 года была принята инструкция «О работе комиссии о несовершеннолетних». Данная педагогическая инструкция содержала методику работ Комиссий. Слушание были публичными, на заседаниях могла присутствовать пресса, однако фамилии несовершеннолетних не раскрывались. Благодаря созданию данных комиссий несовершеннолетних удалось отгородить от уголовного судопроизводства, тем самым повышая гуманистическую политику в отношении подростков.

Однако гуманистическая направленность не оправдала ожиданий, рос несовершеннолетних преступников с каждым годом все больше увеличивался. Если в 1919 году осужденных подростков было 0,7%, то уже с 1925 году этот

процент вырос до 2,1. В связи с этим власть задумалась о создании судов по делам несовершеннолетних.

В феврале 1920 года был разработан и вынесен на обсуждение в правительство декрет «О суде над несовершеннолетними». Принят данный декрет был 4 марта 1920 года. Новеллой явилось то, что теперь дела в отношении несовершеннолетних в возрасте 14–18 лет передавались на рассмотрение народного суда, если Комиссия по делам несовершеннолетних не смогла применить к ним медицинские или педагогические меры воздействия.

Инструкцией Наркомпроса РСФСР по делам несовершеннолетних от 1921 года определялся порядок передачи дел в отношении несовершеннолетних в суд. Так, суду были полномочны дела о повторно совершенных преступлениях подростками, а также о побегах из исправительных учреждений, куда попадали несовершеннолетние после решения Комиссии.

Знаковым событием того периода времени явилось и то, что впервые были четко определены принудительные меры воздействия на несовершеннолетних, а именно: беседа, разъяснение, замечание, внушение, оставление на свободе под присмотром родителей, устройство на работу, определение в школу, оправление на родину, помещение в специализированные воспитательные и лечебные учреждения.

После принятия в 1923 году Уголовно-процессуального кодекса в РСФСР впервые был закреплен механизм работы ювенальных технологий. Новым явилось то, что теперь четко были регламентированы вопросы подсудности дел, сроков их рассмотрений, а также внедрены квалификационные требования к судьям по рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних. Судебное заседание по вопросам ответственности несовершеннолетнего велось только в присутствии защитника [3, с. 70–71]

Правосудие по делам несовершеннолетних вновь приняло карательный характер, когда Постановлением ЦИК и СНК СССР от 07 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» было возобновление привлечение несовершеннолетних ко всем видам наказания, а также был снижен возраст привлечения к уголовной ответственности до 12 лет. Комиссии по делам несовершеннолетних вовсе были ликвидированы. Теперь борьбу с подростковой преступностью вел НКВД в его же ведении были и специализированные учреждения по делам несовершеннолетних.

Впоследствии в 60-е годы 20 столетия Комиссии по делам несовершеннолетних вновь были воссозданы. Основными задачами данных Комиссии явилось: рассмотрение дел о преступлениях, совещенных подростками, защита их прав и свобод, а также надзор и профилактика беспризорности. В УК РСФСР 1960 были введены смягчающие обстоятельства в отношении несовершеннолетних, а также возможность применение принудительных мер воспитательного характера взамен уголовной ответственности. УПК РСФСР 1960 года ввел новый специальный раздел «Производство по делам несовершеннолетних». Таким

образом, гуманистические традиции в отношении ювенальной юстиции снова возродились [1, с.21]

После распада Советского Союза правовые акты, действовавшие до сих пор, прекратили свое существование. Вопрос о создании правосудия в отношении несовершеннолетних в новой России ставился очень остро.

Верховным Советом РСФСР в 1991 году была одобрена Концепция судебной реформы, которая предусматривала создание в России специализированных судов по делам несовершеннолетних.

Верховным Советом СФСР вела попытка разработки проекта закона о ювенальных судах, но в дальнейшем он не получил своего развития и последующего ободрения, так как не был вынесен даже на обсуждение.

Первые два созыва Государственной Думы также оставляли эту проблему без своего внимания.

Однако в Государственной Думе все же были сторонники введения закона о ювенальных судах (Мизулина Е. Б., Лахова Е. Ф., Махачев Г. Н. и др.) Ими было принято решение о внесении поправки в закон о судебной системе, а затем уже принятие самого закона о ювенальных судах. В Государственную Думу документов. В Государственную Думу был внесен проект ФКЗ «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О судебной системе Российской Федерации». Данный Закон предусматривал введение в закон о судебной системе статьи о ювенальных судах. Проектом было предусмотрено создание специализированных судов по делам несовершеннолетних (ювенальных судов), данные суды должны были рассматривать дела с участием хотя бы одного несовершеннолетнего в суде первой инстанции, второй, в порядке надзора и по вновь открывшемся обстоятельствам.

Председателем Верховного Суда РФ Лебедевым М. В. в декабре 2001 года был подготовлен и направлен председателю Государственной Думы Селезневу Г. Н. положительный отзыв на проект закона. Также положительный отзыв получило и Министерство юстиции Российской Федерации. В феврале 2002 года Федеральный Конституционный Закон о внесении изменений в судебную систему РФ был внесен на рассмотрение в Государственную Думу. В первом чтении данный проект был одобрен большинством голосов депутатов. В то время значительная часть политиков поддерживала идею внедрения ювенальных технологий в российское правосудие.

Все же 8 октября 2010 года Государственной Думой РФ во втором чтении более 400 депутатов отклонили проект конституционного закона «О внесении дополнений в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в части, касающейся создания специализированных судов по делам несовершеннолетних. По факту отклонение проект депутаты высказывались об отсутствии четкой структуры судов для несовершеннолетних, излишней размытости компетенции ювенальных судов, а также было непонятно: ювенальные суды будут существовать самостоятельно, либо в структуру отдельного суда будет включена в специализированная

должность судьи по рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Оставался открытым и вопрос подсудности, а также возможности рассмотрения уголовных и гражданских дел совместно.

Данный проект поднимал немаловажный вопрос о целесообразности создания указанных судов вообще. Для решения вышеназванных вопросов необходимо было принять ряд законопроектов.

Был разработан проект Федерального конституционного закона «О ювенальных судах в Российской Федерации». По данному проекту в систему ювенальных судов входили ювенальная судебная коллегия Верховного Суда РФ, ювенальные судебные коллегии судов субъектов и федеральные ювенальные судьи. Ювенальные суды должны были рассматривать уголовные и административные дела, в которых несовершеннолетний выступал либо подозреваемым, либо потерпевшим. При рассмотрении гражданских дел в ювенальном суде подросток мог выступать одной из заинтересованных сторон.

Был подготовлен еще один законопроект «Об основах системы ювенальной юстиции». Указанный проект Федерального закона определял следующие государственные

органы и учреждения, способствовавшие установлению в России ювенальных технологий: ювенальные суды, уполномоченные по правам ребенка; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; должностных лиц и иных работников прокуратуры, органов следствия и дознания; специализированные органы и учреждения юстиции, внутренних дел, здравоохранения, образования и культуры, социальной защиты, социального обслуживания; воспитательные колонии и иные специализированные учреждения. Однако, и этому закону не суждено было обрести свое существование в законодательной базе Российской Федерации [2, с. 11–13].

Современные УПК и УК содержат отдельные разделы, которые относятся к малолетним. Однако до настоящего времени законодателю все же не удалось разработать единый закон, регулирующий правосудие по делам несовершеннолетних.

На сегодняшний день правосудие в отношении несовершеннолетних осуществляется по единым стандартам, принципам и нормам уголовного процесса, хотя и отличается некой мягкостью. Все же законодатель пока не готов к кардинальным реформам в данной области.

Литература:

1. Замышляев М.Д. Перспективы ювенальной юстиции в России: исторические аспекты // Вопросы ювeнильной юстиции. — 2012. — № 5. — С. 18–22.
2. Замышляев М.Д. Перспективы ювенальной юстиции в России: исторические аспекты // Вопросы ювeнильной юстиции. — 2012. — № 6. — С. 11–15.
3. Лыноградская О.И. История становления ювенальной юстиции // Вестник Самарского юридического института. — 2013. — № 3 (11). — С. 67–72.

Особенности стадии возбуждения уголовного дела при производстве дознания в сокращенной форме

Хубецов Георгий Сергеевич, аспирант
Горский государственный аграрный университет (г. Владикавказ)

На протяжении всего исторического времени, Российское судопроизводство находится в поиске наилучших процессуальных форм. Форма судопроизводства на практике должна обеспечить, как законные права потерпевших, так и в свою очередь законность обвинения, осуждения, ограничения свободы. Таким образом, законодатель находится в постоянном поиске новых форм уголовного процесса. В связи с этим, Госдумой был принят ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» от 04.03.2013. № 23-ФЗ. В результате закона, появилась новая форма предварительного расследования именуемая — дознанием в сокращенной форме. Тем самым, УПК РФ был дополнен Гл. 32.1 [4].

Новая форма дознания, имеет существенные различия с общепринятым дознанием. При наличии повода и основания, предусмотренного ст. 140 УПК, дознание в сокращенной форме, возможно лишь в том случае, если:

- 1) подозреваемый сам подал ходатайство на производство дела по новой форме, установленной Гл. 32.1 УПК;
- 2) дело было возбуждено дознавателем в отношении конкретного лица, по признакам преступлений, которые даны в (п.1 ч.3 ст. 150 УПК);
- 3) подозреваемый сам признал свою вину, оценил причиненный им ущерб (вред) и не возражает против правовой оценки совершенного им деяния, которая

указана в постановлении о возбуждении уголовного дела;

- 4) нет обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме (ст. 226.2 УПК).
- 5) производство дознания по срокам не может быть превышено 15-ти суток с момента, как возбудили уголовное дело, но срок в случае исключения можно продлить до 20-ти суток, а вот дознание в общем порядке производят в 30 дне в. срок [5].
- 6) органы дознания, могут не заниматься проверкой доказательств, которые не были оспорены подозреваемым, его защитником, либо самим потерпевшим, либо потерпевшими.
- 7) итогом служит обвинительное постановление, которое составляет дознаватель, если считает, что все необходимые для следствия действия были произведены, а вот при дознании в общем порядке составляют обвинительный акт.

Обстоятельства, при наличии, которых не производят дознание в сокращенном порядке, согласно (ч.1 ст. 226.2 УПК), если:

- 1) подозреваемым стал несовершеннолетний;
- 2) возможно применение принудительных мер медицинского характера в порядке Гл. 51 УПК;
- 3) производство ведется в отношении отдельных категорий лиц Гл. 52 УПК;
- 4) лицо, совершило два и более преступления, которые не указаны в п.1 ч.3 ст. 150 УПК;
- 5) не понимает языка, на котором ведут уголовное дело.
- 6) потерпевший не согласен с ведением дознания в сокращенной форме (ч.1 ст. 226.2 УПК).

Если выясняется, что обстоятельства, указанные в (ч.1 ст. 226.2 УПК) были выявлены на любом этапе производства по делу, либо о них стало известно уже после того, как было принято решение о производстве дознания в сокращенной форме, но не направлено прокурору, то выносится постановление о дознании в общем порядке. В том случае, если об этих обстоятельствах стало известно уже в суде, то судья передает дело прокурору по подследственности и ведении его в общем порядке (ч.2 ст. 226.2 УПК).

Порядок подачи ходатайства, разъясняется подозреваемому, до начала первого допроса, о чем заносится в протокол отметка. После полученных разъяснений подозреваемый может подать ходатайство дознавателю, только в виде заявления, которое должно быть подписано самим подозреваемым и его защитником, но не позже 2-х суток после того, как ему разъяснили его права на ходатайство (ч.2 ст. 226.4 УПК). Дознаватель, обязан рассмотреть его в течение 24 часов с момента поступления и по результатам рассмотрения вынести

Постановление — об удовлетворении или отказе в нем. Данное постановление можно обжаловать в порядке, который установлен Гл. 16 УПК, т. е. подать жалобу прокурору (ст. 124 УПК) или в суд (ст. 125 УПК). Если ходатайство

подозреваемого было удовлетворено, то в течение 24 часов с момента вынесения постановления, об этом сообщается прокурору и потерпевшему. Потерпевший, если не согласен с вынесенным постановлением, может вносить свои возражения (ст. 226.4 УПК).

В случае введения производства дознания в сокращенной форме, за основу берут данные, которые были получены во время проверки заявления о преступлении (ст. 144 УПК) в стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому дознаватель имеет право:

- 1) больше не перепроверять уже полученные доказательства, в том случае если они никем не оспаривались;
- 2) не вести допрос лиц, которые уже давали объяснения, если нет необходимости в получении дополнительных сведений;
- 3) может, не назначать дополнительную судебную экспертизу, без необходимости в ней;
- 4) может, не проводить других следственных действий (ст. 226.5 УПК).

В том случае, если в стадии возбуждения уголовного дела были собраны не все доказательства, то дознавателю нужно установить невосполнимые следы преступления (т. е. достаточно провести осмотр места происшествия), потому что основой является то, что подозреваемый полностью признал вменяемую ему вину. Поэтому сегодня дознаватель при таких ускоренных возможностях вполне может уложиться в срок, который ему отвел законодатель, в данной сокращенной форме дознания, это не более 15 суток [3]. При этом обвинительное постановление должен составить в течение 10 суток, а 5 суток отводят для знакомства сторон с материалами дознания. Если, нужно будет произвести дополнительные следственные действия, в связи с ходатайством об этом обвиняемого или его защитника, то срок может быть продлен прокурором, в случаях предусмотренных (ч.9 ст. 226.7 УПК). Прокурор имеет право продлить срок до 20 суток, т. е. еще на 5 суток (ст. 226.6 УПК). Если сравнивать сроки производства в ускоренной форме и в общем порядке, то они различны. В общепринятом дознании они достигают 30 суток, а это как минимум в два раза дольше, чем в ускоренной форме. По окончании дознания в сокращенной форме, т. е. всех следственных действий дознавателем составляется — обвинительное постановление. В постановлении дознаватель описывает обстоятельства, которые перечислены в п-х 1—8 ч.1 ст. 225 УПК, а также указывает ссылки на листы уголовного дела (ч.1 ст. 226.7 УПК). Оно в обязательном порядке должно быть подписано дознавателем и утверждено начальником органа дознания (ч.2 ст. 226.7 УПК). Обвинительное постановление составляют в течении 10 суток, после дня вынесенного постановления к производству о дознании в сокращенной форме. В том случае, если есть необходимость в увеличении сроков следственных действий, то дознание будет продолжено в общем порядке (ч.3 ст. 226.7 УПК). Обвиняемого и его защитника

должны ознакомить в течении 3-х дней с обвинительным постановлением, а также с собранными по делу материалами, в том случае если это не представляется возможным, то производство по делу будет продолжено в общем порядке. При ходатайстве потерпевшего, либо его представителя, они также знакомятся и с постановлением, и с материалами в срок 3-е суток, но в случае, если это не представляется возможным, то производство продолжается в общем порядке. Все участники по делу, могут до окончания знакомства с документами, заявлять ходатайство согласно (ч.6 ст. 226.7 УПК). Если ходатайство не поступило или в их удовлетворении отказали, уголовное дело и обвинительное постановление направляют прокурору (ч.7 ст. 226.7 УПК).

Если ходатайство будет удовлетворено, которое предусмотрено п.4 ч.6 ст. 226.7 УПК дознаватель в течении 2-х суток, после окончания знакомства участников дела с обвинительным постановлением и его материалами должен пересоставить его и ознакомить всех указанных лиц в деле с пересоставленным постановлением, после чего направляет обвинительное постановление утвержденное начальником органа дознания, прокурору (ч.8 ст. 226.7 УПК). В том случае, если будет удовлетворено одно из ходатайств предусмотренных п-ми 1–3 ч.6 ст. 226.7 УПК дознаватель в течении 2-х суток после окончания знакомства всех участников по делу должен произвести все недостающие следственные и иные процессуальные действия, после этого направить пересмотренное им дело прокурору. Если дознаватель не укладывается в отведенный ему срок, то срок дознания возможно продлить до 20 суток, в порядке, который установлен ч.2 ст. 226.6 УПК, но если нет возможности уложиться и в этот срок, то дознание продолжают в общем порядке (ч.9 ст. 226.7 УПК).

Прокурор, после получения уголовного дела с обвинительным постановлением, в течении 3-х суток выносит согласно статьи 226.8 УПК одно из решений:

1) утверждает постановление и направляет уголовное дело в суд;

2) возвращает дело для того, чтобы обвинительное постановление было пересоставлено, в связи с тем, что оно не соответствует требованиям ч.1 ст. 226.7 УПК, на что он отвечает не более 2-х суток.

3) направляет дело дознавателю, для производства дознания в общем порядке, в том случае если:

а) присутствуют обстоятельства, предусмотренные ч.1 ст. 226.2 УПК;

б) были допущены нарушения в производстве;

в) недостаточны собранные доказательства для обвинения;

г) присутствуют основания предполагать — самооговор обвиняемого.

4) прекращает уголовное дело, в связи с присутствием оснований предусмотренных статьями 24;25;27; 28 и 28.1 УПК (ч.1 ст. 226.8 УПК).

В случае утверждения обвинительного постановления, прокурор имеет право, дать другую квалификацию обвинению, т. е. переквалифицировать на менее тяжкое (ч.2 ст. 226.8 УПК). Копии обвинительного постановления с приложениями, обязательно вручаются всем участникам процесса — это обвиняемому, защитнику, потерпевшему, его представителю, согласно порядку, который установлен ст. 222 УПК. Затем прокурором дело направляется в суд (ч.3 ст. 226.8 УПК). Постановление прокурора, направленное дознавателю для пересмотра уголовного дела, может быть обжаловано, но только после разрешения начальника органа дознания — вышестоящему прокурору, в течении 24-х часов с того момента, как к дознавателю поступило возвращенная прокурором дело, не зависимо от того поступило ли оно для пере составления, либо для продолжения ведения его в общем порядке. Вышестоящий прокурор не позднее 2-х суток после поступления материалов составляет постановление, в котором он может: 1) отказаться удовлетворить ходатайство дознавателя; либо 2) удовлетворить его ходатайство, т. е. отменить постановление нижестоящего прокурора и может сам направить документы в суд (ч.4 ст. 226.8 УПК).

В случае производства дознания в сокращённой форме, Судебное производство проводится в порядке, в соответствии со статьями 316 и 317 УПК. Наказание, которое назначено подсудимому согласно (ч.5 ст. 62 УК РФ), не должно превышать 1/2 от максимального срока или размера от самого строгого вида наказания, по данному преступлению (ст. 226.9 УПК), т. е. наказание сокращено буквально на половину для тех обвиняемых, которые воспользуются этой формой.

Таким образом, производство дознания в сокращённой форме характеризуется тем, что: 1) были сокращены процессуальные сроки; 2) специфичен сам процесс доказывания; 3) были расширены процессуальные права сторон; 4) было смягчено наказание на 1/2 от максимального.

Дознание в сокращенной форме, направлено на обеспечение быстрого доступа к правосудию, сокращению сроков производства, экономию сил, а также денежных средств Государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Российская газета. — 25 декабря. — 1993 года.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: ред. № 33-ФЗ от 07.03.2017.
3. Доля, Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. // Российский судья. 2013. № 6 С. 43–46.

4. Кругликов, А. П. Дополнение Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации новой главой «О дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства» // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 45–49.
5. Корякин В. А. Дознание в сокращенной форме в разрезе процессуальных сроков // Русский судья. 2014. № 9. С. 25–28.

Понятие дознания в уголовном процессе

Цеков Мурадин Асланович, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор обращается к вопросам понятия дознания в уголовном процессе и определения круга полномочий органов дознания.

Ключевые слова: *уголовный процесс, дознание, орган дознания, полномочия.*

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова «дознание» определяется в качестве предварительного административного расследования. «Дознавать» значит узнавать, допытываться, разведывать, разузнавать, разыскивать, доведываться, осведомляться, подходить розыском; удостовериться в чем-либо, точно разузнать; выяснить, вывести. И правда, в прошлом дознание появилось непосредственно в качестве полицейской административной деятельности на начальной стадии досудебного производства, осуществляемой не в соответствии с процессуальными правилами, которые были обязательны лишь для осуществления предварительного следствия.

В ст. 150 УПК РФ говорится о том, что предварительное расследование осуществляется в одной из двух форм: дознания или предварительного следствия, при этом осуществление предварительного следствия, как и ранее, обязательно по любому уголовному делу, кроме тех, по которым осуществляется дознание.

Дознание после того, как уголовно-процессуальное законодательство было изменено, действует лишь в качестве формы предварительного расследования по уголовным делам, указанным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, которые возбуждаются в отношении определенных лиц, совершивших преступления средней либо небольшой тяжести (ст. 15 УК РФ). Можно считать дознание укороченной по срокам и упрощенной формой расследования, которая предусматривает особые указанные в гл. 32 УПК РФ правила производства по уголовному делу [5, с. 409].

Как видно, следователи никогда не будут «обслуживать» некоторые общественно опасные деяния. Данному довольно много причин. Например, несложность объективной стороны преступных деяний, а значит — простота доказывания. Кроме того малый вред для общественных отношений, небольшая общественная опасность и процессуальная экономия. В конце концов, тривиальная нехватка следователей. В абсолютном большинстве случаев подобная категория дел подсудна мировым судьям.

Вину правонарушителя по указанным делам тоже приходится доказывать, хотя и в упрощенной форме и ускоренном режиме. Международная практика и исторический опыт свидетельствуют, что расследование подобных дел являлось, является и будет являться полномочием органов, которые имеют процессуальную компетенцию, а именно право производить дознание.

Проанализировав ст. 40 УПК РФ, можно заключить: обозначенные в рассматриваемой статье участники уголовного судопроизводства, исходя из объема полномочий, классифицируются на 2 группы. В первой находятся органы дознания, имеющие право на возбуждение уголовных дел и осуществление в полном объеме дознания по уголовным делам, для которых предварительное следствие не является обязательным. Во вторую группу входят субъекты уголовно-процессуальной деятельности, обладающие полномочием по возбуждению уголовных дел и осуществлению срочных следственных действий по уголовным делам, для которых предварительное следствие является обязательным (ч. 2 ст. 40 УПК РФ). Причем у второй группы есть и своя специфика — а именно субъектный состав. Он значительно больше в сравнении с субъектным составом предыдущей группы. Данное обстоятельство предопределено тем фактом, что осуществлять неотложные следственные действия имеют право не одни лишь органы дознания, а именно, органы таможи, органы внутренних дел, судебные приставы и пр., но также некоторые должностные лица. В частности, главы дипломатических консульств, капитаны речных и морских судов, которые находятся в дальнем плавании и пр. (ст. 157, ч. 2, ч. 3 ст. 40 УПК РФ).

Помимо этого, такие уполномоченные должностные лица и органы дознания, исходя из своих полномочий, классифицируются так же на 2 группы. В первую из них входят те, кто обладает полномочием на возбуждение уголовных дел и производство неотложных следственных действий в рамках их полномочий: пограничные органы ФСБ, органы

внутренних дел, начальники органов и учреждений уголовно-исполнительной системы Минюста РФ, командиры воинских соединений и частей и пр. [1, с. 9]

Во вторую группу входят субъекты уголовно-процессуальной деятельности, имеющие право на возбуждение уголовных дел и производство неотложных следственных действий лишь на конкретной территории. В частности, капитаны речных и морских судов, которые находятся в дальнем плавании, если преступления были совершены на упомянутых судах; начальники геологоразведочных партий и зимовок, которые удалены от органов дознания, если преступления были совершены по месту нахождения указанных зимовок и партий; главы консульских учреждений и дипломатических представительств РФ, если преступления были совершены в границах территории упомянутых учреждений и представительств.

Нужно выделить и более обширную подследственность субъектов первой группы, если сравнивать с подследственностью субъектов второй. В первую входят по меньшей мере 2 признака: территориальный и родовой. Во вторую — только территориальный.

Тем не менее, вне зависимости от принадлежности к одной либо другой категории (группе) органов дознания саму функцию дознания выполняют дознаватели. Укажем, что упомянутое понятие стало использоваться в обороте лишь в 2001 г. в УПК РФ. До данного момента использовалось понятие «лицо, производящее дознание». В ч.7 ст. 5 УПК РФ устанавливается, что дознаватель представляет собой должностное лицо органа дознания, которое уполномочено руководителем органа дознания либо правомочно вести в форме дознания предварительное расследование, а кроме того осуществлять другие полномочия, указанные в настоящем Кодексе [4, с. 64].

При обращении к изначальной редакции рассматриваемой нормы, можно заметить, что дознавателем называлось то лицо органа дознания, которое было правомочно вести в форме дознания предварительное расследование. Это понятие не действовало в отношении лица, которое было назначено на должность дознавателя, а кроме того, в отношении лица, которое осуществляло неотложные следственные действия в связи с поручением главы органа дознания по тем уголовным делам, которые подследственны органам предварительного следствия. Потребность в подобном поручении объективно существовала. Она имеется и по сей день. Данное предопределено тем фактом, что, в частности, в штате уголовно-исполнительной системы Минюста РФ нет должности дознавателя. Глава органа либо учреждения УИС Минюста РФ, который уполномочен на осуществление неотложных следственных действий, по определенным объективным причинам не станет самостоятельно расследовать преступления. Практика показывает, что он поручает осуществление неотложных следственных действий максимально компетентному в правовом аспекте сотруднику своего органа либо учреждения. В какой степени законным выступает передача главой органа

(учреждения) УИС Минюста РФ данных уголовно-процессуальных полномочий подчиненному ему сотруднику, можно ли считать доказательства, установленные при расследовании преступлений последним, приемлемыми — эти вопросы однозначно не истолковывались и являлись предметом множества научных диспутов. Помимо этого, изначальное понятие не распространялось на дознавателя, осуществляющего оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия.

Принятый 29 мая 2002 г. Федеральный закон внес в редакцию ч.7 ст. 5 УПК РФ изменения, согласно которым перечень лиц, обозначааемых термином «дознаватель» был расширен. Им также стало называться лицо, которое обладает правомочием на реализацию других полномочий, указанных в УПК РФ. Однако эта редакция указанной части была несовершенной, так как все также усложняла осуществление неотложных следственных действий некоторыми лицами, участвующими в уголовном судопроизводстве, в частности главами подразделений УИС Минюста РФ. Вследствие этого в 4 июля 2003 г. в вышеуказанную норму внесена была новая поправка, которая сделала ее более удобной в части правоприменения.

В ч.3 ст. 151 УПК РФ сказано, что должность дознавателя предусматривается в штате следующих органов: пограничных органов ФСБ, органов внутренних дел, органов таможни, службы судебных приставов Минюста РФ, органов Государственной противопожарной службы, органов Государственного комитета по контролю над оборотом психотропных веществ и наркотических средств. Все дознаватели вне зависимости от ведомственной принадлежности имеют аналогичный процессуальный статус. Их полномочия отличаются лишь на основании разной подследственности уголовных дел.

В форме дознания осуществляется предварительное расследование в общем порядке, определенном в отношении предварительного следствия. В ходе принятия дознавателем решения по делу, которое находится в его производстве, он исходит из тех же предписаний, что и следователь, а кроме того, другие участвующие в уголовном судопроизводстве лица, которые выполняют функцию расследования. Данные предписания указаны в самостоятельных нормах гл. 21 с названием «Общие условия предварительного расследования», гл. 22 «Предварительное следствие», и гл. гл. 24–29, регулирующих порядок и основания осуществления некоторых следственных действий. Причем законодатель не ограничивает список средств доказывания. Право осуществлять всяческие следственные действия, необходимые в конкретной следственной ситуации предоставлено именно дознавателю.

Дознаватель, приняв решение возбудить уголовное дело, применяет все процессуальные и следственные средства, призванные закрепить доказательства. Данные действия имеют целью выявление всех нужных признаков состава преступления и обстоятельств события, других обстоятельств дела [2, с. 182].

Относительно подозреваемого при дознании может выбираться определенная мера пресечения. Принимается подобное решение в таком порядке: дознавателем предварительно согласовывается ходатайство о выборе такой меры пресечения, как содержание под стражей, с прокурором, потом оно заявляется им перед судом. Принимается соответствующее решение в соответствии со ст. 108 УПК РФ.

Дознаватель после завершения дознания составляет обвинительный акт, утверждаемый главой органа дознания, и лишь после данного действия передается прокурору с материалами дела. Содержание указанного акта указано в ч.1 ст. 225 УПК РФ.

Защитник и обвиняемый обязательно должны быть ознакомлены с материалами дела и обвинительным актом. Защитнику потерпевшего и ему самому обвинительный акт и материалы уголовного дела предъявляются с целью ознакомления на основании заявленного ими ходатайства [3, с. 96].

В ст. 226 УПК РФ установлены действия прокурора по уголовному делу, которое поступило ему от органа дознания. А именно, прокурор вправе: вернуть в орган дознания уголовное дело с целью производства дополнительного дознания или составления нового обвинительного акта; утвердить данный акт и направить в суд уголовное дело; прекратить уголовное дело, если есть основания, указанные в ст.ст. 24–28 УПК РФ; направить с целью осуществления предварительного следствия уголовное дело. В ходе решения вопроса об утверждении обвинительного акта

прокурор имеет право изменения квалификации обвинения на менее тяжкое или исключения из обвинения некоторых пунктов. Прокурор в конкретной ситуации выносит особое постановление.

Утвержденный прокурором обвинительный акт, а кроме того приложения к нему вручаются потерпевшему, обвиняемому и его защитнику представителями прокурора.

Срок дознания является временным ограничением осуществления дознания либо процессуальных действий участников уголовного судопроизводства с ним связанных. Он бывает дополнительным и основным.

Согласно требованиям ст. 223 УПК РФ дознание осуществляется на протяжении 20-ти дней с того дня, как было возбуждено уголовное дело. Данный срок дознания можно продлить на срок, который не должен превышать 10 дней. Соответствующее решение принимает прокурор в связи с мотивированным постановлением дознавателя.

Какой-то процедуры продления совокупного месячного срока закон не устанавливает, и он является окончательным.

Подобное правило УПК РФ служит основанием для направления дознанием уголовного дела в значительном числе в органы предварительного следствия на основании окончания предельного срока осуществления дознания.

При наличии у прокурора оснований для передачи дела на составление нового обвинительного акта либо дополнительное дознание согласно ст. 226 УПК РФ, он вправе продлить срок дознания, соответственно, не более, чем на 3 дня и не более чем, на 10 дней.

Литература:

1. Аргунова Ю. Дознание в уголовном процессе // Российская юстиция. — 2012. — № 2. — С. 9.
2. Задерако В. Г., Семенцова И. А. Уголовно-процессуальное право для студентов вузов. Серия «Шпаргалки». Ростов-на-Дону: «Феникс», 2013. — С. 182.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М.: Юристъ, 2012. — С. 96.
4. Лазарева В. Новый УПК: правовое положение дознавателя // Уголовное право. — 2005. — № 2. — С. 64.
5. Уголовный процесс: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012. — С. 409.

Принципы статуса судей в Российской Федерации и в зарубежных странах

Чернышевич Мария Юрьевна, магистрант;

Научный руководитель: Ширяев Василий Николаевич, кандидат юридических наук, профессор

Хабаровский государственный университет экономики и права

В статье анализируется конституционное закрепление принципов статуса судей в Российской Федерации и в зарубежных странах. Рассматриваются принципы: независимость, несменяемость, неприкосновенность, несовместимость, назначаемость судьи.

Ключевые слова: статус судьи, принцип, несменяемость, независимость, несовместимость, неприкосновенность, назначаемость.

Principles of the status of judges in the Russian Federation and foreign countries

The article analyzes the legal consolidation of the principles of the status of judges in the Russian Federation and in foreign countries. The principles of independence, irremovability, inviolability, incompatibility, and appointment of a judge are considered.

Keywords: *judge's status, principle, irremovability, independence, incompatibility, inviolability, appointment.*

Деятельность судей взаимосвязана с их положением в обществе, то есть статусом судей. При этом статус судьи определяется как его правовое положение в обществе закрепленное в нормативных правовых актах. Одним из элементов статуса судьи являются основополагающие принципы, такие как: независимость, несменяемость, неприкосновенность, несовместимость, назначаемость судей. Особенностью действия всех принципов независимо от правовых систем государств является то, что они одновременно выступают гарантией прав и обязанностей судьи.

Независимость — важнейший принцип определяющий особый статус судей. Сущность принципа заключается в том, что исключается любое воздействие на судью со стороны других лиц и субъектов при разрешении дела. Независимость судей определяет отделение судебной власти от других ветвей власти. Данный принцип «гарантирует» правосудие, поскольку только беспристрастный независимый судья может обосновывать свое решение материальным правом и справедливостью. Нельзя не согласиться с мнением А. Ф. Скутина: «если судья при осуществлении правосудия независим, то он и не коррумпирован, и наоборот, коррумпированный судья всегда прислушивается к мнению других». [1, с. 79]

Согласно части 1 статьи 120 Конституции Российской Федерации: «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». [2, с. 27] Стоит подчеркнуть, что основной гарантией независимости судей является уровень их материального обеспечения. Данная гарантия обеспечивается во многих государствах, в том числе и в России.

Не зависимо от государственного устройства и форм правления данный принцип так или иначе устанавливается в большинстве стран мира и закрепляется в Конституциях. В статье 76 Конституции Японии принцип трактуется, как: «Все судьи независимы и действуют, следуя голосу совести; они связаны только настоящей Конституцией и законами». [3]

Рассматривая принцип независимости судей в Соединенных Штатах Америки (далее — США) подчеркнем, что первоосновой закрепления данного принципа является защита судей. Статья III Конституции США предусматривает, что федеральные судьи «занимают свои должности, пока ведут себя безупречно», и что они «получают за свою службу вознаграждение, которое не может быть уменьшено во время пребывания в должности». [4] Эти положения гарантируют невмешательство Конгресса или Президента в судопроизводство. Независимость судей в англосаксонской системе права обеспечивается их высоким статусом,

малочисленностью судейского корпуса и значительными окладами.

Принцип закреплен не только в национальном законодательстве большинства государств, но и на международном уровне. Во Всеобщей декларации прав человека, статье 10, говорится: «каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом». [5] Принимая во внимание этот факт, в странах разных правовых систем обеспечение независимости и беспристрастности суда рассматривается в качестве основного направления деятельности государства путем выработки мер, направленных на защиту прав граждан и противодействие коррупции.

Нет сомнения в том, что принципы взаимосвязаны и гарантируют друг друга. Таким образом принцип независимости гарантируется принципом несменяемости.

В юридической литературе термин «несменяемость судей» отделяется от термина «несменяемость судей в Российской Федерации». Прежде всего «несменяемость» толкуется как конституционный принцип судостроительства, заключающийся в том, что судья, будучи назначен, занимает свою должность пожизненно или до достижения определенного возраста. А «несменяемость судей в Российской Федерации» определяется, как «конституционный принцип судостроительства, заключающийся в том, что судья, избранный на определенный срок, не может быть произвольно смещен со своего поста до истечения этого срока». [6, с. 369—370]

В соответствии с Конституцией Российской Федерации судья несменяем. Он не подлежит переводу на другую должность или в другой суд без его согласия. Полномочия судьи в Российской Федерации могут быть прекращены или приостановлены не иначе как по основаниям и в порядке, установленном федеральным законом. [2, с. 27]

В настоящее время данный принцип признан законодательствами большинства стран. Одним из характеристик его выражения и не доведения до неограниченности является установление сроков полномочий пребывания судьи на должности или в предельном возрасте судьи на занимаемой должности.

Согласно нормам закона «О статусе судей Российской Федерации» полномочия судьи федерального суда не ограничены определенным сроком. Однако это вовсе не означает, что судья назначается на должность на неопределен-

ное время. Законом устанавливается предельный возраст пребывания в должности судьи — 70 лет. [7] В Российской Федерации так же действуют конституционные (уставные) суды субъектов. Они предусмотрены законами большинства субъектов и входят в общую судебную систему Российской Федерации. [8] Для таких судов возраст устанавливается законами соответствующих субъектов. [7] Анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность конституционных (уставных) судов показывает, что предельный возраст судьи варьируется от 60 до 70 лет. Срок полномочий судей устанавливается самостоятельно субъектами Российской Федерации. В законодательстве субъектов отмечаются различные подходы к данному вопросу. Судьи назначаются либо на определенный срок (Республика Тыва, Республика Дагестан, Свердловская область и другие) чаще всего от 10 до 12 лет, либо на неограниченный срок (Республика Карелия, Республика Саха (Якутия) и другие). Но предельный возраст судьи закреплен во всех нормативных правовых актах субъектов.

Мировой судья в первый раз назначается (избирается) на должность на срок, установленный законом соответствующего субъекта Российской Федерации, но не более чем на пять лет. В случае, если в течение указанного срока мировой судья достигнет предельного возраста пребывания в должности судьи, он назначается (избирается) на должность мирового судьи на срок до достижения им предельного возраста пребывания в должности судьи. [2, с. 27]

В статье 78 Конституции Японии говорится, что судьи не могут быть отстранены от должности без публичного разбирательства в порядке импичмента, за исключением тех случаев, когда судья в судебном порядке объявлен умственно или физически неспособным исполнять свои обязанности. При этом Судьи Верховного суда не являются пожизненными и «выходят» в отставку по достижении возраста, установленного законом. [3]

Конституция Республики Польша содержит положение о том, что судьи назначаются Президентом Республики по предложению Всепопольского Судебного Совета на неопределенное время. Далее в Конституции отмечается, что смещение с должности и отставка, регулируются законом. При этом законом все же определяются границы возраста в соответствии с которыми судьи уходят в отставку. [9]

В Конституции Италии в статье 107 отмечается, что Магистраты (судьи) несменяемы. Они не могут быть ни уволены или отстранены от должности, ни назначены на другие судебные или иные должности иначе как на основании решения Высшего совета магистратуры, принятого на основе и с гарантиями на защиту, установленными законом о судоустройстве, или с согласия самих судей». [10]

Не смотря на то, что принцип достаточно распространен, не везде он действует одинаково и в одинаковой форме. Судьи во многих штатах США избираются, а не назначаются. В ряде штатов предусмотрен институт отзыва путем народного голосования. Другими словами, в тех штатах, где существует институт отзыва, не признается гарантия

несменяемости судей как важнейшего средства обеспечения независимости и беспристрастности судебной власти. Так же в США судьи подлежат отстранению от должностей не иначе как по приговору суда. В других государствах увольнение судей возможно и в дисциплинарном порядке, как например в Российской Федерации. Здесь одним из видов дисциплинарных взысканий является досрочное прекращение полномочий судьи — мера юридической ответственности в виде увольнения лица, совершившего дисциплинарный проступок.

Наиболее ограждена несменяемость судей в Англии. Согласно «Акту об устройении» 1701 года, «патенты на должность судей будут выдаваться, пока они будут вести себя хорошо... но в случае представления обеих палат парламента признается допустимым их смещение». [11]

Рассматриваемый принцип служит защитой от произвола исполнительной власти. Однако если понимать принцип в буквальном смысле, то однажды назначенный судья может занимать свою должность пожизненно или до достижения преклонного возраста. Его невозможно будет сместить с должности или отозвать. Другой стороной абсолютизации этого принципа является возможность превращения судей в касту неприкосновенных. [12, с. 787] В настоящее время данный принцип не может быть доведен до абсурда. Так как при нарушении закона, злоупотреблению властью, в отношении судей должны приниматься надлежащие меры.

Дискуссионным является вопрос о соблюдении принципа неприкосновенности судей, поскольку его использование в своих личных целях может привести к беспорядку, нарушению прав и свобод граждан, а также к безнаказанности за совершение противоправных действий со стороны судьи.

По мнению многих современных ученых неприкосновенность — это необходимое условие для осуществления правосудия в демократическом обществе. Данную позицию также отстаивает В. А. Терехин. Он убежден, что неприкосновенность судей не исключает, а наоборот, предполагает их повышенную ответственность за выполнение ими своих должностных обязанностей. [13]

Принцип неприкосновенности закреплен в статье 122 Конституции Российской Федерации и трактуется как: «Судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом». [2, с. 27] Неприкосновенность судьи так же включает в себя неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). [7]

Не во всех конституциях современных стран закрепляется данный принцип. Анализ конституции Португальской Республики показывает отсутствие закрепления принципа. [14]

Конституции США, Японии не закрепляют рассматриваемый принцип, но предусматривают, что судья может быть лишен неприкосновенности только в порядке импичмента. Например, в статье 78 Конституции Японии установлено, что «судьи не могут быть отстранены от должности без публичного разбирательства в порядке импичмента». [3] Установка судейского иммунитета, как и других принципов правового статуса судей имеет целью обеспечение их независимости при рассмотрении судебных дел.

В большинстве конституций стран СНГ и государств Европейского Союза принцип неприкосновенности судей отражен. Так, например, в Азербайджанской Республике согласно отдельной статье Конституции «Неприкосновенность судей» все судьи неприкосновенны и к уголовной ответственности могут быть привлечены только в предусмотренном законом порядке. [15]

Один из правовых принципов — принцип несовместимости, который формируется на основании теории разделения властей. Его целью является содействие независимости судей при осуществлении ими правосудия. Принцип заключается в запрете судьи состоять на иной государственной или муниципальной службе, быть депутатом представительного органа власти, состоять в политической партии, заниматься предпринимательской или иной оплачиваемой деятельностью. Исключение составляет преподавательская, научная и иная творческая деятельность.

Большинство конституций не отражают принцип несовместимости. Зачастую это положение содержится в законах (специальных разделах или статьях), регулирующих судебную деятельность. В Конституциях Российской Федерации и Японии рассматриваемый принцип не закрепляется.

Статья 216 Конституции Португальской республики гласит, что судьи, выполняя свои служебные обязанности, не могут одновременно выполнять какие-либо иные функции в публичных или частных организациях, за исключением преподавания и научно-исследовательской работы в сфере юриспруденции без получения вознаграждения, согласно закону. [14]

Конституция Греции закрепляет двойной запрет: предоставлять судьям всякую иную оплачиваемую должность и самим судьям заниматься иной профессией. Из этого правила в порядке исключения разрешается избрание судей членами Академии и профессорами, а также участие их в специальных административных судах и комиссиях. Специально оговаривается, что запрещается участие судей в правительстве. [16]

В некоторых странах так же закрепляется такой принцип, как назначаемость судей. К таким государствам можно отнести Японию и Португальскую республику. Конституция Португальской республики гласит: «назначение на долж-

ность членом Верховного суда осуществляется по результатам открытого конкурса, проводимого среди магистратов, работающих в судах и в прокуратуре, и среди других заслуженных юристов, согласно закону». [14]

В соответствии с Конституцией Японии судьи судов низших инстанций назначаются Кабинетом из списка лиц, предложенных Верховным судом, все судьи верховного суда, за исключением главного судьи так же назначаются. Главный судья назначается Императором. [3] В США принципы выборности и назначаемости судей сочетаются: судьи Верховного Суда назначаются Президентом по совету и с согласия Сената, а в большинстве штатов судьи избираются гражданами.

В Российской Федерации этот принцип, обособленно вытекает из положения статьи 128 Конституции Российской Федерации, где судебный корпус формируется путем назначения гражданина на должность судьи. Судьи Конституционного Суда, Верховного Суда, назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации. Судьи федеральных судов назначаются Президентом России в установленном порядке. [2, с. 28] Однако, мировые судьи могут как назначаться законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации, так и избираться на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. [17] Таким образом, принцип назначаемости в Конституции Российской Федерации закреплён частично.

По мнению многих ученых принцип назначаемости судей, в большей мере обеспечивает профессионализм судебной деятельности, чем выборность, поскольку избиратели больше учитывают политический фактор, а не профессиональные критерии кандидата.

Сравнивая порядок закрепления положений о принципах статуса судей в Российской Федерации и зарубежных странах, можно говорить о их сходстве. В зависимости от типа правовых систем различаются источники закрепления принципов. В большинстве случаев основным источником выступают Конституции государств, однако некоторые принципы закрепляются и в отраслевом законодательстве. Конституция Российской Федерации в сравнении с другими Конституциями стран мира, объективно и полно закрепила основополагающие принципы, такие как: независимость, несменяемость, неприкосновенность, при этом раскрыв их сущность в отраслевых нормативных правовых актах. Такое, сравнительно небольшое количество принципов, отраженных в высшем законодательном акте России, позволяет выявить элементы конституционно-правового статуса судьи, а также обеспечить независимый и беспристрастный суд.

Литература:

1. Скутин А. Ф. Судебная реформа и проблемы коррупции в судах // Российское правосудие. 2008. № 10. С. 109.
2. Конституция Российской Федерации (с гимном России). — Москва: Проспект, 2016. — 32 с.

3. Конституция Японии // legalns. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf> (дата обращения: 30.04.2018).
4. Конституция Соединенных Штатов // Constitution Facts — Official U. S. Constitution Website. URL: <https://www.usconstitution.cc/> (дата обращения: 30.04.2018).
5. Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/> (дата обращения: 30.04.2018).
6. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд. М.: ИНФРА, 2001. С. 858.
7. О статусе судей в Российской Федерации: федеральный закон от 26 июня 1992 г. № 3132–1 (ред. от 05.12.2017, с изм. от 19.02.2018) // справочная правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 30.04.2018).
8. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1 (ред. от 05.02.2014) // справочная правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 30.04.2018).
9. Конституция Республики Польша // legalns. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (дата обращения: 30.04.2018).
10. Конституция Итальянской Республики // Самарский государственный университет Факультет после-вузовского профессионального образования. URL: <http://lawyers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/italy.htm#01.03.09.00.00.00.00.00> (дата обращения: 30.04.2018).
11. Акт об устройении 1701 года // Средневековые исторические источники востока и запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVIII/1700-1720/Akty_Parlament/akt_ustroenii_12_06_1701.phtml (дата обращения: 30.04.2018).
12. Маклаков, Вячеслав Викторович. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть: М.: Волтерс Клувер, 2006—896 с.
13. Судейская дисциплина и ответственность — гарантия прав и свобод граждан. «Журнал российского права», 2001, № 8 // Право. Библиотека: TXT. URL: <http://www.pravobooks.ru/pravolibraryfree/1178.html#.Wub7qe-FPDc> (дата обращения: 30.04.2018).
14. Конституция Португальской Республики // legalns. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 30.04.2018).
15. Конституция Азербайджанской Республики // Официальный интернет сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://static2.president.az/media/W1siZiIsIjIwMTg5MDMvMDkvY3dodDN2dzF0X0t0vbnN0dXRrc3lhX1JVUy5wZGYiXV0?sha=83f38924a4086483> (дата обращения: 30.04.2018).
16. Конституция Греческой Республики // legalns. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/greece.pdf> (дата обращения: 30.04.2018).
17. О мировых судьях в Российской Федерации: федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188 — ФЗ (ред. от 05.04.2016) // справочная правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 30.04.2018).

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Искаков Р. М.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кошербаева А. Н.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Федорова М. С.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Искаков Р. М. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Кошербаева А. Н. (Казахстан)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Кыят Э. Л. (Турция)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Федорова М. С. (Россия)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.**Ответственный редактор:** Осянина Е. И.**Художник:** Шишков Е. А.**Верстка:** Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:**почтовый:** 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;**фактический:** 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>**Учредитель и издатель:**

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 23.05.2018. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25